

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

**ПРАВО:
РЕТРОСПЕКТИВА
И ПЕРСПЕКТИВА**

№ 2 (6)

**LAW:
RETROSPECTIVE
AND PERSPECTIVE**

Уфа – 2021

12+

Научный журнал

Издается с 2020 года 4 раза в год
Учредитель и издатель – ФГКОУ ВО УЮИ МВД России**Главный редактор:**

Ханахмедов Алексей Сефединович – кандидат юридических наук, доцент, начальник Уфимского юридического института МВД России.

Заместитель главного редактора:

Терехов Алексей Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Уфимского юридического института МВД России (по научной работе).

Члены редакционной коллегии:

Асмандиярова Наиля Римовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Варданян Акоп Вараздатович – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России.

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Диваева Ирина Рафаэловна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Дизер Олег Александрович – доктор юридических наук, доцент, начальник научно-исследовательского отдела Омской академии МВД России.

Ильяшенко Алексей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета.

Имаева Юлия Борисовна – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России.

Исаев Андрей Анатольевич – кандидат философских наук, доцент, заслуженный работник образования Республики Башкортостан, начальник кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Исхаков Эдуард Робертович – доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России.

Казамиров Анатолий Иванович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Каримов Рим Римович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Киселев Николай Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Кудина Светлана Анатольевна – кандидат юридических наук, помощник начальника института (по правовой работе) – начальник отделения (правовое отделение) Уфимского юридического института МВД России.

Латыпов Вадим Сагитьянович – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Лысенко Евгений Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры управления в органах внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Маликов Борис Зуфарович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Мамлеева Дилара Радиковна – кандидат юридических наук, доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Мухаметов Павел Алексеевич – кандидат исторических наук, заместитель начальника кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Надтачаев Павел Валерьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Небрятенко Геннадий Геннадиевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России.

Николаева Татьяна Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Нугаева Эльвира Дамировна – кандидат юридических наук, начальник кафедры криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Нугуманов Азат Римович – кандидат юридических наук, доцент кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Поезжалов Владимир Борисович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России.

Рахимов Эльдар Харисович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Самигуллин Венир Калимуллович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Субхангулов Рустем Раисович – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Сулейманова Инна Евгеньевна – кандидат юридических наук, начальник кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Хакимов Салават Хазибович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Хусаинов Рамиль Равилович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Рег. №: ПИ № ФС 77 – 77364 от 31 декабря 2019 года.

Журнал входит в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) научной электронной библиотеки «eLIBRARY».

Подписной индекс: распространяется по договору подписки с ООО «Агенство «Книга-Сервис», 79094.

Адрес редакции, издателя, типографии: 450103, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.

Литературный редактор, техническая верстка Т. И. Матвеева.

Телефон/факс: (347) 255-06-66;

e-mail: vestnik_uyi@mvd.ru, rio_uyi@mvd.gov.ru (с пометкой: «Право: ретроспектива и перспектива»).

Редакционно-издательский отдел Уфимского ЮИ МВД России.

Подписано в печать: 28.06.2021. Дата выхода в свет: 30.06.2021

Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 14,2. Гарнитура Times. Тираж 1000 экз. Первый завод 60 экз.

Заказ № 58. Цена свободная.

LAW:

№ 2 (6) 2021

RETROSPECTIVE AND PERSPECTIVE

Scientific journal

Published since 2020 4 times a year

Founder and publisher – Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Editor-in-chief:

Khanakhmedov Alexey Sefedinovich – Candidate of Law, Associate Professor, the Chief of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Deputy editor-in-chief:

Terekhov Alexey Yurievich – Candidate of Law, Associate Professor, the Deputy Chief (in research work) of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Members of the editorial board:

Asmandiyarova Naila Rimovna – Candidate of Law, Associate Professor, assistant professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vardanyan Akop Varazdatovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminalistics and Operative-Detective Activity of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Grigoriev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Counteraction against Illegal Drug Trafficking of the International Interdepartmental Training Center for Operational Units named after lieutenant-general of militia A. N. Sergeev.

Divaeva Irina Rafaelovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Dizer Oleg Alexandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Research Department of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Ilyashenko Alexey Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Kuban, professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Kuban State University.

Imaeva Yulia Borisovna – Candidate of Law, Deputy Head of the Chair of Criminalistics of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Isaev Andrey Anatolyevich – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Honored Worker of Education of the Republic of Bashkortostan, Head of the Chair of Social, Humanitarian and Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Iskhakov Eduard Robertovich – Doctor of Medical Sciences, Professor, professor of the Chair of Criminalistics of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kazamirov Anatoly Ivanovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Constitutional Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karimov Rim Rimovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kiselev Nikolay Nikolaevich – Candidate of Law, Associate Professor, assistant professor of the Chair of Operative-Detective Activity of the Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kudina Svetlana Anatolyevna – Candidate of Law, Assistant Head of the Institute (for legal work) – Head of the Department (the legal department) of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Latypov Vadim Sagitianovich – Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Lysenko Yevgeniy Sergeevich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Management in the Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Malikov Boris Zufarovich – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Mamleeva Dilara Radikovna – Candidate of Law, assistant professor of the Chair of Civil-Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Mukhametov Pavel Alekseevich – Candidate of History, assistant professor of the Chair of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nadtachaev Pavel Valerievich – Candidate of Law, Associate Professor, assistant professor of the Chair of Civil-Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nebratenko Gennadiy Gennadievich – Doctor of Law, Associate Professor, professor of the Chair of Theory of State and Law of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nikolaeva Tatyana Viktorovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nugaeva Elvira Damirovna – Candidate of Law, Head of the Chair of Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nugumanov Azat Rimovich – Candidate of Law, assistant professor of the Chair History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nurkaeva Tatyana Nikolaevna – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Poezhalov Vladimir Borisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Professional Training of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Rakhimov Eldar Kharisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Civil-Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Samigullin Venir Kalimullovich – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Constitutional Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Rustem Raisovich Subkhangulov – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social, Humanitarian and Economic Disciplines of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Suleimanova Inna Evgenievna – Candidate of Law, Head of the Department of Administrative and Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Khakimov Salavat Khazibovich – Candidate of Historical Sciences, Associate professor, assistant professor of the Chair of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Khusainov Ramil Ravilovich – Candidate of Law, Associate Professor, assistant professor of the Chair of Operative-Detective Activity of the Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, information technologies and mass communications.

Reg. No.: PI No. FS 77-77364 dated December 31, 2019.

Included into «Russian Science Citation Index» data base of «eLIBRARY».

The subscription index circulates according to the subscription contract with «Agency «Kniga-Servis», Ltd. 79094.

The address of the editorial office, the editor and the printing house: 450103, the Republic of Bashkortostan, Ufa, 2, Muksinova street.

The copy editors, layout T. I. Matveeva. Tel./fax (347) 255-06-66;

e-mail: vestnik_uyi@mvd.ru, rio_uyi@mvd.gov.ru (marked: “Law: retrospective and perspective”).

Editorial and publishing department of Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Signed for publishing: 28.06.2021. Release date: 30.06.2021.

Format 60x84 1/8. Conv. print sheets 14,2. Typeface Times.

Circulation: 1000 copies. The first plant is 60 copies. Order № 58. Free price.

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи и доклады	8
---------------------------------------	---

Теория права

<i>Кутушев Г. З.</i> Историко-правовые аспекты партийных чисток в государственном аппарате Башкирской АССР в 20-е годы XX века	8
<i>Мухаметов П. А.</i> Деятельность Министерства внутренних дел и Министерства полиции Российской империи по управлению здравоохранением в начале XIX века.	14
<i>Самигуллин В. К.</i> Идея равенства и ее воплощение в праве и правовом регулировании общественных отношений	20

Публично-правовой блок

<i>Казаченок В. В.</i> Правовое регулирование использования электрических средств передвижения малой мощности в России	33
<i>Хабибова Л. Д.</i> Основные направления деятельности участковых уполномоченных полиции по предупреждению и профилактике правонарушений и преступлений	39

Частно-правовой блок

<i>Рахимов Э. Х., Фазлиева Л. К.</i> Новый этап совершенствования законодательства о контрактной системе	44
--	----

Уголовно-правовой блок

<i>Афзалетдинова Г. Х.</i> Назначение судебных автотехнических экспертиз при расследовании дорожно-транспортных преступлений	48
<i>Маликов Б. З., Николаева Т. В.</i> К вопросу об уголовно-исполнительных и уголовно-процессуальных правоотношениях в деятельности уголовно-исполнительных инспекций.	53
<i>Миролюбов С. Л.</i> Актуальные вопросы назначения криминалистических экспертиз при расследовании преступлений экстремистской и террористической направленности . . .	60
<i>Никитин А. В., Ступницкий А. Е.</i> Оперативно-розыскная характеристика способов финансирования экстремисткой деятельности.	66
<i>Нугаева Э. Д.</i> Особенности проведения тактической операции «задержание с личным» при раскрытии и расследовании коррупционных преступлений	71
<i>Сибгатуллин Ф. Ф., Латыпов В. С.</i> И снова к вопросу о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами	78
<i>Федотова А. В.</i> Уголовно-правовая политика по противодействию организованной преступности в экономической сфере.	83
<i>Шагиева Г. Р.</i> Лингвокриминалистические исследования сленга наркоманов	89
<i>Янбухтин Р. М.</i> Религиозный экстремизм: правовой и социологический аспекты	93

Трибуна молодого ученого

<i>Редько А. А., Яловенко Т. В.</i> Особенности опубликования научных статей педагогических работников образовательных организаций МВД России в базах данных Scopus и Wos.	99
---	----

Отзывы. Рецензии. Персоналии

<i>Каац М. Э.</i> Отзыв официального оппонента на диссертацию Свечниковой Елены Ивановны «Обеспечение безопасности свидетелей: уголовно-процессуальный аспект», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности: 12.00.09 – Уголовный процесс.	104
--	-----

Памятка	113
----------------------	-----

CONTENTS

Scientific articles and reports 8

Theory of Law

Kutushev G. Z. Historical and legal aspects of party purges in the state administration of Bashkir ASSR in the 20s of the XX century Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic 8

Mukhametov P. A. Activities of the Ministry of the Internal Affairs and Ministry of Police of the Russian Empire for healthcare management at the beginning of the XIX century 14

Samigullin V. K. The idea of equality and its implementation in law and legal regulation of public relations. 20

Public-legal section

Kazachenok V. V. Legal regulation of the use of low-power electric vehicles in Russia 33

Khabibova L. D. The main activities of the district police commissioners for the prevention and prevention of offenses and crimes. 39

Private-legal section

Rakhimov E. Kh., Fazlieva L. K. A new stage in improving the legislation on the contract system 44

Criminal-legal section

Afzaletdinova G. Kh. Appointment of forensic autotechnical examinations in road traffic offences investigation 48

Malikov B. Z., Nikolaeva T. V. On the issue of criminal-executive and criminal-procedural legal relations in the activities of criminal-executive inspections 53

Mirolubov S. L. Topical issues of the appointment of forensic examinations in the investigation of crimes of extremist and terrorist orientation 60

Nikitin A. V., Stupnitski A. E. Operational-search characteristics of methods of financing of extremist activities. 66

Nugaeva E. D. Features of conducting tactical operation “red-handed detention” in detecting and investigating corruption crimes. 71

Sibagatullin F. F., Latypov V. S. Getting back to the issue of obtaining information on connections between subscribers and (or) subscriber devices 78

Fedotova A. V. Criminal law policy on combating organized crime in the economic sphere. ... 83

Shagiyaeva G. R. Linguocriminalistic studies of drug addicts’ slang. 89

Yanbukhtin R. M. Religious extremism: legal and sociological aspects 93

Young scientist’s tribune

Redko A. A., Ialovenko T. V. Features of Scientific Articles Publication of the Teaching Staff of the Educational Organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Databases of Skopus and Wos. 99

Reviews. Comments. Personalities

Kaatz M. E. Review by the official opponent of the dissertation “Ensuring the safety of witnesses: criminal procedure aspect”, submitted for the degree of Candidate of Law, specialty: 12.00.09 - Criminal procedure by Elena Ivanovna Svechnikova 104

Instruction. 113

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

ТЕОРИЯ ПРАВА

УДК 35.08:329(479.57)РКП”1921/1929”

Г. З. КУТУШЕВ, доцент кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России, кандидат исторических наук (г. Уфа)

G. Z. KUTUSHEV, Assistant Professor of the Chair of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Historical Sciences (Ufa)

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПАРТИЙНЫХ ЧИСТОК В ГОСУДАРСТВЕННОМ АППАРАТЕ БАШКИРСКОЙ АССР В 20-Е ГОДЫ XX ВЕКА

HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF PARTY PURGES IN THE STATE ADMINISTRATION OF BASHKIR ASSR IN THE 20S OF THE XX CENTURY BASHKIR AUTONOMOUS SOVIET SOCIALIST REPUBLIC

***Аннотация.** В статье анализируется содержание и результаты партийных чисток в системе органов государственной власти Башкирской АССР в период с 1921 по 1929 гг. Рассматриваются основные аспекты биографии коммунистов республики, на которые обращали внимание проверочные комиссии и которые могли послужить основанием для исключения из партии. Характеризуется специфика взаимоотношений между советскими органами власти и Башкирским областным комитетом партии большевиков в условиях политических процессов 1920-х годов.*

***Ключевые слова и словосочетания:** чистка партии, партийные проверки, Башкирская АССР, Башкирский обком РКП (б), советские служащие, государственный аппарат, политика НЭПа, партии и государство.*

***Annotation.** The article analyzes the content and results of party purges in the system of state authorities of the Bashkir ASSR (Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic) in the period from 1921 to 1929. The article examines the main aspects of biography of the communists of the republic to which the verification commissions paid attention and could serve as a basis for expulsion from the party. The specificity of the relationship between the Soviet authorities and the Bashkir Regional Committee of the Bolshevik Party in the context of the political processes of the 1920s is characterized.*

***Keywords and phrases:** Party purge, party checks, the Bashkir ASSR, the Bashkir regional committee of the RCP (b), Soviet employees, state administration, policy of the NEP, party and state.*

Процесс формирования государственного аппарата в национальных автономиях РСФСР первых лет советской власти имел ряд специфических особенностей. Необходимость усиления центральных и местных советских учреждений партийными кадрами была крайне важной для большевиков. В то же время увеличение рядов РКП (б) в годы Гражданской войны и НЭПа не всегда удовлетворяло местное партийное руководство в плане качественных характеристик новых резервов. К примеру, в Башкирской АССР большинство служащих-коммунистов имели партийный стаж лишь с 1918–1919 гг., вызывали сомнения в плане социального происхождения и политической лояльности. Многие местные партийцы являлись бывшими участниками башкирского национального движения, Белой армии или других оппозиционных большевикам течений. Нередки были случаи проникновения в ряды РКП (б) лиц с уголовным прошлым или откровенных проходимцев. Анализ архивных документов, посвященных партийным чисткам Башобкома в системе государственного управления, позволяет проследить изменение подходов в кадровой политике большевиков на региональном уровне в переходный период от военного коммунизма к НЭПу и дальнейшему форсированному строительству социализма.

В июле 1920 г. в Стерлитамаке состоялась III Всебашкирская конференция РКП (б), которая проходила в достаточно нервной обстановке, вызванной недавним самороспуском первого состава Башревкома и последовавшим вслед за этим политическим кризисом в республике. Весьма характерным является один эпизод, имевший место во время заслушивания пленарных докладов. Слово на конференции получил нарком просвещения Г. А. Айдаров. Однако его выступление вызвало гневную реакцию среди присутствовавших коммунистов, кото-

рые потребовали «...обратить внимание на очистку аппарата просвещения от негодного элемента» и ставили в вину наркому то, что комиссариат просвещения не следует принципам единой трудовой школы, действуя в интересах контрреволюционных социальных групп. Очевидно, здесь наркому Айдарову припомнили то, что органы просвещения в поисках грамотных специалистов привлекали представителей мусульманского духовенства в качестве учителей башкирских и татарских советских школ. Участники партийной конференции также выдвинули предложения «...к полной реорганизации Наркомпроса сверху донизу» [1]. Содержание данного мероприятия четко показало, что отныне такие аспекты как социальное происхождение и политическая благонадежность как учителей, так и учащихся будут поставлены во главу угла образовательного и воспитательного процесса.

Первая генеральная чистка партийных рядов в масштабах всей страны стартовала в 1921 г. во многом по инициативе В. И. Ленина. Впервые вопрос о необходимости очищения партии от нежелательных и случайных элементов поднимался в ходе проведения X съезда РКП (б). Затем 27 июля 1921 г. в газете «Правда» от имени ЦК РКП (б) было опубликовано обращение «Ко всем партийным организациям. Об очистке партии», где была обозначена задача вычистить из коммунистических рядов кулацкие, контрреволюционные элементы, а также проверить благонадежность выходцев из буржуазной интеллигенции [2]. Сам В. И. Ленин высказался на этот счет на страницах «Правды» 21 сентября 1921 г. в статье «О чистке партии», заявив, в частности, следующее: «Очистить партию надо от мазуриков, от обюрократившихся, от нечестных, от нетвердых коммунистов и от меньшевиков, перекрасивших «фасад», но оставшихся в душе меньшевиками» [3].

В Башкирской АССР широкомасштабная кампания по партийной чистке штатов государственных органов началась осенью 1921 года. Стоит отметить, что по ее итогам из партии, а также из состава центральных и местных советских органов были исключены сотни работников, вызывавших недоверие у Башобкома как по отдельным эпизодам биографии, так и по социально-политическим характеристикам. Особо пристальное внимание членов проверочной комиссии привлекали лица, работавшие в составе бывшего валидовского правительства. К примеру, личное дело действующего наркома просвещения Ф. Ахмедуллина вызвало у проверяющих сомнения относительно его «социальной безупречности» и «политической надежности» [4]. 26 ноября 1921 г. по итогам проверки Ф. Ахмедуллина даже временно исключили из состава партии «как имеющего определенные национальные взгляды и ведущего буржуазный образ жизни» [5].

В ряде случаев исключение из партии носило характер борьбы с разложившимися элементами. Так, один из заместителей председателя правления Башторга А. Х. Хасанов был исключен из рядов партии с формулировкой «...за шкурничество и использование служебного положения в личных интересах». Однако через год он был восстановлен в партийных рядах с одновременным снятием с занимаемой должности [6].

Противоречия между Башобкомом и Башсовнаркомом, в составе которого работали политические деятели, участвовавшие в башкирском национальном движении 1917–1920 гг., не прекращались и в последующие годы, приобретая различные формы. Периодически руководство Башобкома РКП (б) обращалось за помощью к Москве в поисках поддержки при решении определенных политических конфликтов. В конце 1922 г. Уфу посетил представитель ЦК РКП (б) П. Г. Смидович, который дал следующую характеристику членам правитель-

ства Башкирской АССР А. Адигамову и А. Бишеву: «...оба из ряду развитые, интеллигентные, энергичные, на две головы выше прочих, члены партии не раньше 19-го года, оба с партией идеологически ничего общего не имеющие: полные мелко-буржуазного национализма и ведущие за собой остальных...» [7].

Достаточно частыми были исключения сотрудников из партийных рядов и увольнения с работы по причине совершения ими уголовных преступлений финансового характера или дисциплинарных проступков. К примеру, в июне 1924 г. за подписью председателя Совнаркома Башкирской АССР М. Халикова всем наркоматам и местным органам управления был разослан секретный циркуляр. В документе содержалось предписание для командированных по служебной линии в столицу сотрудников в обязательном порядке регистрироваться в Башпредставительстве г. Москвы. Отмечалось, что некоторые представители республиканского госаппарата злоупотребляют своими полномочиями и бесконтрольно занимаются преступными деяниями. Так, сотрудник Башкирской военкооперации сбежал из Москвы с деньгами, полученными на баланс республики. Еще один сотрудник башкирского правительства товарищ Иванов по неизвестным причинам «...впал в психически расстроенное состояние и блуждал по Москве в течение полутора месяцев в беспомощном состоянии» [8]. Можно привести также пример, когда в 1926 г. был подвергнут партийному взысканию и едва не исключен из партии инструктор Башглавсуда Б. Г. Мутиков, когда во время голосования по вопросу исключения Л. Д. Троцкого из партии он воздержался от участия в означенном голосовании и был обвинен в нарушении партийных принципов [6].

Одним из решений XIII съезда РКП (б) в декабре 1924 г. стало проведение новой чистки непроизводственных партийных организаций. Рассмотрим некоторые ее результаты на примере анализа

материалов проверочной тройки по чистке рядов РКП (б) Башобкома по ячейке Народного комиссариата просвещения. Проверка проводилась в феврале 1925 г. и коснулась 37 сотрудников, работавших как в центральном аппарате комиссариата просвещения, так и в подведомственных ему учреждениях. Особое внимание в биографиях члены проверочной тройки уделяли периоду Гражданской войны, стараясь выявить среди работников народного образования тех, кто активно участвовал в белом движении. Так, наиболее придиристо изучалась биография Л. С. Каримова, бывшего народного учителя, члена партии с августа 1919 г. Будучи в рядах Красной Армии до 1924 г. он занимал должность командира взвода и роты, был секретарем политбюро полка и бригады. На момент же проверки состоял членом Правления Башкирского областного отдела Всероссийского союза работников просвещения. Сам Людвиг Каримов указал, что является выходцем из крестьян и получил среднее образование. Проверка выявила, что он уже имеет партийное взыскание в виде выговора за присвоение казенных денег и организацию на них банкета на съезде работников просвещения. Кроме того, выяснилось, что дважды в ходе Гражданской войны Каримов оказывался в составе частей Белой армии. В 1918 г. он служил помощником каптенармуса в Уфе, занятой войсками чехословацкого корпуса. Уже после вступления в партию Каримов вновь попал в плен к белым на южном Врангелевском фронте, а затем был мобилизован и назначен командовать белогвардейской ротой, где и провел три месяца. Сам он утверждал, что не принимал участия в расстрелах и карательных акциях. Тем не менее проверяющие, очевидно имевшие определенные сведения на этот счет, придиристо выясняли, имеет ли он отношение к расстрелам крестьян и коммунистов в д. Ильмурзино и ряде других населенных пунктов, восставших в свое время против армии Колчака. В конеч-

ном счете, проверочная тройка постановила исключить

Л. С. Каримова из рядов РКП (б) как «чуждого элемента с сомнительным уголовным и контрреволюционным прошлым» [9].

Характерен и другой контрастный пример. Так, личность молодого поэта и журналиста Х. А. Габитова первоначально также вызывала сомнения у проверочной тройки. Несмотря на то, что сам он был выходцем из рабочих, вступил в партию еще в ноябре 1919 г. и являлся «...участником разгона белых банд», в его биографии нашлись компрометирующие факты. В 1922 г. он был исключен из партии и переведен в кандидаты из-за «сотрудничества в газете Башкирского правительства Валидова». Однако его дальнейшая работа в Научном обществе по изучению Башкирии и ряде советских органов, отсутствие выговоров и замечаний по партийной линии и, по всей видимости, благоприятное впечатление, произведенное при личном собеседовании с проверяющими, заставили последних принять решение о возвращении Габитова в члены РКП (б) [9].

Не вызвала нареканий проверочной тройки и кандидатура учительницы Е. М. Васюниной, на тот момент времени работавшей заведующей общежитием для подростков. Будучи выходцем из крестьян, она имела среднее образование в объеме гимназии и состояла в партии с 1919 г. Однако в ноябре 1923 г. была исключена из рядов РКП (б) за «судимость по делу убийства женщины, убитой за оскорбление личности». Проверяющие тем не менее отметили хороший уровень ее политической грамотности и порекомендовали перевести Васюнину на более ответственную работу [9].

Партийная проверка в феврале 1925 г. выявила наличие в ячейке РКП (б) по Башнаркомпросу двух бывших членов эсеровской партии. Один из них, Ф. И. Бахаев, заведующий детдомом, являлся членом партии социали-

стов-революционеров с 1905 по 1917 гг. Но затем вышел из ее состава и в декабре 1918 г. вступил в ряды РКП (б). Вторым бывшим представителем эсеровской организации оказался известный деятель народного образования республики Ш. Х. Сюнчелей, числившийся на тот момент заведующим Башкирским Академцентром. Члены проверочной комиссии отметили по отношению к нему, что «...выясняется слишком мягкий подход к спецам и переоценка работы последних и слабое марксистское мировоззрение». Очевидно, имелось в виду то, что заведующий Академическим центром не проводил активной политико-идеологической работы среди представителей старых кадров специалистов в системе образования и науки. Тем не менее и Бахаев, и Сюнчелей благополучно прошли проверку и продолжили работу в системе Башнаркомпроса [9].

В целом чистка 1925 г. показала, что партийные органы при проверке членов и кандидатов РКП (б) обращали внимание на следующие характеристики: 1) социальное происхождение; 2) уровень марксистского правосознания; 3) деятельность проверяемого в годы Гражданской войны; 4) наличие судимостей и партийных выговоров, 5) общая оценка политической благонадежности. При этом важно заметить, что давнее участие в оппозиционных политических партиях и движениях, прошлые связи с контрреволюционными элементами или недостаточная идеологическая подкованность в данный период пока еще не рассматривались в качестве фатальных обстоятельств, которые могли бы помешать при продвижении по карьерной лестнице или отразиться на партийном статусе гражданина. При наличии положительной характеристики и публичном признании политических ошибок работник госаппарата мог рассчитывать на снисхождение, восстановление в партийных рядах или повышение по службе. С учетом национально-культурных осо-

бенностей региона, делались определенные скидки и на социальное происхождение проверяемых.

К концу 20-х гг. XX века ситуация в сфере партийно-государственного контроля становится более напряженной. В стране разворачиваются масштабные открытые судебные процессы над «вредителями» и «классовыми врагами», происходит форсированный переход к индустриализации и коллективизации, командно-административная централизация во всех сферах общественной жизни. На фоне этих процессов резко меняется отношение к так называемым старым специалистам.

Следствием нового курса на региональном уровне стала очередная партийная чистка, проведенная в центральных и местных органах управления Башкирской АССР в 1929 г. Она отличалась более жесткими подходами Башобкома по отношению ко всем пунктам биографии проверяемых лиц. Основания для исключения из рядов ВКП (б) носили как социально-политический, так и уголовно-дисциплинарный характер.

К примеру, 31 октября 1929 г. нарком просвещения К. А. Идельгужин был исключен из партии «...за скрытие и упорное непризнание...своей добровольной службы в белой контрреволюционной Валидовской армии...». Кроме того, в вину наркому ставили то, что «...за весь период пребывания в партии проявлял неустойчивость и колебания, покрывал и защищал носителей идеологии валидовщины и султангалеевщины... дачу командировок в вузы контрреволюционным и кулацким элементам». Несмотря на то, что через месяц К. А. Идельгужин был все же восстановлен в партии с вынесением строгого выговора и предупреждения, его направили на низовую работу с запрещением в течение трех лет занимать руководящие должности [6].

По схожим причинам в сентябре 1929 г. был исключен из партии один из быв-

ших заместителей наркома просвещения Л. Л. Мансуров, работавший на тот момент секретарем БашЦИК. Партийные органы выдвинули против него сразу несколько обвинений: «... сокрытие при вступлении в партию своего социального происхождения (сын муллы), в командировании на рабфак сына кулака... в разбазаривании госсредств (в 1928 г. отпустил жене отбывающего наказание на Соловках пособие в 65 рублей)». Тем не менее после того, как бывший председатель БашЦИК Х. Кушаев лично вмешался в это дело, Л. Мансурова восстановили в партии с вынесением выговора [6].

Весьма распространенной причиной партийной чистки 1929 г. стали выявленные случаи связи членов партии с чуждыми социальными элементами. Так, сотрудник Башглавсуда Б. Г. Мутиков в начале 1929 г. попался на том, что принял решение о возврате национализированного дома лишенцу. Учитель З. З. Сатлыков в мае 1929 г. был исключен из партийных рядов за обнаруженную связь с муллою-отцом. Такая же участь в августе 1929 г. постигла учителя А. И. Мартинсона за связь с кулацкими элементами и ведение своего кулацкого хозяйства в виде пасеки. Слушатель башкирской подготовительной группы Института народного образования М. Гаязов лишился партийного билета за «...выпивку, политическую неустойчивость и за дачу денег 200 рублей кулаку мельнику» [6].

Партийные проверки стали более придирчиво изучать графу социального происхождения сотрудников госаппарата Башкирской АССР. Допустим, председатель Стерлитамакского кантонного исполкома С. Х. Каримов в июне 1929 г. был снят с должности и получил строгий выговор по партийной линии за сокрытие факта торгово-предпринимательской деятельности своего отца, а также сознательное уменьшение земельного надела родителей в официальных документах. В августе 1929 г. работник системы просвещения Б. Г. Якупов ис-

ключается из партии за то, что, вступая годом ранее в партию, забыл упомянуть в анкете, что является сыном муллы [6].

Весьма частым явлением продолжали оставаться случаи финансовых преступлений со стороны служащих и чиновников республики. К примеру, инспектор политпросвета ГорОНО А. Д. Староверов в октябре 1929 г. оказался уличен в растрате 957 казенных рублей и попытке скрыть это происшествие от начальства [6].

Следует отметить, что уже в начале 1930 г. после детального пересмотра указанных дел центральной контрольной комиссией ВКП (б) при Народном комиссариате рабоче-крестьянской инспекции и выяснении точных обстоятельств большинства упомянутых граждан были в партии восстановлены при вынесении им строгого выговора. В данном случае стоит говорить о характерной тенденции политики партийного контроля рассматриваемого периода, когда вслед за массовыми чистками следовала волна частичной реабилитации, в ходе которой часть исключенных из ВКП (б) работников восстанавливалась в партийных рядах и в своих прежних должностях. Кому-то в этом помогало заступничество со стороны партийного и советского руководства, в некоторых же случаях ходатайства о пересмотре решений проверочных комиссий вносили центральные и местные органы власти, которым не хватало квалифицированных специалистов.

Таким образом, партийные чистки 20-х гг. XX века на территории Башкирской АССР носили комплексный характер и преследовали несколько целей. Во-первых, они диктовались стремлением очистить партийные ряды от явно уголовных и разложившихся в морально-бытовом плане элементов; во-вторых, партийное руководство старалось добиться максимальной политической благонадежности путем выявления лиц, участвовавших в годы Гражданской войны в

различных формах антибольшевистского сопротивления; в-третьих, прослеживался четкий курс на достижение своего рода «классовой чистоты» с помощью устранения из партии социально чуж-

дых элементов; в-четвертых, обращалось внимание на дисциплинированность, идеологическую подкованность и готовность беспрекословно следовать партийной линии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный архив РБ (далее НА РБ). Ф. 22. Оп. 4. Д. 12. Л. 13, 14.
2. Правда. 1921. 27 июля.
3. Правда. 1921. 21 сентября.
4. НА РБ. Ф. 22. Оп. 5. Д. 85. Л. 2 – 4.
5. НА РБ. Ф. 122. Оп. 3. Д. 14. Л. 10 – 11.
6. НА РБ. Ф. 122. Оп. 8. Д. 98 а. Л. 38, 41, 46, 47, 48, 51, 76, 83, 117.
7. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 180. Л. 3.
8. НА РБ. Ф. 122. Оп. 3. Д. 12. Л. 63.
9. НА РБ. Ф. 122. Оп. 4. Д. 198. Л. 3 – 4,6.

© Кутушев Г. З.

УДК 351.77:614.2(470)”180/181”

П. А. МУХАМЕТОВ, заместитель начальника кафедры истории и теории государства права Уфимского юридического института МВД России, кандидат исторических наук (г. Уфа)

P. A. MUKHAMETOV, deputy chief of the Department of History and Theory of the State of Law, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of History (Ufa)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И МИНИСТЕРСТВА ПОЛИЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПО УПРАВЛЕНИЮ ЗДРАВООХРАНЕНИЕМ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

ACTIVITIES OF THE MINISTRY OF THE INTERNAL AFFAIRS AND MINISTRY OF POLICE OF THE RUSSIAN EMPIRE FOR HEALTHCARE MANAGEMENT AT THE BEGINNING OF THE XIX CENTURY

Аннотация. В статье на основе научной литературы и дореволюционных источников рассматривается организация системы управления здравоохранением Российской империи в первой четверти XIX в. врачебной частью Министерства внутренних дел и Министерства полиции. Автором анализируются статистические данные о количестве проведенных мероприятий, направленных на улучшение системы здравоохранения, качества снабжения государственных ап-

тек фармацевтическими препаратами и подготовки медицинских кадров. Особое внимание в статье уделено борьбе ведомств с эпидемиями.

Ключевые слова и словосочетания: эпидемии, народное здравоохранение, Российская империя, Министерство внутренних дел, Медицинский департамент.

Annotation. Based on scientific literature and pre-revolutionary sources, the article examines the organization of the healthcare management system in the Russian Empire in the first quarter of the XIX century the medical unit of the Ministry of Internal Affairs and the Ministry of Police. The author analyzes statistical data on the number of measures taken to improve the health care system, the quality of supply of state pharmacies with pharmaceuticals and training of medical personnel. The article pays special attention to the fight of departments against epidemics.

Keywords and phrases: epidemics, public health, Russian Empire, Ministry of Internal Affairs, Medical Department.

В начале XIX в. царская Россия вступила в период распада устаревших феодально-крепостнических форм хозяйства и зарождения новых капиталистических буржуазных отношений. Загнивание крепостничества привело к массовому обнищанию широких масс населения Российской империи, снижению уровня жизни и как следствие способствовало росту инфекционной заболеваемости, создавая очень напряженное эпидемическое состояние в стране [1, с. 214]. Принятый в начале века правительственный курс Александра I на реформирование центральных государственных органов управления, в частности просуществовавшей менее одного века Медицинской коллегии, должен был решить проблему низкого уровня здравоохранения и неудовлетворительного санитарно-эпидемиологического благополучия населения.

В соответствии с министерской реформой, Высочайшим императорским Манифестом от 8 сентября 1802 г. в Российской империи учреждалось Министерство, с восьми отделениями, одно из которых получило название внутренних дел. Однако уже с самого начала, учрежденные отделения, во всех официальных бумагах именовались как самостоятельные министерства, что и закрепилось за ними в общеупотребительных выражениях делопроизводства. Первоначально Министерство внутренних дел Российской империи состояло из четырех экспедиций. Институциональ-

ной основой развития отечественной системы здравоохранения в начале XIX в. стала деятельность четвертой экспедиции (Экспедиции Общественного призрения) Министерства внутренних дел Российской империи, состоящей из двух отделений. К первому отделению были отнесены дела ранее самостоятельной Медицинской коллегии, а ко второму – состояние больниц, богаделен, тюрем, рабочих домов и т. д. [2, с. 18].

В такой структуре МВД Российской империи просуществовало до 31 декабря 1803 г., когда Министр внутренних дел граф В. П. Кочубей представил новый доклад о дальнейшем преобразовании ведомства. В частности, изменения заключались в упразднении Медицинской коллегии и утверждении положения Городской Медицинской Управы, которая в свою очередь была разделена на две части: Медицинский совет и 3-ю экспедицию Департамента. С 1804 г. Медицинский совет занимался проведением по новым правилам экзаменов для медицинских чиновников, а также испытанием новых лекарственных препаратов.

Первоначально вопросы гражданской и военной медицины решались министерством внутренних дел централизованно, посредством управления из одного ведомства. С 1805 г. управление медицинскими чинами армии и флота и других воинских команд было изъято из ведомства Министра внутренних дел и поручено военным ведомствам. Эта

мера, позволила освободить Министерство внутренних дел от дополнительных задач и передать Врачебные Управы под надзор начальников губерний. С отделением медицинской части армии и флота в военные ведомства перешло руководство аптеками при военных госпиталях, вместе с Санкт-Петербургской главной адмиралтейской аптекой.

Значительная работа была проделана Министерством внутренних дел в начале XIX в. в части организации курортного лечения. В числе минеральных вод, известных и употреблявшихся в это время в России, первое место занимали Кавказские источники (г. Георгиевск), а также источники в Липецкой, Тамбовской и Курляндской губерниях (Балдонский источник). При источниках создавались госпитали, «ванны и галереи». Распоряжения, принятые министерством, разрешали частным лицам строить близ источников трактиры, дома и аптеки без уплаты земельного налога. Благоустройство самих источников было взято на расходы государственной казны. Только за 1805 г. на вышеперечисленных минеральных источниках поправили свое здоровье почти 900 человек, в том числе представители беднейших сословий [2, с. 150]. За последующие два года отечественные курорты посетило еще свыше 1 тыс. человек. Однако, распространение инфекционных заболеваний на Кавказе, после 1806 г. сократило здесь количество отдыхающих.

Важным направлением деятельности ведомства являлась массовая вакцинация населения от оспы. Врачебная Управа Министерства внутренних дел Российской империи занималась контролем за распространением медицинскими чинами оспенной вакцины и заполнением специальных статистических форм о количестве привитых. Прививание от оспы, встречавшее иногда сопротивление простого народа, с каждым годом имело все больший охват. В 1805 г. были привиты даже кочующие народы Сибири, а в

1806 г. – калмыки астраханских степей. Только в период с 1805 по 1807 гг. было привито 306 тыс. детей, а за один только 1809 г. численность привитых младенцев составила более 227 тыс. [2, с. 248].

Благодаря организационной деятельности Министерства внутренних дел в 1806 г. при Медико-Хирургической академии были учреждены две клинические больницы: одна для врачебной практики, вторая специализировалась на диагностике хирургических заболеваний. Следует отметить, что для комплектования данной академии губернаторам предписывалось «склонять способных молодых людей» [2, с. 170]. Определенным стимулом являлся для них тот факт, что обучение велось за счет государственных средств и гарантировалось трудоустройство. Для комплектования вакантных должностей врачей в армии и флоте, некоторое количество молодых людей проходило обучение в Виленском университете.

Вспышка моровой язвы в апреле 1804 г. в Кавказской губернии и желтая горячка, завезенная из Испании, потребовали от Министерства внутренних дел решительных мер по противодействию распространения эпидемий. Так, ведомство взяло на себя задачу заказа лекарственных препаратов за рубежом и наблюдения за изготовлением медицинских инструментов на казенных заводах [2, с. 133–134]. Кроме того, для наблюдения и исследования европейских способов борьбы с желтой горячкой в 1805 г. в Италию и Испанию был отправлен профессор Медико-хирургической академии Густав-Рейнголд Петерсен [2, с. 151]. К сожалению, практической пользы это не принесло, потому что в Россию Петерсен уже не вернулся, так как умер на обратном пути из Испании.

В феврале 1806 г. в центральной части Северного Кавказа (первоначально в ауле Малая Кабарда, потом в Моздоке, Георгиевске и Александровске) появился очаг моровой язвы. В декабре того

же года случаи заболевания язвой стали известны в Астрахани, где умерло 802 человека. Самые строгие меры, принятые Министерством внутренних дел не смогли подавить распространение инфекции. Она возобновлялась несколько раз от зараженных вещей, вновь попавших в употребление. Утверждение правительственных распоряжений о сжигании вещей, с компенсацией за счет государственных средств позволило ограничить распространение заболевания. Кроме язвы, эпидемические болезни появлялись в начале XIX в. в Новороссийском крае, в Архангельской, Гродненской, Волынской и Минской губерниях, но деятельными мерами были прекращены почти в самом начале [2, с. 171].

Усилившаяся в 1807 г. потребность в медиках для армии и флота, обусловленная усложнением внешнеполитической обстановки, стала поводом для увеличения числа воспитанников Медико-Хирургической академии с 280, как прежде, до 400. Кроме того, до 50 увеличилось количество воспитанников при Виленском университете [2, с. 197–198]. Последующие распоряжения Министра внутренних дел были направлены на упорядочение сведений об имеющихся в городах империи врачах. Так вольнопрактиковавшие медики в Санкт-Петербурге не всегда подавали в Физикат (Врачебную управу, особое присутственное место) полные сведения о количестве обслуживаемых пациентов, а некоторые не делали этого вообще. Все это негативно сказывалось на неточности статистических сведений о росте и динамике заболеваемости, видах болезней, уровню оказанной квалифицированной медицинской помощи, которые собирало регулярно собирало министерство для составления обзорных отчетов императору. В 1807 г. Министерство внутренних дел, запросив от всех аптек список врачей, выписывавших рецепты, установило 580 фамилий, из которых только 100 добросовестно предоставляли отчеты о своей

деятельности. Была поставлена задача выявить всех врачей находящихся вне поле зрения ведомства. Как оказалось, медицинскому управлению была неизвестна деятельность 200 врачей, из которых только четверть имела медицинское образование или состояла на службе в военных департаментах. Другую часть, находящихся в тени врачей, составляли иностранные врачи, не экзаменованные в России или «шарлатаны и эмпирики вовсе необразованные» [2, с. 199]. Кроме этого, 19 человек вообще не имели никакого права на производство вольной медицинской практики, а в Москве были выявлены не только не экзаменованные специалисты и незнающие медицинское дело, но и даже крепостные (господский люди). Для устранения этих нарушений Министр внутренних дел признал необходимым, ежегодно составлять медицинский список или календарь, в котором по алфавиту перечислялись все медицинские специалисты с указанием ученых званий и чинов для рассылки по всем аптекам. Аптеки были обязаны, под опасением взыскания, не отпускать лекарственных препараты тем врачам, которые не были включены в эти официальные списки. Кроме этого, ежегодно издаваемый календарь должен был содержать «инструкцию аптекарскую или аптекарский устав, дополнительные правила, для аптек постановленные, реестр всем медикаментам и вещам, которые могут по совершенной безвредности, отпускаться из аптек без рецепта, законы, о запрещении практики не имеющим на нее права, законы о воспрещении продажи лекарств частными людьми в лавках и других местах и сведения важных открытиях в химии, натуральной истории и прочее» [2, с. 200]. Эти меры способствовали упорядочению управления кадрами медицинских специалистов и повысили профессиональный уровень оказываемой помощи.

Отделение в 1810 г. от Министерства внутренних дел самостоятельно-

го Министерства полиции определило дальнейшие поиски эффективных форм управления отечественной системой здравоохранения. Медицинскому департаменту Министерства полиции Российской империи и учрежденному при министерстве Медицинскому совету вверялась организация медицинской части в губерниях и в обоих военных министерствах (Министерстве военно-сухопутных и Министерстве военно-морских сил).

С 1810 г. заготовление предметов врачебного довольствия армии и флота перешло в ведение Медицинского Департамента Министерства полиции, которое к 1811 г. имело в своем управлении 5 ботанических садов (в Санкт-Петербурге, Москве, Лубнах, Смоленске и Тобольске), учреждения для выращивания корней лекарственного ревеня (использовался в медицинских целях), медицинское заведение в Астрахани, главный запасный магазин аптечных материалов в Санкт-Петербурге (еще 4 в других городах), 21 аптеку и 3 завода для изготовления медицинских инструментов, а в 1812 г. были добавлены еще одна аптека и 2 аптечных магазина. Что касается штатов, то в Петербургском аптечном запасном магазине служило всего 40 человек, из которых 17 человек находилось на должностях специального персонала. В среднем, каждая аптека в год тратила около 43 тыс. рублей на содержание персонала [3, с. 83–84].

С 1807 г. Санкт-Петербургский и Московский инструментальные заводы начали изготавливать инструменты по особому способу лейб-хирурга российского императорского двора Я. В. Виллие [2, с. 202]. Главным поставщиком иностранных аптекарских материалов в это время был купец Христиан (Христофор) Таль, а отечественных – Иванов (И. О. не установлено). Расходы по аптечному снабжению армии в период Отечественной войны в 1811–1813 гг. на приобретение отечественных аптекарских материалов увеличились почти вдвое (с 463 тыс.

руб. до 772 тыс. руб.), при сокращении расходов на приобретение иностранных аптекарских материалов на 20% (с 894 тыс. руб. до 720 тыс. руб.). В том же 1810 г. была пересмотрена аптекарская такса (такса, утверждаемая Медицинским советом МВД Российской империи для показанных в фармакопее лекарств, определяющая также плату за их приготовление), в которой по сравнению с 1812 г. стоимость лекарств выросла от 35 до 100 % [3, с. 84].

В преддверии Отечественной войны 1812 г. военное министерство Российской империи обеспокоилось комплектованием военных госпиталей квалифицированным медицинским персоналом. В некоторых случаях комплектование осуществлялось специалистами, проходившими службу в гражданских ведомствах. Так, в марте 1812 г. военный министр М. И. Барклай-де-Толли обратился с просьбой к министру полиции А. Д. Балашову с просьбой о назначении вольнопрактикующих врачей на время в военное ведомство. Отвечая на данный запрос, Александр Дмитриевич, «предположил употребить, для этого вольнопрактикующих врачей в Санкт-Петербурга, Москвы, Митавы (Елгава) и Риги, которые по предварительному освидетельствованию в здоровье окажутся способными к исполнению этого поручения» [3, с. 29–30]. Принятые меры позволили преодолеть острый кадровый голод медицинских работников в действующей армии.

Несмотря на недостаточность выделяемых Министерству полиции медицинских средств в годы Отечественной войны 1812 года, оно продолжало борьбу против заразных болезней, появившихся в пограничных областях империи [4, с. 43]. Так, активное участие Министерство полиции Российской империи приняло в карантинных мероприятиях, связанных с эпидемией «страшной заразы» – моровой язвы, начавшейся в 1812 г. в Феодосии и Одессе. Эта болезнь была завезена на корабле из Константи-

нополя (Стамбула), где в это время особенно свирепствовала. Еще в 1806 г. было утверждено положение об устройстве карантинных в портах Черного и Азовского морей, по которому сверх обыкновенных карантинных и карантинных застав были назначены центральные карантинные в Одессе и Феодосии [2, с. 170]. В начале 1812 г. первые больные появились в Одессе, насчитывающей свыше 18 тыс. жителей. К началу сентября ежедневная смертность составила 15-20 человек, к ноябрю смертность от этой болезни составляла уже 95%. Для прекращения эпидемии около г. Феодосии подразделениями Министерства полиции была организована карантинная цепь и разъезды, блокирующие все транспортные выезды из Крыма. Несмотря на такие предосторожности локализовать очаг заболевания не удалось и заболеванию подверглись жители Симферополя, а также Тирас-

польского, Ольвипольского и Херсонского уездов. В Одессе только с 25 сентября по 19 октября 1812 года умерло 958 человек. Наступившие холода остановили не только дальнейшее продвижение Наполеона, но и распространение этого вируса. В Одессе последний заболевший скончался в декабре 1812 года [4, с. 245–246].

Таким образом, даже в условиях научной и практической отсталости отечественной медицинской науки, деятельность государственных органов царской России способствовала укреплению кадровой политики системы здравоохранения, повышению качества фармацевтического обслуживания населения. Выработанная в начале XIX в. система управления отечественным здравоохранением была апробирована и показала свои достоинства в тяжелые годы военного противоборства с Францией в 1812–1814 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев К. Г. История эпидемий в России (материалы и очерки) / К. Г. Васильев, А. Е. Сегал. – М. : Государственное издательство медицинской литературы, 1960. – 398 с.
2. История Министерства внутренних дел / Н. Варадинов. Часть I. СПб, 1858. – 307 с.
3. Заглухинский В. В. Организация и работа военно-медицинской службы русской армии в Отечественную кампанию 1812 г. / В. В. Заглухинский, В. П. Копосов, И. В. Фомин. – М., 1912. – 211 с.
4. Министерство внутренних дел : [1802–1902] : исторический очерк. – СПб., 1902. – 225 с.
5. История Министерства внутренних дел / Н. Варадинов. Часть II, книга I. СПб, 1859. 635 с.

© Мухаметов П. А.

УДК 342.722.1(470)

В. К. САМИГУЛЛИН, профессор кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор (г. Уфа)

V. K. SAMIGULLIN, Professor of the Chair of Constitutional Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor (Ufa)

ИДЕЯ РАВЕНСТВА И ЕЕ ВОПЛОЩЕНИЕ В ПРАВЕ И ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

THE IDEA OF EQUALITY AND ITS IMPLEMENTATION IN LAW AND LEGAL REGULATION OF PUBLIC RELATIONS

Аннотация. В статье отстаивается положение, согласно которому в ряду понятий свобода, добро и справедливость, равенство, идея равенства занимает особое место. На взгляд автора статьи, идея равенства в праве и правовом регулировании, если правильно с ней обращаться, позволяет с необходимой и достаточной надежностью и эффективностью решать те или иные вопросы социальной жизни, ориентируясь на выявленные закономерности в развитии окружающего мира. В теоретическом плане идея равенства в праве и правовом регулировании реализуется в смысле: а) нормативного, формально-юридического равенства на уровне закона и законодательного регулирования; б) равноправия (пропорциональности) прав и обязанностей как элементов специально-юридического содержания правоотношения; в) равной правовой защиты равенства в праве и правовом регулировании на уровне реализации права. Равенство и неравенство – противоположности. Но справедливое неравенство не противоречит идее равенства в праве и правовом регулировании. Допустимы льготы и привилегии, если они не чрезмерны. Идея равенства в праве и правовом регулировании глубока и высоко значима настолько, что требуется основательно изучить все то, что в постсоветский период разработано российским законодателем: федеральным и региональным. Обращаясь к тексту Конституции Российской Федерации и анализируя его под углом конструктивной критики, автор отмечает, что резервы совершенствования его (текста) еще не исчерпаны.

Ключевые слова и словосочетания: право, регулирование, защита, закон, законодательство, равенство, неравенство, конституция, критика, мониторинг, совершенствование.

Annotation. The article supports the viewpoint that equality, the idea of equality occupies a special place among the concepts of freedom, good and justice. The author thinks that the idea of equality in law and legal regulation, if properly handled, allows us to solve certain issues of social life with the necessary and sufficient reliability and efficiency, focusing on the identified patterns in the development of the surrounding world. In theoretical terms, the idea of equality in law and legal regulation is realized in the sense of: a) normative, formal and legal equality at the level of law and legislative regulation; b) equality (proportionality) of rights and obligations as elements of the special legal content of legal relationship; c) equal legal protection of equality in law and legal regulation at the level of the implementation of law. Equality and inequality are opposites. But fair inequality does not contradict the idea of equality in law and legal regulation. Benefits and privileges are acceptable if they are not excessive. The idea of equality in law and legal regulation is so deep and highly significant that it is necessary to thoroughly study everything that the Russian legislature has developed in the post-Soviet period: federal and regional. Referring to the text of the Constitution of the Russian Federation and analyzing it using constructive criticism, the author notes that the reserves for improving it (the text) have not yet been exhausted.

Keywords and phrases: law, regulation, protection, law, legislation, equality, inequality, constitution, criticism, monitoring, improvement.

В первую очередь право одно и неизменно. Но в плане содержания и формы оно чрезвычайно богатый феномен, имеющий различные проявления, множество измерений. Среди ключевых идей, лежащих в основе права, свободного от политических и идеологических шор, особо выделяются идеи свободы, добра и справедливости, равенства.

Анализ показывает, что все эти понятия были предметом исследования многих авторов. Ни один крупный мыслитель, философ, ученый не обходил их стороной. И не удивительно, что на сегодня в науке, особенно в социальной и гуманитарной ее составляющих, накопились горы публикаций, посвященных свободе, добру и справедливости, равенству.

В теоретической и практической юриспруденции понятия свобода, добро и справедливость, равенство рассматриваются под особым углом зрения – правовым. При этом обращается внимание на то, что все они, будучи диалектически взаимосвязанными, позволяют составить представление о специфике права и правового регулирования. Но среди этих понятий равенство, пожалуй, в наибольшей степени характеризует особенности права, специфику правового регулирования. Так, Владик Сумбатович Нерсесянц (1938 – 2005 гг.), различая философию права, теорию права и государства, социологию права, историю правовых и политических учений, отечественную и зарубежную историю права и государства, в качестве предмета философии права рассматривал формальное равенство и его проявления [1, с. 3, 16]¹.

Обычно равенство представляется как идея (даже идеал!), но часто и как принцип, ценность. Обсуждается так-

же тема о том, какое понятие применительно к равенству в праве и правовом регулировании более предпочтительно: «правовое равенство» или «юридическое равенство».

Равенство – высокая идея, позволяющая, если правильно с нею обращаться, с необходимой и достаточной надежностью и эффективностью решать те или иные вопросы социальной жизни, ориентируясь на выявленные закономерности в развитии окружающего мира. Если право представлять как системное образование (систему права), то тема равенства актуально применительно ко всем его структурно – функциональным образованиям: нормам, институтам, отраслям. Если право рассматривать в качестве регулятора общественных отношений, то эта тема актуально применительно ко всем типам, видам, уровням, формам, способам правового регулирования общественных отношений. Тема равенства в социально-правовой сфере особенно актуализируется, если право и правовое регулирование рассматриваются не только как абстракции, подобно, например, математическим или техническим, а как одушевленные и овеянные феномены, в связке с человеком, обществом и его государственностью в единстве и развитии. И здесь становится совершенно очевидным то, что идея равенства связана с идеей гуманизма и особенностями социального обустройства общества и его государственности. Выясняется, что воплощение идеи равенства в праве и правовом регулировании напрямую обусловлено уровнем развития человека, его ума, нравственности, социальной позиции, состоянием общества и его государственности. И в этой области, как показывает анализ, все еще

¹ Существуют, однако, и другие определения предмета философии права. Гегель, к примеру, считал, что «философская наука о праве имеет своим предметом идею права – понятие права и его осуществление». [2, с. 319].

немало дискуссионного, требующего более основательного изучения. Основная проблема: как, опираясь на право, каким образом, используя возможности правового регулирования, идею равенства совместить с реальными общественными отношениями, где равенство и неравенство, по существу, неразлучны, так, чтобы люди были бы защищенными от субъективизма, волюнтаризма, произвола, а обычная жизнь же их была бы комфортной. Никто не был бы обделен вниманием. А условия существования людей позволяли бы всем и каждому вести такой *modus vivendi*¹, который в необходимой и в достаточной степени позволял бы удовлетворять их жизненно важные потребности и интересы, часть которых естественна и неизменна, а часть изменяется соответственно изменениям, происходящим в обществе и его государственности. Технологизация, цифризация общественных отношений создают конкуренцию правовому подходу к решению социально значимых вопросов, но вытеснить право и правовое регулирование они не могут. Технологизация, цифризация сами нуждаются в правовом обеспечении.

Праву свойственны такие качества, как нормативность и формальная определенность. И в суверенных национальных государствах на начальных этапах правового регулирования общественных отношений эти качества права проявляют себя наиболее полно в законе². Отсюда – тема равенства в праве и в правовом регулировании может быть переосмыслена и представлена как тема равенства в законе и в законодательном регулировании. Можно вести речь о равенстве в

норме и о равенстве в законе. Особенно если право и закон различать [3, 4, 5, с. 188 – 198].

В перестроечные годы в научный оборот теоретической и практической юриспруденции вошло понятие «правовой закон», имея в виду следующее. Если закон соответствует праву, то он правовой, а если он не соответствует праву, то он неправовой. По Георгу Вильгельму Фридриху Гегелю (1770 – 1831 гг.), «существуют законы двоякого рода: законы природы и законы права. Законы природы абсолютны и имеют силу, так как они не допускают ограничения, хотя в некоторых случаях могут быть и нарушены. Чтобы знать, в чем состоит закон природы, мы должны постигнуть природу, ибо эти законы верны; ложными могут быть лишь наши представления о них. Мерило этих законов находится вне нас, и наше познание ничего им не прибавляет, ни в чем не способствует им: глубже может стать лишь наше познание их. Знание права, с одной стороны, такое же, с другой – иное. Мы узнаем эти законы тоже такими, какие они есть: так более или менее знает их гражданин, и изучающий позитивное право юрист также исходит из того, что дано. Различие между этими двумя типами законов состоит в том, что при изучении правовых законов действует дух рассмотрения и уже само различие законов заставляет обратить внимание на то, что они не абсолютны. Правовые законы – это законы, идущие от людей. Внутренний голос может либо вступить с ними в коллизию, либо согласиться с ними. Человек не останавливается на налично существе, а утверждает, что внутри себя обладает масштабом правого: он мо-

1 Образ жизни, образ взаимоотношений.

2 Иная ситуация в области международного права. Здесь нет закона в смысле принятом в правовой систем (системе права) национального государства. Международное право в значительной степени конвенциональное право. Важнейший источник его международный договор, имеющий самые различные названия. Вместе с тем действуют и ряд международных обычаев. В международных договорах и в международных обычаях часто обращаются к идее равенства, обращая внимание на то, что субъекты международных отношений, особенно суверенные государства, равны между собой.

жет подчиниться необходимости и власти внешнего авторитета, но никогда не подчиняется им так, как необходимости природы, ибо его внутренняя сущность всегда говорит ему, как должно быть, и он в себе самом находит подтверждение или неподтверждение того, что имеет силу закона. В природе величайшая истина состоит в том, что закон вообще существует. В законах права предписание имеет силу не потому, что оно существует, и каждый человек требует, чтобы оно соответствовало его собственному критерию» [2, с. 317 – 318]. Это уже несколько иной взгляд на правовой закон. И ему нельзя отказать в праве на существование. Гегеля занимает мысль о праве. Он убежден, что в праве человек должен найти свой разум. Следовательно, он должен рассматривать разумность права. Если следовать Гегелю, то получается: не тождественный закону природы правовой закон есть искусственное образование, мерило правоты, которое в самом человеке. Отсюда шаг к признанию того, что правовой закон – логико-языковая конструкция, которая может быть воспринята человеком, но может и отвергаться им полностью или частично.

Закон как источник и форма права¹ удобен тем, что он, будучи всеобщим и единым, позволяет обеспечивать равные стартовые возможности в социальной жизни всем участникам соответствующим

щих общественных отношений, равный подход к оценке их поведения за теми исключениями, которые обычно им же и устанавливаются². Как правовая ценность равенство часто закрепляется законодательным органом государства в качестве принципа того или иного вида законодательства, юридически оформляющего в логико-языковой форме определенную отрасль права. Так, показательны законодательные системы двух непохожих базовых отраслей современного материального российского права: гражданского права и уголовного права.

В статье 1 ГК РФ закреплено, что «1. Гражданское законодательство основывается на признании равенства участников регулируемых им отношений ... 4. Никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения». Статья 17 ГК РФ устанавливает: «1. Способность иметь гражданские права и нести обязанности (гражданская правоспособность) признается в равной мере за всеми гражданами. 2. Правоспособность гражданина возникает в момент его рождения и прекращается смертью». Статья 4 УК РФ возводит в принцип то, что «лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жи-

1 Валентин Валентинович Ершов убежден, что «имеются достаточные не только языковые, но и прежде всего философские, теоретические и правовые аргументы для дифференциации понятий «источники права» и «формы права» [6, с. 166]. «Думаю, – пишет он, – «источники» права обоснованно рассматривать как его начала, характеризующие его происхождение, генезис, то, из чего право происходит; в то же время «формы» права – как его внутреннее и внешнее выражение» [6, с.168]. И он выделяет из семи форм российского и международного права как особую правовую форму правовые акты [6, с.168].

2 По Геннадию Васильевичу Мальцеву (1935 – 2013), «человечество не выработало более успешной и совершенной правовой формы, чем закон» [7, с.628]. Вместе с тем он справедливо отмечал, что это не значит то, что закон абсолютно идеален, что его возможности беспредельны, что верховенство закона есть ключ к решению всех юридических проблем. Говоря, что закон выступает исторически поздней правовой формой, он писал «Совершенство закона заключается в том, что он лучше других правовых форм (обычаев, прецедентов и т.д.) обеспечивает стабильность, гарантированную безопасность, надежность положения человека в обществе, является для него наиболее прочной основой программирования своей деятельности, устройства собственной судьбы» [7, с. 629].

тельства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств».

Указание на равенство как на принцип можно встретить и в законодательстве других отраслей материального и процедурно-процессуального права.

В вопросе об образовании отраслей права и об их количестве в российском праве необходимая и достаточная определенность [8] еще не достигнута¹. Но вывод о том, что право системно и в этом своем качестве оно состоит из «обособленных отраслей и производных от них комплексных массивов права (или законодательства)» [9, с. 66], сохраняет свое значение и в современных условиях. Когда в системе отечественного права и в соответствующей ей системе законодательства различаются не только материальное и процедурно-процессуальное право, а еще частное и публичное право, а также другие аспекты, срезы. Так, в пятом издании Концепции развития российского законодательства, подготовленном авторским коллективом Института законодательства и сравнительного правоведения, в особую группу отраслей российского законодательства выделены комплексные отрасли: законодательство об образовании, об охране здоровья граждан, о культуре, о науке и т. д. – всего 14 комплексных отраслей законодательства [10, с. 13, 339 – 580].

Справедливо отстаивается положение о том, что система законодательства должна быть совершенной, т. е. стройной, непротиворечивой, действенной.

Однако, сколь бы в плане содержания и формы, техники объективизации ни было совершенно законодательство, в котором идея равенства выступает в качестве руководящего начала, принципы и нормы его не будут правильно

осуществляться, если не состоялся их перевод на уровень правоотношений, специально-юридическим содержанием которых являются субъективные права и юридические обязанности. Идея равенства, распространяя свое значение и на этот уровень права и правового регулирования, требует соблюдения определенных пропорций между субъективными правами и юридическими обязанностями, сбалансированного сочетания прав и обязанностей субъектов (сторон) правоотношения: с одной стороны, управомоченного лица, а с другой – обязанного субъекта права. Это особенно важно в условиях свободы договора. Как известно, согласно статьи 421 ГК РФ, граждане и юридические лица свободны в заключении договора. И стороны могут заключать договор, как предусмотренный, так и не предусмотренный законом или иными правовыми актами. Правильно построенные и юридически грамотно оформленные договорные отношения отвечают условию равенства в праве и правовом регулировании, но кабальные договоры и другие социально и юридически ущербные договоры не отвечают этому условию.

Если иметь в виду, что идея равенства в праве и правовом регулировании нацелено на определенный положительный результат, то, выясняется, и этого оказывается недостаточно, чтобы он (результат) стал реальностью. Необходимо оживление правильных поведенческих моделей поведения, заключенных в нормах права и в правоотношениях. Требуется включенность в правовое регулирование общественных отношений активности субъектов права. Прежде всего, активности человека как высшей ценности, главной энергетической силы социального развития. Чтобы эта активность была необходимой и достаточной,

1 Если советская система права состояла из 12 – 14 отраслей, из которых три отрасли – гражданское право, административное право, уголовное право – считались основными, базовыми, материнскими, то сегодня, по некоторым данным, действующая система российского права включает в свой состав более 100 отраслей.

право умеряет ее, ставя ее в определенные рамки с помощью специфических мер. В частности, активно используются первичные методы правового регулирования – запрет, дозволение, предписание, а также наказание и поощрение. Однако на практике запреты, которые требуют соблюдения, то есть пассивного поведения, не всегда соблюдаются. Предписания, которые требуют, напротив, активного поведения, порой не выполняются или же при выполнении их допускается выход за пределы компетенции, должностных полномочий. Дозволения, в рамках которых субъекты права, участники общественных отношений, могут вести себя сообразно своим потребностям и интересам, действуя, смотря по обстоятельствам, по ситуации, на свой страх и риск, нарушаются в том смысле, что допускаются злоупотребления правом, взятые обязательства не исполняются или исполняются ненадлежащим образом. Вопросы, связанные с наказанием и поощрением, отнюдь не всегда решаются объективно. В осуществлении юридической ответственности и наказания, которое, кстати, не всегда может следовать за привлечением лица к юридической ответственности, если стоять строго на почве права, соседствуют попустительство, снисходительность, обвинительный уклон, излишняя суровость, даже жестокость. Случается, что виновный признается невиновным, а невиновный – виновным¹. Отсюда – судебные споры, тяжбы, которые длятся годами, которые ведут к отменам судебных решений и приговоров, порой уже после смерти того, кто боролся за установление истины по его делу, справедливость, восстановление в правах. В стимулировании примерного поведения; активности, усердия, результативности в соответствующей сфере социально-полезной деятельности наблюдается то скупость на поощрения, то излишняя щедрость.

Здесь превалирует усмотрение, иной раз основанное на праве, а иной раз – нет, наградное производство забюрократизировано, коррумпировано. Причин этого много, а условий, ведущих к нему, еще больше. И это образует особую в теоретическом плане и в практическом отношении сложную и интересную проблему, которой занимаются преимущественно социологи права, криминологи.

С точки зрения нашего же предмета, важно то, что практика осуществления идеи равенства в праве и правовом регулировании на уровне реализации права такова, что здесь эта идея подвержена сильнейшему испытанию. Если бы идее равенства в праве и правовом регулировании в практике реализации права следовали все и повсеместно, то ситуация с дисциплиной, законностью и правопорядком в обществе и его государственности была бы вполне удовлетворительной, благополучной. Но в реальности здесь масса проблем. Отклонения от идеи равенства в праве и правовом регулировании на практике не единичны, правонарушения (деликты, проступки, преступления) разнообразны и многочисленны. Пока структура и динамика их находятся под контролем. Однако, если идея равенства в праве и правовом регулировании на практике не будет соблюдаться, а будет нарушаться все чаще и все более изощренно, вал правонарушений, особенно преступлений, станет запредельным, то это не просто приведет к подрыву авторитета права и правового регулирования, формированию недоверия к правовому началу в жизни общества и его государственности, а может обернуться социальной катастрофой; драмой, трагедией национального характера, даже мирового масштаба.

Принимая во внимание такой вариант развития событий, древние римляне, искушенные в вопросах частного и публичного права, говорили: «*Idi Jus*,

1 Иногда виновным признается даже лицо, которое вовсе никак не причастно к тому, что ему приписали по недоразумению, ошибке или умышленно.

ubi remedium», «*Fiat ius titia, et pere at mundus*»¹. В советское время, особенно в период ускорения, перестройки, в юридической литературе отстаивалось положение о том, что право на правовую защиту, вытекающая из отраслей советского права, становится общеправовым принципом, который в пределах предмета государственного права вполне может рассматриваться как конституционный принцип [11, с. 6, 24].

Важна, однако, не просто правовая защита, а равная правовая защита, что соответствовало бы равенству в праве и правовом регулировании.

Для отечественной правовой системы современной Российской Федерации характерны обновленные системы правовой охраны и правовой защиты, учреждение принципиально нового института правосудия. В совокупности все они призваны обеспечивать равную защиту равенства в праве и правовом регулировании; находящихся в коррелятивных отношениях субъективных прав и юридических обязанностей, законных интересов. В Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 года прямо закреплено: «Все равны перед законом и судом» (часть первая статьи 19 Конституции Российской Федерации). Эта красноречивая формула, соответствующая статьям 7 – 12, Всеобщей Декларации прав человека, получила развитие и конкретизацию в целом ряде статей Конституции Российской Федерации. В частности, в статьях 45 – 54. Так, в этих статьях с точки зрения равной правовой защиты равенства в праве и правовом регулировании принципиальное значение имеют следующие положения: право защищать каждый свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом; гарантированность государственной защиты, в том числе судебной защиты, прав и свобод человека и гражданина; предоставление в соответствии с международными договорами Россий-

ской Федерации гражданам Российской Федерации возможности обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты.

Изучение юридической литературы, анализ законодательства, практики его применения показывают, что в современных условиях обеспечение равной правовой защиты на уровне реализации права особенно актуально для процессуального права, процедурных институтов и форм. Так, в ГПК РФ установлено, что правосудие по гражданским делам осуществляется на началах равенства перед законом и судом всех граждан (статья 6), на основе состязательности и равноправия сторон (статья 12), сторонами гражданского судопроизводства – истец и ответчик – пользуются равными процессуальными правами и несут равные процессуальные обязанности (статья 38). А в части четвертой статьи 15 УПК РФ закреплено «стороны обвинения и защиты равноправны перед судом». Имеется в виду, что сторона обвинения – это прокурор, а также свидетель, руководитель следственного органа, дознаватель, частный обвинитель, потерпевший, его законный представитель и представитель, гражданский истец и его представитель. А сторона защиты – обвиняемый, его законный представитель, защитник, гражданский истец, его законный представитель и представитель (пп. 46, 47 статьи 5 УПК РФ).

В гипотетическом плане можно предположить: не исключено, что уже в обозримом будущем сложится судебное право, которое будет единообразно регулировать те общие вопросы по обеспечению равной правовой защиты, которые характерны конституционному, гражданскому, арбитражному, административному и уголовному судопроизводству. С еще более широких позиций к проблеме равной правовой защиты равенства

1 Где право, там защита; Да свершится справедливость, даже если мир погибнет.

в праве и правовом регулировании под-
ходит Анисимов П. В. Он считает целе-
сообразным использование в правовой
науке и юридической практике понятия
«правозащитная модель регулирования
общественных отношений» [12, с. 79
– 81]. Ученый убежден в том, что «пра-
возащитная модель, будучи идеальной
конструкцией правозащитного регули-
рования, позволяет обосновать единую
систему мер защиты и мер юридической
ответственности, сориентировать их на
достижение общей цели – состояния
правовой защищенности человека и та-
ким образом включить их в арсенал дей-
ственных средств предупреждения на-
рушения прав человека, восстановления
нарушенных прав, а также обосновать
применение наказания за виновное, про-
тивоправное причинение ущерба носи-
телям прав человека» [12, с.82]. Павел
Викторович солидарен с теми, кто пред-
лагает разработать и принять специаль-
ный законодательный акт в форме Основ
законодательства Российской Федерации
о правах человека, определяющего зада-
чи конкретные цели развития правоза-
щитного права, правозащитного законо-
дательства, задачи и цели деятельности
правозащитных учреждений [12, с.83].

Таким образом, можно заключить:
в теоретическом плане идея равенство
в праве и правовом регулировании ре-
ализуется в смысле: а) нормативного,
формально - юридического равенства
на уровне закона и законодательного ре-
гулирования; б) равноправия (пропор-
циональности) прав и обязанностей как
элементов специально-юридического
содержания правоотношения; в) равной
правовой защиты равенства в праве и
правовом регулировании на уровне ре-
ализации права.

Нередко идея равенства в праве и пра-

вовом регулировании рассматривается в
отрыве от идеи неравенства. Существует
представление, что эти две идеи несовме-
стимы. Так ли? В дискуссионном плане
хотелось бы обратить внимание на сле-
дующее. В обществе и его государствен-
ности складываются разнообразные
общественные отношения. В частности,
координационные и субординационные.
Последние, ведя к формированию ие-
рархических структур, лестницы долж-
ностей¹, находящихся в отношениях
власти и подчинения, образуют нера-
венство. Всегда ли это неравенство аб-
солютно противоречит идеи равенства
в праве и правовом регулировании? При
первом взгляде на этот вопрос следовало
бы ответить положительно. Однако при
основательном исследовании данного
вопроса выясняется, что правильное и
справедливое неравенство в субордина-
ционных отношениях не противоречит
идее равенства в праве и правовом регу-
лировании. Оно, в этом парадокс права и
правового регулирования, противостоя
анархии, нигилизму, субъективизму, во-
люнтаризму, произволу, дезорганизации
общества и его государственности, впи-
сывается в общую систему права и об-
щий механизм правового регулирования
и способствует установлению необходи-
мого правопорядка, обеспечивающему
права и свободы человека и гражданина,
устойчивое развитие общества и его го-
сударственности. Следовательно, идея
равенства и идея неравенства в праве и
правовом регулировании совместимы.
Они предстают как две стороны одного
диалектического единства – права как
меры свободы, обремененной ответ-
ственностью; науки, культуры, искусства
добра и справедливости.

Представляется, что устанавливаемое
законом льготы, привилегии, коэф-

1 Так, в системе органов внутренних дел Российской Федерации установлены должности, классифицируемые на должности высшего, старшего, среднего, младшего, рядового состава. В соответствии с ними присваиваются специальные звания. См. статьи 7, 8 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

фициенты не нарушают идею равенства в праве и правовом регулировании общественных отношений, если они не чрезмерны и предоставляются за отличия, особые заслуги перед обществом и его государственностью, специфические (сложные, трудные, опасные, рисковые) условия службы и труда. Исключения из общего правила тоже нормы, если они закреплены в законе или в ином нормативном правовом акте в установленном законом же порядке. Представляется, не нарушают идею равенства в праве и правовом регулировании устанавливаемые законом на самом высоком уровне ограничения, если к тому вынуждают обстоятельства природного, техногенного характера, чрезвычайные ситуации, вызванные необходимостью обороны страны, защиты ее конституционного строя. Вместе с тем нарушения конституционно гарантированных естественных прав и свобод (права на жизнь, права на свободу и др.) ведут к дискредитации равенства в праве и правовом регулировании, чем бы они ни были мотивированы.

Идея равенства в праве и правовом регулировании глубока и высоко значима настолько, что требуется основательно изучить все то, что в постсоветский период наработано российским законодателем: федеральным и региональным. В результате могут быть выявлены не только достоинства взятого в различных измерениях действующего законодательства, но и его недостатки, пробелы, узкие места, другие проблемные стороны. Естественно, это будет способствовать совершенствованию законодательства, если стоять не на позиции огульной критики, критики ради критики, а на позиции конструктивной критики. Владимир Михайлович Баранов и Павел Владимирович Ремизов справедливо пишут: «Критика законодательства – свидетельство определенной степени доверия к праву. Логика здесь очевидна: познает и затем критикует законодательство лишь тот, кто верит в его ценность и регуля-

тивные возможности, убежден в возможности повышения эффективности его функционирования. Критика законодательства – средство повышения доверия к праву, усиление ресурса доверия к нему. ... Критика законодательства – своеобразный элемент экспертизы законопроектов и часть мониторинга законодательных актов. Актуально «вскрыть» резервы этой критической направленной разновидности деятельности» [13, с. 7, 8]. С приведенным согласуется и научная позиция Юрия Геннадьевича Арзамасова и Ярослава Евгеньевича Наконечного. «... важной составляющей нормотворческого процесса выступает проведение мониторинга как целых отраслей права и законодательства, так и отдельных нормативных документов, т. е. оценке соответствия их международным нормам и принципам, национальному законодательству, юридико-техническим требованиям, правилам лингвистики и иным нормативам в целях выявления имеющихся коллизий и пробелов, а затем определения наиболее оптимальных и научно-обоснованных путей и способов (методов) совершенствования системы нормативных документов», – пишут они [14, с. 6]. На их взгляд, «мониторинг нормативных актов – это научно и методически обоснованная система комплексной оценки содержания и формы нормативных актов, осуществляемый на плановой основе посредством получения различных видов информации, наблюдения, анализа, контроля и прогноза, выполняемых с целью создания качественной и эффективной системы нормативных правовых актов» [14, с. 23].

Возьмем Конституцию Российской Федерации – основной закон российского общества и его государственности. Текст ее (конституции) доступен для анализа не только для тех, кто склонен к анализу и обобщениям, а и для изучения каждым, кто намерен хорошо усвоить ее (конституции) положения. Можно заметить, что идея равенства в праве и право-

вом регулировании представлена в тексте Конституции Российской Федерации имплицитно и эксплицитно. Причем, к этой идее Конституция Российской Федерации обращается открыто более 10 раз. И для раскрытия сути этой идеи в Конституции Российской Федерации используются различные формулировки: «равны» (часть четвертая статьи 13), «равноправны» (части первая, третья, четвертая статьи 5), «равным образом» (статья 8) и др.

Так, в части первой статьи 6 Конституции Российской Федерации записано, что «гражданство Российской Федерации приобретает и прекращается в соответствии с федеральным законом, является единым и равным независимо от оснований приобретения», а в части второй этой же статьи закреплено: «Каждый гражданин Российской Федерации обладает на ее территории всеми правами и свободами и несет равные обязанности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации». Статья 4 Конституции Российской Федерации, исходя из того, что Российская Федерация – светское государство, никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, устанавливает: «Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом».

В действующую Конституцию Российской Федерации несколько раз внесены точечные изменения и дополнения. Особенно значимы изменения, внесенные в нее Законом Российской Федерации о поправках в Конституцию Российской от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ, одобренном россиянами на общероссийском голосовании 1 июля 2020 года. Тем не менее, в тексте Конституции Российской Федерации остаются вопросы, которые требуют внимания и анализа.

В юридической конструкции нормативной основы ряда статей Конституции Российской Федерации (особенно тех, что содержатся в главе второй [см. статьи

17, 19, 20, 21, 22, 23 и др.]) использованы слова «все», «каждый», «никто», то есть кванторы всеобщности и кванторы существования. Такая математизация, разумеется, повышает нормативность юридического текста. Однако, при работе с текстом не всегда ясно, когда эти кванторы относятся к человеку, людям, а когда к гражданину (бипатриду, иностранцу или лицу без гражданства). Не всегда ясно: каждый – это каждый человек или каждый гражданин? Приходится домысливать, исходя из смысла и содержания соответствующей статьи.

Во Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года, используются словосочетания «все люди» «каждый человек» в связке со словом «никто». Так, в статье 15 этого документа записано, что каждый человек имеет право на гражданство. Никто не может быть произвольно лишен своего гражданства или права изменить свое гражданство. Включенность в правовые тексты конкретных понятий «каждый человек» и «каждый гражданин», в большей степени способствует обеспечению ясности текста, лучшему восприятию его, позволяет с тем или иным успехом преодолевать трудности в уяснение и разъяснении содержания текста, не допускать грубых ошибок в толковании права. Поэтому предлагается обсудить, какая конструкция наиболее полно отвечает идее равенства в праве и правовом регулировании, обеспечению, охране, защите прав и свобод человека и гражданина, взятых в мировом и национальных измерениях.

Согласно части третьей статьи 19 Конституции Российской Федерации «мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации». Против этого положения трудно сказать что-то в возражение, если стоять на позициях гуманизма и демократии, равноправия полов. Однако среди человеческих особей, которых принято делить на мужчин и женщин,

встречаются гермафродиты. Каковы их права и свободы? Каковы их возможности для реализации этих прав и свобод. Могут ли они на равных с мужчинами и женщинами вступать в брачные отношения? Имеют ли гермафродиты право на равный доступ к государственной службе наряду с другими гражданами? В качестве кого (мужчины или женщины) они должны выступать на спортивных состязаниях? Представляется, что гермафродиты незаслуженно обойдены вниманием законодателя. Возможно, им надо бы предоставить особый правовой статус. Возможно, что начало ему должно быть положено в Конституции Российской Федерации¹.

В части второй статьи 8 Конституции Российской Федерации закреплено, что «В Российской Федерации ... обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства». Указание в этой статье на отцовство может быть оценено как конституционная правовая новелла. Особенно в плане уравнивания отцовства с материнством. Однако в части первой статьи 38 Конституции Российской Федерации об отцовстве не говорится. Согласно этому конституционному правовому положению только «материнство и детство, семья находятся под защитой государства». Таким образом, образовалось несоответствие между статьей 8 и статьей 38 Конституции Российской Федерации. Получилось: в Российской Федерации отцовство обеспечивается государственной поддержкой наряду с материнством, но оно, в отличие от материнства, под защитой государства не находится.

В части четвертой статьи 32 Конституции Российской Федерации записано: «Граждане Российской Федерации имеют равный доступ к государственной

службе»². Развивая это конституционное положение, Федеральный закон от 25 апреля 2003 года № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» устанавливает, что государственная служба Российской Федерации – это профессиональная служебная деятельность граждан Российской Федерации по обеспечению исполнения полномочий Российской Федерации; федеральных органов государственной власти, иных федеральных государственных органов; субъектов Российской Федерации; органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов субъектов Российской Федерации; лиц, замещающих должности, устанавливаемые Конституцией Российской Федерации, федеральными законами для непосредственного исполнения полномочий федеральных государственных органов; лиц, замещающих должности, устанавливаемые конституциями, уставами, законами субъектов Российской Федерации для непосредственного исполнения полномочий государственных органов субъектов Российской Федерации (статья 1). Данным Федеральным законом определены также виды государственной службы: государственная гражданская служба, военная служба, государственная служба иных видов (статья 2). Следовательно, граждане Российской Федерации имеют равный доступ ко всем этим приведенным видам государственной службы. Более того, в Российской Федерации на военную службу могут поступать по контракту и проходить военную службу иностранные граждане. Они, как и граждане Российской Федерации, приобретают статус военнослужащих с началом военной службы и утрачивают его с окончанием ее (статья 18¹ Федерального закона

1 О том, что приведенная не выдумка автор свидетельствуют публикации в открытой печати. См., например: Хесина Виктория. По полам не делится. Как вчерашние мужчины отвоевывают себе места в женском спорте // Аргументы и факты. 2020, № 42.– С. 20.

2 Заметим, в части второй статьи 21 Всеобщей Декларации о правах человека записано: «каждый человек имеет право равного доступа к государственной службе в своей стране».

от 25 апреля 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации», часть вторая статья 2 Федерального закона от 6 марта 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»).

Однако в Конституции Российской Федерации ничего не говорится о муниципальной службе, хотя она не менее чем государственная служба значима для устойчивого развития российского общества и его государственности. Особенно если принять во внимание то, что, по Конституции Российской Федерации, местное самоуправление в России признается и гарантируется. В пределах своих полномочий оно самостоятельно. Хотя органы местного самоуправления и не входят в систему органов государственной власти, вместе они (органы местного самоуправления и органы государственной власти) находятся в составе единой публичной власти Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории. Статья 42 Федерального закона от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» предусматривает: «Правовое регулирование муниципальной службы, включая требования к должностям муниципальной службы, определение статуса муниципального служащего, условия и порядок прохождения муниципальной службы, осуществляется федеральным законом, а также принимаемыми в соответствии с ним законами субъектов Российской Федерации, уставами муниципальных образований и иными муниципальными правовыми актами». Представляется, что положения этой статьи достойны закрепления в Конституции Российской Федерации в статье 72, посвященной вопросам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, или в Главе 8 «Местное самоуправление». Иное ведет к умалению

места, роли и значения муниципальной службы по сравнению с государственной службой в общей системе публичной власти, что затрудняет установлению партнерских отношений между институтами гражданского общества и структурами правовой государственности.

В статье 60 Конституции Российской Федерации закреплено: «Гражданин Российской Федерации может самостоятельно осуществлять в полном объеме свои права и обязанности с 18 лет». Что значит – может? Этой статья сформулирована без учета положений, заключенных в статье 27 Гражданского кодекса Российской Федерации «Эмансипация».

Статья 27 Гражданского кодекса Российской Федерации, состоя из двух частей, предусматривает, что несовершеннолетний, достигший шестнадцати лет, может быть объявлен полностью дееспособным, если он работает по трудовому договору, в том числе по контракту, или с согласия родителей, усыновителей или попечителя занимается предпринимательской деятельностью. Объявление несовершеннолетнего полностью дееспособным (эмансипация) производится по решению органа опеки и попечительства – с согласия обоих родителей, усыновителей или попечителя либо при отсутствии такого согласия – по решению суда. Родители, усыновители и попечитель не несут ответственности по обязательствам эмансипированного несовершеннолетнего, в частности, по обязательствам, возникшим вследствие причинения вреда.

Представляется, что правильнее было бы записать так:

«1. Достигший 18 лет гражданин Российской Федерации в полном объеме осуществляет права и свободы человека и гражданина, если нет на то препятствующих или правоограничающих обстоятельств».

2. В случае эмансипации гражданин Российской Федерации, достигший 16 лет, в гражданско-правовом отношении

является полностью дееспособным.

В части третьей статьи 46 Конституции Российской Федерации установлено, что «каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты». Здесь, следуя международному праву, уместно слово «межгосударственные» заменить словосочетанием «соответствующие международные».

Согласно Преамбуле Конституции Российской Федерации многонациональный народ Российской Федерации принимает Конституцию Российской Федерации. В этой связи в части первой статьи 3 Конституции Российской Федерации справедливо записано: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ». Часть первая же статьи 68 Конституции Российской Федерации гласит: «Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государ-

ствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации». Здесь, представляется, допущена путаница в понятиях «нация» и «народ». Не совсем ясно: многонациональный народ ли, состоя из наций, образует одно целое, или многонациональный народ как одно целое включает в свой состав равноправные народы. И это затрудняет правильное восприятие идеи равенства в праве и правовом регулировании населением.

В статье приведены лишь некоторые положения только одного нормативного правового акта конституционного законодательства, которые, относясь к идее равенства в праве и правовом регулировании, могут рассматриваться, говоря словами Валентина Валентиновича Ершова, научно дискуссионными. То ли еще будет, если углубиться в конституционное законодательство далее, а также в современное законодательство других отраслей отечественной системы права, взятых в различных измерениях. Представляется, это проблема столь серьезная, что заслуживает основательного, всестороннего монографического исследования. И, пожалуй, не одного, а нескольких.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нерсесянц В. С. Философия права. – М. : Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА – ИНФРА •М), 2000. – 256 с.
2. Кант И., Гегель Г. В., Шеллинг Ф. В. И. Немецкая классическая философия. Т. 1. – М., ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков Изд-во Фолио, 2000. – 784 с.
3. Нерсесянц В.С. Право и закон. М., 1983. 366 с.
4. Нерсесянц В.С. Право и закон: их различие и соотношение // Вопросы философии, 1988. № 5.
5. Нерсесянц В. С. Проблемы общей теории права и государства. Учебник для вузов. Под общ. ред. члена-корр РАН, доктора юрид. наук, проф. В.С. Нерсесянца. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА•М., 1999. – 832 с.
6. Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: монография. – М.:РГУП, 2018. – 628 с.
7. Мальцев Г. В. Социальное основание права- М.: Норма, 2007. – 800 с.
8. Власенко Н.А. Проблемы правовой неопределенности: курс лекций. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019. – 176 с.
9. Конституция, закон, подзаконный акт. – М.: Юрид. лит. 1994. – 136 с.

10. Концепция развития российского законодательства. – М. : Эксмо, 2010. – 736 с.
11. Стецовский Ю. И., Ларин А. М. Конституционный принцип обеспечения обвиняемому права на защиту - М.: Наука, 1988.– 320 с.
12. Анисимов П. В. Права человека и правозащитное регулирование: Проблемы теории и практики: Монография. – Волгоград: ВА МВД России, 2004. – 252 с.
13. Баранов В. М., Ремизов П. В. Критика законодательства: доктрина, практика, техника : монография. – Москва : Проспект, 2018. – 352 с.
- 14 Арзамасов Ю. Г., Наконечный Я. Е. Мониторинг в правотворчестве: теория и методология. – М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана. – 196 с.

© Самигуллин В. К.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ БЛОК

УДК 351.811.122:629.312(470)

В. В. КАЗАЧЕНОК, доцент кафедры административного права, административной деятельности и управления органов внутренних дел Казанского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Казань)

V. V. KAZACHENOK, Assistant Professor of the Chair of Administrative Law, Administrative Activity and Management of the Internal Affairs Bodies of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor (Kazan)

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРИЧЕСКИХ
СРЕДСТВ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ МАЛОЙ МОЩНОСТИ В РОССИИ**

**LEGAL REGULATION OF THE USE OF LOW-POWER ELECTRIC VEHICLES
IN RUSSIA**

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы эксплуатации электрических средств передвижения малой мощности, связанные с отсутствием их правового регулирования. Неурегулированность российского законодательства в этой области влечет за собой увеличение дорожно-транспортных происшествий, что сказывается на безопасности дорожного движения. Автором проанализирован проект «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090». Соглашаясь с большинством положений проекта, обозначены отдельные дефиниции, носящие дискуссионный характер. В связи с этим внесены предложения по доработке проекта. Автор приходит к выводу о крайней необходимости скорейшего принятия проекта и развитии инфраструктуры для электрических средств передвижения малой мощности.

Ключевые слова и словосочетания: электрические средства передвижения малой мощности, правила дорожного движения, правовое регулирование, безопасность.

Annotation. The article deals with the problems of operating electric vehicles of low power, associated with the lack of their legal regulation. The lack of regulation of the Russian legislation in this area leads to an increase in road accidents, which affects road safety. The author analyzes the draft «On Amendments to the Decree of the Government of the Russian Federation No. 1090 of October 23, 1993». While agreeing with most of the provisions of the draft, there are some definitions that are of a debatable nature. In this regard, proposals were made to finalize the project. The author comes to the conclusion that it is absolutely necessary to adopt the project as soon as possible and to develop the infrastructure for low-power electric vehicles.

Keywords and phrases: low-power electric vehicles, traffic rules, legal regulation, safety.

В Российской Федерации за последние несколько лет стали набирать популярность такие электрические средства передвижения малой мощности как гиросборды, гироскутеры, моноколеса, сегвеи, электрические роликовые коньки, электровелосипеды, электросамокаты, электроскейты и иные подобные средства. Самым востребованным и удобным средством передвижения из них в настоящее время является электросамокат.

Современные электросамокаты, находясь в широкой доступности для населения, активно используются с помощью услуги проката, однако отсутствие правил и ограничений по возрасту, состоянию здоровья (в том числе состоянию алкогольного, наркотического опьянения) в их использовании усложняет процесс регулирования движения. Преимущества электрических средств передвижения малой мощности не определяют отсутствие опасности как для самого водителя, так и для других участников дорожного движения.

Появление большого количества электрических средств передвижения малой мощности в России привело к возрастанию случаев дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП), и это не может оставаться незамеченным. Так, в 2019 г. было зарегистрировано 121 ДТП с участием электрических средств передвижения малой мощности, в которых погибло четверо, пострадало 126 человек. В 2020 г. данные цифры существенно возросли: зарегистрировано 334 ДТП, в которых погибло пятеро, постра-

дало 350 человек. Аналогичная ситуация и в Республике Татарстан: по данным ГИБДД МВД по Республике Татарстан за 2019 год было совершено 1 ДТП с участием электрических средств передвижения малой мощности (1 человек пострадал), тогда как в 2020 году - уже 10 ДТП (пострадало 11 человек)¹. Таким образом, статистика показывает значительный прирост количества ДТП с участием электрических средств передвижения малой мощности.

Некоторые из электрических средств передвижения малой мощности способны развивать скорость более 40 км/ч. При этом в соответствии с Правилами дорожного движения (далее – ПДД) [1] водители данных средств не выделяются как отдельные участники дорожного движения. Например, в отношении велосипедистов и водителей мопедов установлены специальные требования, регламентирующие передвижение по велосипедной или велопешеходной дорожке, а также иные положения, в соответствии с которыми допускается их управление. Однако требований к управлению средствами передвижения, использующими электрические двигатели малой мощности до 0,25 кВт, в настоящее время не предусмотрено, а лица, управляющие ими, признаются пешеходами. В связи с этим на первый план выдвигается острая необходимость правового регулирования правил использования электрических средств передвижения малой мощности в целях обеспечения безопасности дорожного движения.

¹ Сведения взяты из отчетов, основанных на данных автоматизированного информационно-справочного программного комплекса МВД по Республике Татарстан.

Таким образом, на сегодняшний день управление электрическими средствами передвижения малой мощности российским законодательством не регламентируется. На лицо, управляющее электрическим средством передвижения малой мощности до 0,25 кВт распространяются нормы раздела 4 ПДД «Обязанности пешеходов» [1]. При этом скорость, которую может развивать такое средство, во много раз превышает скорость пешеходов. Следовательно, уравнивание в правах, обязанностях и ответственности пешеходов и «водителей» электрических средств передвижения малой мощности не допустимо.

Впервые данную проблему стали обсуждать еще в 2016 г., в 2019 г. Министерством транспорта Российской Федерации был подготовлен проект изменений ПДД [2], затрагивающий вопросы регулирования безопасности дорожного движения водителей автотранспортных средств, пешеходов и лиц, передвигающихся на электрических средствах передвижения малой мощности. Проект 31 октября 2019 г. был вынесен на общественное обсуждение и впоследствии дорабатывался. Однако, вызвав разногласия по отдельным его положениям, изменения в ПДД так и не были приняты. В проекте предлагается:

- ввести новый термин и его определение: «средство индивидуальной мобильности (далее – СИМ);
- ввести в ПДД нового участника дорожного движения – лицо, использующее для передвижения СИМ, при этом в определении термина «пешеход» исключить приравнивание к пешеходам лиц, старше 7 лет, «использующих для передвижения роликовые коньки, самокаты и иные аналогичные средства»;
- ввести запрет на использование велосипедов и СИМ для передвижения в пешеходных зонах (за исключением детей до 7 лет);
- установить преимущество (приоритет) пешеходов во всех случаях совме-

щенного движения с велосипедистами и лицами, использующими для передвижения СИМ;

- во всех случаях совмещенного движения с пешеходами установить максимальную скорость движения велосипедистов и лиц, использующих для передвижения СИМ, – 20 км/ч;

- установить, что лица в возрасте до 7 лет могут передвигаться на велосипедах и СИМ по тротуарам, пешеходным и велопешеходным дорожкам (на стороне движения пешеходов), пешеходным зонам;

- установить, что лица в возрасте от 7 до 14 лет, использующие для передвижения СИМ, должны двигаться по тротуарам, пешеходным, велосипедным и велопешеходным дорожкам (на стороне для движения велосипедистов);

- установить, что лица, старше 14 лет, использующие для передвижения СИМ, должны двигаться по велосипедным полосам, велосипедным и велопешеходным дорожкам, проезжей части велосипедных зон; при отсутствии указанной инфраструктуры возможно движение по тротуарам и пешеходным дорожкам; при отсутствии тротуаров и пешеходных дорожек разрешается движение по обочине; движение по правому краю проезжей части дорог допускается только на дорогах, имеющих ограничение максимальной скорости 60 км/ч, и для СИМ, соответствующих определенным техническим требованиям;

- установить максимальную скорость движения не более 20 км/ч в жилых зонах, велосипедных зонах и на дворовых территориях [2].

В целях систематизации и выделения отдельной категории средств передвижения авторы проекта предложили объединить такие средства передвижения, как роликовые коньки, самокаты, скейтборды, лонгборды, электросамокаты, гироскутеры, сегвеи, моноколеса, иные аналогичные средства передвижения понятием «средства индивидуальной

мобильности», которые представляют собой устройство, предназначенное для передвижения человека посредством использования электродвигателя (электродвигателей) и (или) мускульной энергии человека, за исключением велосипедов и инвалидных колясок.

По мнению Д. В. Ирошникова такие виды средств передвижения подпадают под определение «индивидуальные малые транспортные средства», введенное Сводом правил «Набережные. Правила градостроительного проектирования» [3], однако он считает это понятие не совсем корректным из-за объединения в себе и механических средств передвижения, и электротранспорта и предлагает закрепить в отношении них понятие «индивидуальный электротранспорт» [4, с. 49]. Безусловно, прослеживается рациональность в таком походе. В этом случае самокаты, роликовые коньки не войдут в перечень электрических средств передвижения малой мощности, объединенных данным понятием. Анализ опыта зарубежных стран показывает, что многие страны шли по тому же пути при закреплении определения на законодательном уровне. К примеру, во Франции электрические средства передвижения малой мощности объединены в понятие «моторизованные личные транспортные средства» [5, с. 14].

Проанализировав проект, можно сделать следующие выводы. Введение в ПДД новых дефиниций, таких как «средство индивидуальной мобильности», а также «лицо, использующее для передвижения средство индивидуальной мобильности» необходимо. Однако включать в определение «средства индивидуальной мобильности» самокаты и роликовые коньки, которые не имеют электрических двигателей, не целесообразно. В связи с этим считаем необходимым внести следующие изменения в положения проекта:

– из понятия «Средство индивидуальной мобильности» исключить слова

«роликовые коньки, самокаты»;

– понятие «Пешеход» изложить в следующей редакции:

«Пешеход» – лицо, находящееся вне транспортного средства на дороге либо на пешеходной или велопешеходной дорожке и не производящее на них работу». «К пешеходам приравниваются лица, передвигающиеся в инвалидных колясках, ведущие (везущие, несущие) средство индивидуальной мобильности, велосипед, мопед, мотоцикл, санки, тележку, детскую или инвалидную коляску, а также использующие для передвижения роликовые коньки, самокаты и иные аналогичные средства».

Вызывают дискуссию положения по установлению возраста лица (14 лет), использующего для передвижения СИМ по проезжей части, которая является опасным местом по отношению к тротуарам и велосипедным дорожкам. С появлением нововведений в ПДД, разрешающих управление СИМ по проезжей части, и отсутствием соответствующей инфраструктуры на дорогах появится немалое количество электросамокатов. Лицо, не являющееся субъектом административной ответственности, может халатно отнестись к соблюдению ПДД, что повлечет за собой совершение ДТП с причинением вреда здоровью (жизни) участников дорожного движения. В целях предупреждения негативных последствий целесообразнее установить возраст лица, использующего СИМ, с 16 лет.

Соглашаясь с авторами проекта по вопросам введения отдельных ограничений при использовании средств индивидуальной мобильности, следует акцентировать внимание на практическую сторону их реализации. Устанавливая такие положения, нельзя забывать о надзорной деятельности ГИБДД в области безопасности дорожного движения. Будет ли возможным выявление всех правонарушений при использовании СИМ? Тем не менее включение новых поло-

жений в ПДД, регулирующих правила использования СИМ, повлечет за собой следующий этап – внесение дополнений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, поскольку без введения административной ответственности за нарушение установленных правил вводимые запреты и ограничения могут не соблюдаться. Вместе с тем необходимо также внести дополнения в Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» [6], включив в понятие «участник дорожного движения» лицо, использующее для передвижения СИМ.

Обратимся к опыту зарубежных стран по применению электрических средств передвижения малой мощности, анализ которого показал, что население большинства стран активно использует такие средства передвижения. Первостепенной причиной широкого их распространения является отсутствие причинения вреда экологии. На втором месте стоит озабоченность властей отдельных государств здоровьем жителей, повышением их физической активности, что также способствует распространению индивидуальных мобильных средств передвижения.

Решению проблемы обеспечения безопасности движения с применением электрических средств передвижения малой мощности в настоящее время уделяется большое внимание законодательными органами значительного количества стран. Причем единое универсальное решение в настоящее время отсутствует. В разных странах установлены некоторые ограничения для лиц, управляющих средством индивидуальной мобильности. К ним можно отнести: возраст – не менее 12 лет во Франции, 14 лет – в Германии, 16 лет – в США (штате Калифорнии); скорость для различных классов дорог; движение по пешеходным зонам (во Франции, Германии, Испании, Транспортное агентство Швеции предлагает

запретить на электросамокатах заезжать даже на велосипедные дорожки); движение на дорогах общего пользования (в Великобритании) и пр. Кроме того, например, в Калифорнии владельцу электросамоката необходимо получить право («водительскую лицензию») на управление им и обязательно использовать шлем. В Германии для передвижения по дорогам на электрическом самокате необходимо иметь действительный полис обязательного страхования гражданской ответственности для конкретного транспортного средства. При пользовании арендованными самокатами страховка является частью пакета предоставляемых услуг. Законодательством Германии также установлена ответственность за нарушение правил управления электросамокатом: езда на одном электросамокате вдвоем, по тротуарам или в пешеходных зонах, на запрещающий сигнал светофора, поворот без предварительного сигнала рукой, отсутствие звонка, неисправное осветительное оборудование, использование электросамоката, модель которого не прошла сертификацию, управление без действительного полиса ОСАГО, управление в состоянии опьянения. Причем в последнем случае санкция устанавливается в зависимости от количества промилле алкоголя в крови и количества подобных правонарушений.

Таким образом, единого концептуального подхода в правовом регулировании использования электрических средств передвижения малой мощности в зарубежных странах нет, в каждой стране установлены различные правила. Тем не менее регламентированные на законодательном уровне правила способствуют обеспечению порядка, ясности в применении таких средств передвижения. Следовательно, внесение в российское законодательство дополнений, регламентирующих правила использования электрических средств передвижения малой мощности, крайне необходимо. При этом анализ проекта от 23 октября 1993 г.

№ 1090 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации» показал, что требуется его доработка.

Итак, урегулирование вопроса о статусе участников дорожного движения, управляющих электрическими средствами передвижения малой мощности, внесет ясность в их действия, а введение запретов и ограничений при использовании таких средств станет основой предупреждения ДТП. Между тем первостепенным является именно регулирование, а не запреты и наказания. Участники до-

рожного движения должны четко понимать, у кого и в каких ситуациях имеются преимущества в движении. При этом помимо правового регулирования необходимо развивать инфраструктуру. Разделение дорожек для электротранспорта и пешеходов приведет к минимизации опасных ситуаций. Только комплексный подход позволит повысить безопасность движения по проезжей части и пешеходным зонам как для лиц, использующих электрические средства передвижения малой мощности, так и для пешеходов и автотранспортных средств.

ЛИТЕРАТУРА

1. О Правилах дорожного движения (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения») : постановление Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090 (ред. от 31 декабря 2020 г.) // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. – 1993. – № 47. – Ст. 4531.

2. О внесении изменений в постановление Совета Министров – Правительства Российской Федерации : проект от 23 октября 1993 г. № 1090. – URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=96588> (дата обращения: 25.02.2021).

3. Об утверждении свода правил СП 398.1325800.2018 «Набережные. Правила градостроительного проектирования» : приказ Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 29 ноября 2018 г. № 773 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Ирошников Д. В. Правовые проблемы обеспечения безопасности личности на транспорте в условиях использования индивидуального электротранспорта // Правовое государство : теория и практика. – 2019. – № 4 (58). – С. 40–50.

5. Коптилов А. Электросамокаты появятся в ПДД // Дороги России. – 2020. – № 3 (117). – С. 10–20.

6. О безопасности дорожного движения : федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ (ред. от 8 декабря 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 50. – Ст. 4873.

© Казаченок В. В.

УДК 351.745:343.85(470)

Л. Д. ХАБИБОВА, заместитель начальника кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа)

L. D. KHABIBOVA, deputy chief of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ И ПРОФИЛАКТИКЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ И ПРЕСТУПЛЕНИЙ

THE MAIN ACTIVITIES OF THE DISTRICT POLICE COMMISSIONERS FOR THE PREVENTION AND PREVENTION OF OFFENSES AND CRIMES

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления деятельности участковых уполномоченных полиции по предупреждению и профилактике правонарушений и преступлений на обслуживаемом административном участке. Проанализировано содержание основных нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность участкового уполномоченного полиции по профилактике правонарушений. Описывается совершенствование деятельности участкового уполномоченного полиции по выявлению и устранению причин и условий совершенствования преступлений. Рассмотрены проблемные вопросы в данном направлении, предложены пути решения по усовершенствованию деятельности участковых уполномоченных полиции по реализации профилактической деятельности.

Ключевые слова и словосочетания: участковый уполномоченный полиции, предупреждение, профилактика, устранение причин и условий, правонарушение, преступление, индивидуальная профилактика.

Annotation. The article deals with the main activities of the district police commissioners for the prevention and prevention of offenses and crimes in the serviced administrative area. The content of the main normative legal acts regulating the activities of the district police commissioner for the prevention of offenses is analyzed. The article describes the improvement of the activities of the district police commissioner to identify and eliminate the causes and conditions for the improvement of crimes. The problematic issues in this direction are considered, and solutions for improving the activities of district police commissioners for the implementation of preventive activities are proposed.

Keywords and phrases: district police commissioner, prevention, elimination of causes and conditions, offense, crime, individual prevention.

Защита прав человека и гражданина от преступных и иных противоправных посягательств – первейшая и основополагающая задача полиции, определяющая смысл ее существования и деятельности. Нездоровое общество и криминальные явления разрушают государство изнутри. В связи с этим проблема борьбы с пре-

ступностью, а также ее предупреждение на всех этапах развития общества и государства является важной задачей для руководства всех государств, независимо от формы правления, устройства, культуры или ментальности. Общество постоянно ищет социальные и правовые закономерности, которые порождают преступность

и способы влияния на ее недопущение, пресечение и профилактику противоправной деятельности.

Присутствие преступности как негативное явление в обществе, наносящее вред общественным отношениям и государству, предусматривает создание соответствующей программы противодействия, основным направлением которой является установление влияния на причины преступности.

Одним из направлений такого влияния является профилактика, целью которой является разработка теоретических указаний и методических рекомендаций по выявлению тех факторов, которые способствовали совершенствованию определенного вида или группы преступлений. Полиция, как составная часть правоохранительной системы российского государства, является важнейшим социальным институтом, охраняющим жизнь, здоровье, собственность и человеческое достоинство – базовые общечеловеческие ценности, положенные в основу конституционного строя; без эффективной, служащей букве и духу закона полиции, благополучие отдельного гражданина и общества в целом немислимо.

Предупреждение преступлений, как и любая государственная деятельность, должно осуществляться в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами. Глава 2 Конституции Российской Федерации определяет пределы деятельности государственных органов, в т.ч. правоохранительных, касающихся прав и свобод граждан [1]. Это означает, что и при осуществлении предупредительных мероприятий недопустимо выходить за указанные пределы. В статьях 1, 2, 12 и 13 №3-ФЗ от 7 февраля 2011 года «О полиции» конкретизируются указанные пределы при решении задач борьбы с преступностью для органов внутренних дел, предварительного расследования и других субъектов предупредительной

деятельности [2].

На современный институт полиции сегодня возложено много разнообразной работы, поэтому от правильной ее организованности будет зависеть не только высокий уровень обеспечения общественного порядка и общественной безопасности, но и непосредственная эффективность деятельности каждого сотрудника, отдела и территориального органа в целом.

В системе органов внутренних дел особое место занимает служба участковых уполномоченных полиции (далее – УУП). Работа УУП связана с прямым общением с гражданами. В ходе реализации своих служебных обязанностей указанные сотрудники наделены соответствующими правами самостоятельно принимать решения при соблюдении общественного порядка, а также при противодействии преступности. Во многом от качества и эффективности работы участковых уполномоченных полиции зависят конечные результаты практической деятельности органов внутренних дел.

В соответствии с Федеральным законом от 23 июня 2016 года №182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» под профилактикой преступлений или административных правонарушений понимается совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения [3].

Профилактика правонарушений состоит не просто из совокупности ее субъектов и принимаемых ими мер, это многоуровневая социальная и правовая система, обеспечивающая координацию профилактической деятельности, вза-

имодействие всех лиц, участвующих в профилактике правонарушений, взаимосвязь принимаемых ими мер и проводимых оперативно-профилактических мероприятий.

В рамках действующего приказа МВД России от 29.03.2019 № 205 «О несении службы участковых уполномоченных полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» определяются основные направления деятельности участковых уполномоченных полиции по предупреждению и профилактике административных правонарушений, среди которых особое место занимает именно профилактическая работа данных подразделения органов внутренних дел по пресечению совершения административных правонарушений [4]. По данным МВД России практически 87% населения в возрасте административной ответственности хотя бы раз за период своей жизни совершили одно административное правонарушение.

Предупреждение и пресечение преступлений и правонарушений гражданами – это основная функция участковых уполномоченных полиции, поэтому вся деятельность данного должностного лица направлена на недопущение преступлений на вверенном ему административном участке.

Следует особо отметить работу по профилактическому обходу закрепленного за каждым УУП административного участка, который включает в себя обход квартир и проведение с жильцами бесед, направленные на выяснение обстановки на территории участка, предупреждение совершения преступлений такого типа, как квартирные кражи, мошенничество. Участковый объясняет, как можно обезопасить себя и своих родственников, кому не стоит открывать двери, разъясняет, что в первую очередь следует ознакомиться с документом, удостоверяющим личность. Методом обхода можно предотвратить правонарушения в семейно-бытовой

сфере, например, путем объяснения супругам о правовых последствиях проявлений случаев рукоприкладства. Кроме того, данный метод помогает в сборе информации о лицах, проживающих на обслуживаемом участковым административном участке, а также выявлении лиц, склонных к нарушению порядка, что повышает эффективность профилактической работы с этими лицами.

Рассмотрим также иные мероприятия, проводимые участковым уполномоченным полиции по предупреждению и пресечению правонарушений. В первую очередь к ним относятся выступления и лекции, проводимые при правовом информировании граждан в ходе профилактического обхода, а также при проведении отчета перед населением, в ходе которого граждане имеют право самостоятельно выразить мнение по совершенствованию профилактической деятельности органами внутренних дел. В данном случае на УУП возложена обязанность по повышению правовой грамотности населения, убеждения граждан превентивными мерами к соблюдению установленных законодательством норм.

Одним из важных аспектов реализации профилактической деятельности УУП является проведение индивидуальной работы (беседы). Осуществление по утвержденному графику личного приема граждан и рассмотрение поступивших от них заявлений требует от УУП знания оперативной обстановки на закрепленном за ним участке.

Индивидуальная профилактическая работа является важной составляющей превентивной деятельности государства в области обеспечения и защиты прав и свобод человека, противодействия противоправным деяниям. Данное направление не утрачивает своей актуальности в современных условиях, более того, с учетом высокого уровня правового нигилизма в российском обществе, необходимость в проведении как общих, так и индивидуальных профилактических ме-

роприятий продолжает возрастать.

Правильно организованная профилактическая работа способна в значительной мере повысить личный общий уровень гражданина, в том числе и уровень его правосознания, с тем, чтобы он был способен адекватно понимать и оценивать те законные требования и принципы, которые соответствуют реально существующему уровню общества и отвечают не только интересам всего общества и всего государства, но и каждого из членов этого общества. Именно эффективность организованной профилактической работы с гражданами в значительной мере определяет их возможную направленность в выборе его дальнейшего жизненного пути: будет ли этот путь просоциален, асоциален или же антисоциален.

В целях осуществления профилактического учета производятся:

1) сбор информации – целенаправленный процесс получения сведений об интересующем объекте;

2) регистрация информации – процесс фиксирования сведений на том или ином материальном носителе;

3) обработка информации – упорядоченный процесс преобразования информации (изменение вида или формы, содержания, объема);

4) хранение информации – ее помещение в определенное хранилище с целью дальнейшего использования;

5) предоставление информации – действия, направленные на получение информации или ее передачу определенным лицам [5].

В систему профилактики вовлечены различные государственные органы, службы и ведомства, начиная с учреждений и органов, ответственных за исполнение уголовных наказаний и заканчивая социальными службами, которые решают проблемы бытового и трудового устройства ранее осужденных. Значимую роль в этой работе отводится общественным объединениям и представителям

общественности. Деятельность каждого субъекта по предотвращению рецидива основывается на конкретных правовых актах, определяющих его содержание.

Важно определить насколько эффективно позволяет организовать и осуществлять профилактическую работу действующая нормативно-правовая база, регулирующая общественные отношения в этой области, а также оценить правовые и организационные возможности службы участковых уполномоченных полиции в осуществлении рассматриваемой деятельности.

Однако воздействие проводимых органами внутренних дел профилактических мероприятий на состояние и уровень преступности остается недостаточным. Ответственность за проведение профилактических мероприятий, направленных на уменьшение совершения противоправных действий определенного круга лиц, возлагается на участковых уполномоченных полиции. В связи с тем, что данных сотрудников переводят на другие должности, а не редкость что и в другие подразделения, либо поручение им выполнение других задач, негативно оказывает влияние на их состав и выполнение возложенных обязанностей по несению службы в частности по обходу своего административного участка и взаимодействия с гражданами.

УУП рассматриваются достаточно весомый объем заявлений, обращений, жалоб граждан, а также сообщений о преступлениях, количество рассматриваемых материалов, значительно превышает количество проводимых профилактических мероприятий, например, личного приема граждан, отчетов перед населением, профилактических обходов, индивидуальных профилактических бесед и т. д. В связи с этим предлагается минимизировать практику производства проверок сообщений о преступлениях УУП. Из-за недостатка времени и всего выше перечисленного, они теряют свои оперативные навыки, интерес к работе в

качестве личных следователей и к установлению доверительных отношений и взаимопонимания с населением.

Следующим направлением совершенствования профилактической деятельности следует признать повышение эффективности осуществления полномочий в рассматриваемой сфере заинтересованных субъектов. Совместная работа с местными органами власти, общественными организациями и общественными объединениями в решении задач по предупреждению преступлений и правонарушений является слабым и малозначительным. Многие принимаемые решения не согласовываются между заинтересованными субъектами, задачи принимаемых планов исполняются формально. Решением указанной проблемы могло бы быть создание координационного органа в структуре органов исполнительной власти, в полномочиях которого входило бы обеспечение должного взаимодействия заинтересованных служб в области предупреждения преступлений и административных правонарушений.

Особое значение имеет организация взаимодействия УУП с гражданами, так как именно служба участковых уполномоченных полиции наиболее близка к населению. В современных условиях развития социальных сетей, волонтерского движения и др., такое взаимодействие может осуществляться, в т.ч. в новых, эффективных формах. В свою очередь, важные показатели эффективности деятельности участкового уполномоченного

– его, признаваемый гражданами авторитет, удовлетворенность его работой местного сообщества, степень доверия ему со стороны граждан.

На сегодняшний день имеются объективные предпосылки для формирования приоритетных направлений государственных программ по вопросам защиты населения – это принятие и совершенствование ряда законодательных актов и комплексов мероприятий по их реализации, присоединении и ратификация Россией соответствующих международных договоров, формирование нужного общественного сознания по данному вопросу. Необходимость в более направленной реализации данных предпосылок, в уделении более пристального внимания к существующим проблемам, в развитии практической составляющей возможных решений, кажется вполне очевидной и несомненной.

Каждый сотрудник полиции призван обеспечить личную безопасность граждан, жизнь, здоровье, имущество которых находится в опасности. Это залог снижения страха людей перед преступниками, улучшения криминологической обстановки. Данные проблемы могут быть успешно решены на основе стратегии взаимодействия (партнёрства) полиции и гражданского общества, на основе широкого всенародного обсуждения, инициатив граждан и общественных организаций, что будет способствовать достижению партнёрских отношений, поднимет авторитет полиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с учетом поправок, внесенных Законом Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ / Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
2. О полиции: Федер. Закон Рос. Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 28 янв. 2011 г.: одобр. Советом Федер. Собр. Рос. Федерации 2 февраля 2011 г. // Собрание законодательства РФ, 14.02.2011, № 7, ст. 900.

3. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федеральный закон Рос. Федерации от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ // Российская газета. 2016. 28 июня.

4. Приказ МВД России от 29.03.2019 № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» (вместе с «Инструкцией по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке», «Наставлением по организации службы участковых уполномоченных полиции») (Зарегистрировано в Минюсте России 03.07.2019 № 55115).

5. Возжанникова И.Г. Рецидив как вид множественности преступлений: монография / И. Г. Возжанникова ; отв. ред. А. И. Чучаев. М. : Контракт, 2014. 112 с.

© Хабибова Л. Д.

ЧАСТНО-ПРАВОВОЙ БЛОК

УДК 346.34:339.186(470)

Э. Х. РАХИМОВ, *начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Уфа)*

E. Kh. RAKHIMOV, *Head of the Chair of Civil Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia, Associate Professor (Ufa)*

Л. К. ФАЗЛИЕВА, *доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России, кандидат химических наук (г. Казань)*

L. K. FAZLIEVA, *Assistant Professor of the Chair of Civil Law Disciplines of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Associate Professor (Kazan)*

НОВЫЙ ЭТАП СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЕ

A NEW STAGE IN IMPROVING THE LEGISLATION ON THE CONTRACT SYSTEM

Аннотация. В статье рассматриваются масштабные изменения в законодательстве о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, предлагаемые Правительством Российской Федерации для оптимизации порядка осуществления закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и

муниципальных нужд. Запланированные ключевые изменения порядка осуществления закупок, совершенствования информационного обеспечения контрактной системы в сфере закупок и организации документооборота в контрактной системе в сфере закупок анализируются с позиции обеспечения частных и публичных интересов субъектов контрактной системы. Рассматриваются такие новые понятия как «универсальная стоимостная предквалификация», «специальная предквалификация», «рейтинг деловой репутации», а также вопросы оптимизации процессов в сфере контроля и процедуры обжалования государственных закупок.

Ключевые слова и словосочетания: контрактная система, государственный заказ, осуществление закупок, аукцион, конкурс.

Annotation. The article examines large-scale changes in the legislation on the contractual system in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs, proposed by the Government of the Russian Federation to optimize the procedure for procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs. The planned key changes in the procurement procedure, improving the information support of the contract system in the field of procurement and the organization of document flow in the contract system in the field of procurement are analyzed from the standpoint of ensuring the private and public interests of the subjects of the contract system. Such new concepts as “universal cost prequalification”, “special prequalification”, “business reputation rating”, as well as issues of optimization of processes in the field of control and procedures for appealing public procurements are considered.

Keywords and phrases: contract system, state order, procurement, auction, tender.

Несмотря на то, что с момента принятия 5 апреля 2013 года Федеральный закон № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [1] (далее – Закон № 44-ФЗ) подвергался изменениями дополнениям уже более пятидесяти раз, процесс совершенствования и настройки законодательства о контрактной системе продолжается, в настоящее время, преимущественно, в аспекте оптимизации закупочных процедур.

26 января 2021 года Правительством Российской Федерации внесен в Государственную Думу Российской Федерации проект федерального закона № № 1100997-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части упрощения и оптимизации порядка осуществления закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» [2] (далее – законопроект).

Законопроект был подготовлен по инициативе Президента Российской Фе-

дерации и Правительства Российской Федерации в целях упрощения и оптимизации контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и содержит новые положения, направленные на совершенствование Закона № 44-ФЗ в части обеспечения эффективности, стабильности, единообразия в толковании и применении его положений, устранения внутренних противоречий, исключения дублирования и избыточного регулирования и др.

Как отметил начальник Управления контроля размещения госзаказа ФАС России Артем Лобов в ходе работы XVI форума-выставки «Госзаказ» - «Оптимизационный» пакет - это не революция в госзаказе, а эволюция закупочного законодательства, которое должно отвечать экономическим, политическим и цифровым вызовам» [3].

Вызывают оптимизм положения законопроекта, предусматривающие сокращение избыточного количества подзаконных нормативных правовых актов путем повышения уровня правового регулирования отдельных вопросов (с уровня подзаконных актов до уровня

Закона). Полагаем, что имея в виду количество (более 100) и их сложное для применения содержание, данная инициатива положительно отразится на правоприменительной деятельности в сфере закупок.

С учетом того, что в указанный законопроект вошли важные новшества, направленные на обеспечение баланса интересов заказчиков и участников закупок, позволим отметить наиболее значимые, на наш взгляд, положения рассматриваемого законопроекта.

1. Изменения порядка осуществления закупок.

1.1. Предлагается оптимизация способов определения поставщика. В части касающейся конкурентных способов, предложено отказаться от запроса предложений, двухэтапного конкурса и конкурса с ограниченным участием.

1.2. Предлагается предусмотреть возможность обсуждения заказчиком объекта закупки с потенциальными участниками закупки до размещения извещения об осуществлении закупки (исключения из запрета на проведение переговоров, предусмотренного статьей 46 Закона № 44-ФЗ).

1.3. В целях упрощения порядка определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) оптимизированы требования к извещениям, документации о закупках и другим документам.

В частности устанавливаются единые требования к содержанию извещения об осуществлении закупки, документации о закупке всеми конкурентными способами определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей), срокам их размещения, представления, разъяснения их положений, внесения в них изменений, а также единые требования к составу и содержанию заявок на участие в закупках.

Законопроект предусматривает включение всей информации о проводимой закупке исключительно в извещение об осуществлении закупки, формируе-

мое в электронной форме в единой информационной системе в сфере закупок (далее – ЕИС) по единым формам электронных документов и исключает формирование документации о закупке.

1.4. В целях обеспечения обороны страны и безопасности государства и защиты соответствующей информации вводятся новые случаи применения закрытых конкурентных способов определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей).

1.5. Изменения коснулись сроков осуществления закупочных процедур в части их уменьшения.

1.6. Переработаны положения Закона № 44-ФЗ, связанные с регламентацией возможности отмены определения поставщика. В то же время, действующая в настоящее время возможность отмены закупки до заключения контракта в случае непреодолимой силы сохраняется.

1.7. Предусматривается оптимизация порядка проведения совместных конкурсов и аукционов, которые являются процедурами, позволяющими минимизировать транзакционные издержки заказчиков и получить экономию за счет предоставления поставщиком (подрядчиком, исполнителем) «оптовой скидки».

2. Законопроект дополнен положениями, направленными на совершенствование информационного обеспечения контрактной системы в сфере закупок и организацию документооборота в контрактной системе в сфере закупок.

3. Законопроектом впервые вводится понятие «универсальной стоимостной предквалификации», устанавливающей возможность допуска к участию в закупках стоимостью свыше 20 млн. рублей только участников, имеющих успешный опыт исполнения контракта, заключенного в соответствии с Законом № 44-ФЗ и опыта исполнения договоров, заключенных в соответствии с Федеральным законом от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» [4] (да-

лее – Законом о закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц) независимо от объекта закупки в объеме исполненных обязательств в размере не менее 20 процентов от начальной (максимальной) цены контракта.

Предлагаемые изменения направлены на защиту публичных интересов в крупных закупках от недобросовестных участников, а также фирм-однодневок.

Следует отметить, что сохраняются положения части 2 статьи 31 Закона 44-ФЗ, предусматривающие возможность Правительства Российской Федерации в отношении закупок отдельных видов товаров, работ, услуг установить требования к наличию у участника закупки опыта исполнения контракта, сопоставимого с объектом проводимой закупки («специальная предквалификация»).

4. Вводится «рейтинг деловой репутации», определяется порядок его формирования и применения в компетенции Правительства Российской Федерации.

5. Переработаны нормы, регламентирующие порядок создания и деятельности комиссии заказчика по осуществлению закупок. В частности, снижены требования к минимальному числу членов такой комиссии, а также установлены положения, допускающие возможность дистанционного участия членов комиссии в ее заседаниях с использованием систем аудиосвязи и видеосвязи.

6. В части совершенствования порядка исполнения контракта вводится определение понятия этапа исполнения контракта, предусматривается формирование и подписание документа о приемке поставленного товара, выполненной работы (ее результатов), оказанной услуги, в электронной форме с использованием ЕИС. Также предусматривается перевод документооборота при применении мер ответственности и совершении иных действий в случае нарушения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) или заказчиком условий контракта в элек-

тронную форму с использованием ЕИС.

7. Предусматривается оптимизация процессов в сфере контроля и процедуры обжалования. Вводится электронная форма подачи жалобы с использованием функционала ЕИС.

В качестве средства борьбы с «профессиональными жалобщиками», зачастую использующими механизм обжалования в корыстных интересах, законопроектом предусматривается возможность обжалования закупки с НМЦК, превышающей 20 млн. рублей, только для участников закупки, отвечающих требованию об «универсальной стоимостной предквалификации» требование о соответствии участника закупки, обжалующего положения документации о закупке до окончания срока подачи заявок, вышеизложенному требованию об «универсальной стоимостной предквалификации». Важной новеллой является также запрет на обжалование результатов рассмотрения заявки других участников закупки.

8. Предлагается внедрение электронного документооборота при рассмотрении вопросов о включении недобросовестных поставщиков (исполнителей, подрядчиков) в соответствующий реестр с применением функционала ЕИС.

В целом, содержание законопроекта говорит о том, что законодатель учитывает динамично развивающиеся общественные отношения в сфере контрактной системы и своевременно реагирует на запросы ее участников с учетом обеспечения частных и публичных интересов. Заложенные в законопроекте положения служат упрощению регламентации и повышению транспарентности закупок, способствуют увеличению роли информационных технологий при осуществлении закупочных процедур и защите прав их участников, что является своевременной и нужной мерой для совершенствования правового регулирования контрактной системы в современных условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ, текст с изменениями и дополнениями от 24 февраля 2021 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.04.2021).
2. Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы Российской Федерации. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1100997-7> (дата обращения: 26.04.2021).
3. Официальный сайт Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации. – URL: <https://fas.gov.ru/news/31211> (дата обращения 26.04.2021).
4. О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц : федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ, текст с изменениями и дополнениями от 05 апреля 2021 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.04.2021).

© Рахимов Э. Х.

© Фазлиева Л. К.

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ БЛОК

УДК 343.983:343.346(470)

Г. Х. АФЗАЛЕТДИНОВА, *старший преподаватель кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)*

G. Kh. AFZALETDINOVA, *Senior Instructor of the Chair of Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Candidate of Law (Ufa)*

НАЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНЫХ АВТОТЕХНИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

**APPOINTMENT OF FORENSIC AUTOTECHNICAL EXAMINATIONS
IN ROAD TRAFFIC OFFENCES INVESTIGATION**

Аннотация. В статье рассматривается вопрос использования доказательств, полученных при проведении судебной автотехнической экспертизы, направленных на установление обстоятельств совершенного дорожно-транспортного преступления. Вышеуказанная экспертиза направлена на получение объективных данных относительно скорости движения транспортного средства и, как следствие, возможности избежания наезда или столкновения, наличие технических неисправностей и др., данные о которых подозреваемые и обвиняемые, зачастую пытаются исказить, с целью уклонения от уголовной ответственности. Анализируемая экспертиза позволяет полно, всесторонне и объективно осуществлять расследование по уголовному делу, устанавливая обстоятельства, подлежащие доказыванию при совершенном дорожно-транспортном преступлении. Приведенные в статье примеры судебной практики по исследуемой ка-

теории дел и использование при доказывании результатов судебной автотехнической экспертизы, свидетельствует о практической значимости исследования.

Ключевые слова и словосочетания: судебная автотехническая экспертиза, доказывание, дорожно-транспортного преступления, тактический прием, подозреваемый.

Annotation. The article deals with the use of evidence obtained during the forensic auto-technical expertise aimed at establishing the circumstances of the committed road traffic offence. The above mentioned expertise is aimed at obtaining the objective data on the speed of the vehicle and, as a result, the possibility of avoiding of a hit-and-run or a collision, the presence of technical malfunctions, etc., the data which the suspects and the accused are often trying to distort in order to evade criminal responsibility. The analyzed expertise makes it possible to carry out an investigation in a criminal case fully, comprehensively and objectively, to establish the circumstances to be proved in the case of a road traffic offence. The examples of judicial practice on the analyzed crimes and the use of the results of forensic auto technical expertise in proving the results of the article, indicate the practical significance of the study.

Keywords and phrases: forensic auto technical expertise, proof of the road traffic offence, tactics, suspect.

Преступления в сфере дорожного движения причиняют существенный вред интересам общества и отдельной личности, так как отличаются повышенной общественной опасностью, посягая на жизнь, здоровье, а также имущество. В целях обеспечения полного и качественного расследования обозначенных преступлений, важное значение представляет установление обстоятельств совершенного дорожно-транспортного преступления (далее – ДТП) и лица, его совершившего, использование тактических приемов и комбинаций при проведении следственных действий, а также использование специальных познаний. Остановимся более подробно на значении анализируемых экспертиз.

Одним из наиболее распространенных видов экспертного исследования, назначаемых следователями (дознавателями) при расследовании ДТП является судебная автотехническая экспертиза, которая изучает обстоятельства, механизм и стадии преступления.

Судебная автотехническая экспертиза позволяет лицу, производящему расследование устанавливать обстоятельства совершенного ДТП, поэтому анализируемой экспертизе отводится важная роль в доказывании. Рассмотрим сущность рассматриваемого вида судебных экспертиз. Судебную ав-

тотехническую экспертизу полномочен проводить эксперт-автотехник. Значение рассматриваемой экспертизы состоит в том, что она направлена на установление: технического состояния транспортного средства, участвовавшего в ДТП; элементов механизма ДТП; обстановки на месте происшествия (посредством параметров и коэффициентов, влияющих на скорость движения транспортных средств, обзорность с места водителя); технической возможности его предотвращения. Экспертиза способствует даже юридической оценки действий водителя, в соответствии с имеющейся обстановкой и параметрами движения.

Необходимо отметить, что проведение указанной экспертизы при расследовании ДТП нельзя заменить проведением следственных действий, например, следственным экспериментом [1].

Так, согласно заключения судебной автотехнической экспертизы от 4 июля 2019 г., на автомобиле ВАЗ-2104, которым управлял подсудимый М., неисправности рулевого управления, тормозной системы и ходовой части, которые могли послужить причиной ДТП, не обнаружены. В ходе проведенного расследования установлено, что М. ехал по проезжей части со скоростью примерно 40–50 км/ч. Увидев пешехода – женщину, переходившую дорогу проезжей части по

встречному направлению, отвлекся на разговор с пассажиром (сожительницей), повернув голову в её сторону. Автотехническая экспертиза позволила установить, имелись ли у автомобиля, на котором совершено ДТП неисправности, которые могли помешать водителю в своевременном торможении, а также опровергнуть ложные показания. Судебная автотехническая экспертиза, в совокупности с другими собранными по делу доказательствами (показания свидетелей, протокол осмотра места происшествия, протокол осмотра предметов, заключением судебно-медицинской экспертизы, справкой из Башкирского управления гидрометеорологии и др.) установила причастность М. в совершении инкриминируемого ему преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 264 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [2].

Рассматриваемая экспертизы способствует установлению обстоятельств ДТП, техническое состояние транспортного средства, но не дает ответа на вопрос относительно виновности водителя. Лицо, производящее расследование по уголовному делу, на основе оценки и анализа собранных по делу доказательств, в том числе и экспертиз, устанавливает виновность, причинную связь между действиями (бездействием) водителя и ДТП.

Приведем другой пример. Ш., работая слесарем в автомастерской, ремонтировал Газель, от которой у него имелись ключи, совершил угон указанного транспортного средства и находясь в состоянии алкогольного опьянения, совершил ДТП, после которого оставил место совершения дорожно-транспортного преступления и скрылся по лесополосу. Проведенная судебная автотехническая экспертиза позволила установить наличие технических неисправностей – несоответствие регулировки фар, загрязнения внешних световых приборов. При оценке заключения автотехнической экспертизы установлено, что имеющиеся

технические неисправности не могли повлиять на совершение ДТП. Собранные доказательства по делу в совокупности и результаты автотехнической экспертизы в частности, позволили опровергнуть доводы подсудимого Ш. об отсутствии у него умысла на совершение преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ: за руль автомашины Газель он сел, предварительно выпив медицинские препараты (согласно медицинского освидетельствования у него установлено нахождение в состоянии алкогольного опьянения), в связи с плохим самочувствием, такси свободных не было, ему нужно было ехать домой за лекарствами. Проведенное судебное разбирательство позволило доказать виновность Ш. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 166, п.п. «а», «б» ч. 4 ст. 264 УК РФ [3].

Судебные автотехнические экспертизы назначаются с целью:

- установления новых обстоятельств;
- невозможности получения объективных данных без использования специальных знаний в данной области и др.

При необходимости установления обстоятельств совершенного ДТП лицо, производящее расследование по уголовному делу, после получения заключения рассматриваемой экспертизы вправе назначить дополнительную, повторную и комплексную автотехническую экспертизу. На результаты судебной автотехнической экспертизы влияют данные о скорости движения пешехода и транспортного средства (источников повышенной опасности), полученные при проведении следственных (протокол осмотра места ДТП, прилагаемые к нему чертежи, схемы и фототаблица; протоколы допроса потерпевшего, свидетелей) и процессуальных действий, предоставляемые данные должны соответствовать требованиям полноты и качества.

Следовательно при назначении судебной автотехнической экспертизы не следует преувеличивать экспертные возможности эксперта-автотехника, по-

этому определение подвида данной экспертизы, а также грамотная постановка вопросов, подлежащих разрешению, непосредственно влияют на результат экспертного исследования. К компетенции эксперта относится предоставление ответа на поставленные специальные технические вопросы и выходят за пределы исследования вопросы юридического характера, связанные с виновностью того или иного участника ДТП.

Эксперт-автотехник после получения постановления о назначении экспертизы и изучения материалов уголовного дела, воссоздаёт последовательность действий каждого из участников ДТП, в целях установления скорости движения транспортного средства и пешехода, а также возможного ее превышения, по сравнению с допустимой для данного участка дороги. Эксперт использует справочники, инструкции, правовые акты и учитывает технические характеристики. Специалисты в области данной экспертизы учитывают также данные, содержащиеся в материалах уголовного дела относительно возможности предотвращения ДТП, действий после обнаружения опасности, через какое время после обнаружения опасности водитель транспортного средства начал торможение, с какого расстояния наблюдал обстановку места последующего ДТП. Поэтому от полного, грамотного осмотра места ДТП зависит во многом ответ на вопросы, поставленные перед экспертом при вынесении постановления о назначении судебной автотехнической экспертизы. Поэтому лицам, осуществляющим расследование по уголовному делу по делам о ДТП нельзя как недооценивать доказательственное значение рассматриваемого вида экспертиз, так и переоценивать его.

При привлечении эксперта-автотехника к проведению экспертизы по делам о ДТП возникает ряд проблем. Специалисты в данной области придерживаются мнения относительно того, что в ходе

экспертизы они не вправе исследовать субъективную сторону дорожного происшествия и в частности определять, когда водитель источника повышенной опасности мог и должен был предвидеть опасность на дороге. Другие считают, что данное обстоятельство не может выступать препятствием для назначения данной экспертизы, т.к. имеет юридическое значение. Верной следует признать, по нашему мнению, вторую позицию. Рассматриваемый элемент состава преступления, в совокупности с иными элементами и обстоятельствами, подлежащими установлению и доказыванию, подлежат установлению в ходе расследования.

С учетом предмета доказывания и специальных познаний судебная автотехническая экспертиза может быть разделена на следующие виды: экспертиза технического состояния транспортных средств (техничко-диагностическая экспертиза) и экспертиза состояния дороги, дорожных условий и условий окружающей внешней среды [4, с. 224].

При назначении экспертизы технического состояния транспортных средств наиболее часто перед экспертом ставятся следующие вопросы:

- исправна ли тормозная система (рулевое управление, шины автомобиля);
- соответствует ли состояние тормозной системы требованиям, предъявляемым к исправному транспортному средству;
- имелась ли у водителя техническая возможность обнаружить неисправность данной детали путем наружного осмотра или при движении транспортного средства;
- имеется ли причинная связь между установленной по делу технической неисправностью транспортного средства и фактом наезда (столкновения, опрокидывания, заноса, въезда на полосу встречного движения и т. п.).

Итак, при проведении автотехнических экспертиз устанавливаются обстоятельства до совершения преступления (длина тормозного пути, состояние до-

рожного покрытия, скорость движения), а также последствия механического взаимодействия транспортного средства с объектом (человек, недвижимое препятствие либо другое транспортное средство), исследуются имеющиеся деформации: царапины, трещины, изменение расположения конструктивных элементов относительно друг друга, длина тормозного пути (перекос, смещение, заклинивание, западание, растяжение, скручивание, изгиб) [5].

Результаты судебной автотехнической экспертизы позволяют определить:

– техническое состояние транспортного средства или отдельных его механизмов (например, если подозреваемый в своих показаниях выстраивает свою позицию на том, что тормоза на управляемом им автомобиле не сработали, что послужило причиной совершенного преступления);

– условия появления конкретной неисправности транспортного средства;

– определение по величине тормозного пути скорости, с которой следовал водитель транспортного средства, совершивший преступление (зачастую, водители указывают меньшую скорость движения, если они следовали с её превышением) и другие [6, с. 165].

Необходимо констатировать, что значение автотехнической экспертизы по делам о ДТП велико, поскольку посредством их проведения проверяются версии, устанавливаются объективные данные относительно обстоятельств произошедшего, проверяются доводы подозреваемого и обвиняемого, стремя-

щегося избежать уголовной ответственности и поэтому, зачастую искажающих или отрицающих реальную обстановку при совершении противоправных деяний. Специфика рассматриваемых преступлений выражается также в том, что потерпевший, в результате совершенного ДТП может скончаться на месте его совершения или от полученных телесных повреждений в больнице, поэтому следователь не имеет возможности опровергнуть или проверить показания подозреваемого путем проведения очной ставки. В этом случае вели значение при расследовании экспертных исследований вообще, способствующих установлению обстоятельств совершенного деяния.

Представляется, что при расследовании преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, целесообразно проводить не только индивидуальные судебные экспертизы, но и комплексные, а также комплексные.

В заключение подчеркнем, что при расследовании преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, экспертизы позволяют получить объективные данные об обстоятельствах ДТП. Своевременное назначение любых видов экспертиз необходимо для всесторонней оценки обстоятельств дорожно-транспортного происшествия, а их результаты имеют существенное доказательственное значение, что в итоге оказывает положительное влияние на эффективность расследования уголовных дел обозначенной категории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афзалетдинова Г. Х. К вопросу о проведении следственного эксперимента при расследовании дорожно-транспортных преступлений // Право: ретроспектива и перспектива. Уфа. 2020. № 4. С. 51–56.
2. Уголовное дело № 1-180/2019 // Архив Салаватского межрайонного суда Республики Башкортостан. Оп. 1. 247 л.
3. Уголовное дело № 1-5/2020 // Архив Благовещенского районного суда Республики Башкортостан.

тостан. Оп. 2. 250 л.

4. Сафонов Г. И. Проблемные вопросы тактики назначения судебной автотехнической экспертизы // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2017. № 3. С. 223 – 226.

5. Уголовное дело № 1-300/2017 // Архив Ленинского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан. Оп. 1. 240 л.

6. Гольчевский В. Ф., Власов Ф. М., Несмеянов А. А., Чепурных Н. К. и др. Теоретические основы решения практических задач автотехнической экспертизы / под ред. Гольчевского В. Ф. Иркутск : ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2017. 220 с.

© Афзалетдинова Г. Х.

УДК 343.847.07(470)

Б. З. МАЛИКОВ, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор (г. Уфа)

B. Z. MALIKOV, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor (Ufa)

Т. В. НИКОЛАЕВА, заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)

T. V. NIKOLAEVA, Deputy Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law (Ufa)

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНСПЕКЦИЙ

ON THE ISSUE OF CRIMINAL-EXECUTIVE AND CRIMINAL-PROCEDURAL LEGAL RELATIONS IN THE ACTIVITIES OF CRIMINAL-EXECUTIVE INSPECTIONS

Аннотация. В статье раскрыты функции уголовно-исполнительных инспекций через призму уголовно-исполнительных и уголовно-процессуальных правоотношений, в том числе в целях обеспечения политики депенализации в сфере реализации уголовной ответственности. Авторами раскрыт императивный и процедурный формат уголовно-исполнительных правоотношений. Авторы определяют правовой статус осужденных как юридическую конструкцию, на основе которой выстраиваются уголовно-исполнительные правоотношения. Делается вывод о том,

что деятельность уголовно-исполнительных инспекций связана с реализацией уголовно-исполнительных и уголовно-процессуальных отношений.

Ключевые слова и словосочетания: уголовно-исполнительные инспекции, уголовно-исполнительная система, исполнение наказаний, уголовно-исполнительные и уголовно-процессуальные правоотношения, исполнение наказания.

Annotation. The article reveals the functions of criminal enforcement inspections through the prism of criminal enforcement and criminal procedural legal relations, including in order to ensure the policy of depenalization in the sphere of the implementation of criminal responsibility. The authors have revealed the imperative and procedural format of criminal and executive legal relations. The authors define the legal status of convicts as a legal structure on the basis of which criminal and executive legal relations are built. It is concluded that the activities of criminal enforcement agencies are connected with the implementation of criminal enforcement and criminal procedural relations.

Keywords and phrases: penitentiary inspections, penitentiary system, execution of sentences, criminal and criminal procedural legal relations, execution of punishment.

Современные уголовно-исполнительные инспекции (далее – УИИ) наделены разнообразными по характеру и содержанию функциями, являясь субъектами уголовно-исполнительных и уголовно-процессуальных правоотношений в сфере исполнения наказаний в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, исправительных и обязательных работ, ограничения свободы, уголовно-правовых мер испытания в виде условного осуждения и отсрочки исполнения наказания, меры пресечения в виде домашнего ареста. Деятельность уголовно-исполнительных инспекций сопряжена с одной стороны, с реализацией задач по исполнению приговоров судов в части реализации кары и исправлению осужденных к указанным видам наказаний и мерам испытания, а с другой стороны, – с исполнением судебного решения о применении уголовно-процессуальной меры пресечения в виде домашнего ареста (ст. 107 УПК РФ). Таким образом, уголовно-исполнительные инспекции стали органом уголовно-исполнительной системы (далее – УИС), осуществляющим исполнение приговоров судов на осужденных к наказаниям, не связанным с их лишением свободы, условно и с отсрочкой исполнения наказания, а также уголовно-процессуальной меры пресечения – домашнего ареста, по

правовой природе и процедуре исполнения схожего с исполнением наказания в виде ограничения свободы.

Деятельность уголовно-исполнительных инспекций предопределена нормами и принципами общепризнанных международных актов, правил и стандартов по обеспечению прав человека в пенитенциарной сфере, Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами, указами и распоряжениями Президента Российской Федерации, постановлениями и распоряжениями Правительства Российской Федерации, ведомственными актами Министерства юстиции Российской Федерации, Федеральной службы исполнения наказаний и др. Тем самым, ее содержание имеет правовой, нормативный и исполнительно-принудительный характер. Она направлена на исполнение судебных решений в сфере применения и реализации уголовной ответственности, меры уголовно-процессуального пресечения и наказания виновных в совершении преступлений лиц. Правовой формат их деятельности представляет собой систему нормативных актов различных уровней юридической силы, видов нормативного регулирования общественных отношений (предмета), оснований и форм осуществления государственного принуждения (уголовно-исполнительного либо

процессуального). Уголовно-исполнительные инспекции представляют собой вид государственного органа и службы, обеспечивающие властные полномочия в сфере правосудия и правопорядка. Исходя из целей уголовной ответственности и наказания, задач Уголовно-исполнительного кодекса РФ и уголовно-исполнительной системы (далее – УИС), их деятельность является процедурной в механизме исполнения приговоров судов в части реализации кары способом применения государственного принуждения. Вместе с тем, она является и исправительной по своему содержанию. Поэтому указанная деятельность УИИ, как и в целом учреждений и органов УИС, может быть признана неотъемлемой составной частью механизма отправления правосудия [1, с. 135-136]. УИИ являются структурами силового ведомства, призванными осуществлять государственное принуждение и судебные властные решения в уголовно-исполнительной форме посредством реализации правоотношений.

В отличие от других учреждений и органов УИС, УИИ не только призваны выполнять разнопорядковые функции в механизме уголовно-исполнительной и уголовно-процессуальной деятельности, но и они действуют в открытом социальном пространстве, применяют неординарные виды карательно-исправительного принуждения и уголовно-процессуального пресечения, взаимодействуя с различными структурами гражданского общества, исполняют судебные решения при участии администрации и трудовых коллективов по месту работы осужденных (ст.ст. 28, 34, 35, 38, 43, 44 УИК РФ), и руководителей муниципальных образований (ч. 1 ст. 25, ч. 1 ст. 39 УИК РФ). Их деятельность подконтрольна со стороны государства (ст.ст. 19-22 УИК РФ) и общества (ст. 23 УИК РФ).

Исполнение УИИ домашнего ареста и запрета определенных действий (ч. 11

ст. 105.1. УПК РФ) обеспечивается также в открытом социальном пространстве в формате ограничения свободы. Основанием этой работы является судебное решение. Осуществляется она в форме контрольно-надзорных мер за пребыванием лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления, в определенном месте и соблюдением ими запретов (ст. 107 УПК РФ) и обязанностей, направленных на ограничение их общения, а также за невыполнением ими определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ). В домашнем аресте «изоляция» таких лиц от общества не является физическим воздействием путем заключения в специализированное учреждение (помещение), с организацией их охраны и конвоирования, обеспечения постоянного надзора и строгого режима. В домашнем аресте изоляция заключается в императиве предписания физическим лицам пребывать по месту жительства и соблюдать правоограничения, установленные судом. Указанные меры пресечения обеспечиваются способом осуществления надзорно-контрольных мер.

Правовая природа таких уголовно-исполнительных и уголовно-процессуальных отношений различна, так как у них специфичны предметы и методы правового регулирования, самостоятельные отраслевые системы норм, определяющих специфику содержания правоотношений. Не схожи по сущности и последствиям юридические факты таких разнопорядковых правоотношений. Они также отличаются характером правомочий их субъектов и участников. Эти особенности находят отражение в нормативных правовых актах, регламентирующих различные по своей сущности и содержанию направления деятельности уголовно-исполнительных инспекций. Поэтому они должны учитываться в профессиональной подготовке сотрудников данной службы, а также влиять на содержание уголовно-исполнительной политики, учитывающей специфичность раз-

личных направлений их деятельности по реализации задач правосудия в открытом социуме и при участии институтов гражданского общества.

Актуальность дискуссии в научном сообществе о том, должны ли мы воспринимать зарубежный опыт служб пробации, как единственный и достаточно верный, брать его за основу для формирования в России службы исполнения альтернатив лишению свободы, видимо, уже исчерпала себя [2, с. 39-52, 52-54]. Мы не отрицаем положительные стороны организации служб пробации, но они рассчитаны на совершенно иные социально-экономические условия, национальные традиции и возможности в противодействии преступности, а также практику органов уголовной юстиции. Нам представляется, что в России уже с учетом социальных, экономических, географических, природно-климатических, ментальных, национальных особенностей, сложившейся структуры гражданского общества, форм организации труда и общественно-полезной деятельности, наработанного опыта в советское и постсоветское время по формированию системы исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера, а также наработок в применении домашнего ареста и запрета определенных действий, уже создана своя государственная служба с должными материальными и организационными ресурсами. Она системно уже встроена и отлажена на протяжении 100 лет в механизм правосудия. В этот исправительный процесс включены институты гражданского общества. Не случайно УИИ получили адекватное своему содержанию деятельности наименование. Со временем они должны стать органом государства в УИС, который будет играть важную роль в реализации вектора депенализации в уголовной политике. Уже в настоящее время они активно аккумулируют в своем содержании деятельности правовые и организационные формы и методы работы для расширения

сферы применения альтернатив лишению свободы, активизации социального участия в работе с лицами, находящимися в режиме уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального контроля, а также специально-предупредительного воздействия на основании судебных решений.

УИИ в уголовно-исполнительных правоотношениях выступают от имени государства в качестве правомочных субъектов по исполнению приговоров и иных судебных решений, актов помилования и амнистии в части наказания, условного осуждения, а также отсрочки исполнения наказания. Их правомочия, как субъекта уголовно-исполнительных правоотношений, определены нормами Общей части УИК РФ (ст.ст. 7, 16), а также нормами Особенной части УИК РФ (ст.ст. 25-30, 33-60, 602, ч.ч. 1, 6, 7 ст. 173, 176-178, 187-190). Обеспечивая государственное принуждение в реализации конкретных мер уголовно-правового характера, УИИ, как и другие учреждения и органы УИС, в применении кары не выходят за рамки, предписанные приговором суда и уголовно-исполнительным законодательством. Поэтому они не могут рассматриваться в качестве карательных и репрессивных органов, так как их деятельность представляет собой моделирование уголовно-исполнительных правоотношений с карательной силой по форме и содержанию, соответствующей приговору суда, уголовному закону, и, обеспечиваемых процедурно в соответствии с требованиями уголовно-исполнительного законодательства.

УИИ при исполнении уголовных наказаний и мер уголовно-правового характера являются субъектами уголовно-исполнительных правоотношений, наделенными от имени государства властными полномочиями по применению уголовно-судебного и уголовно-исполнительного принуждения. Эта деятельность соответствует целям и задачам правосудия, выстраивается на принци-

пах законности, гуманизма, демократизма, отвечает интересам правопорядка, а также личной ответственности и потребностям в ресоциализации самих осужденных.

В системе уголовно-исполнительных правоотношений УИИ руководствуются нормами уголовно-исполнительного законодательства. Кроме того, вопросы дифференциации и индивидуализации наказания, а также механизмы уголовно-обеспечительного формата исполнения приговоров судов делают необходимым их обращение к положениям уголовного и уголовно-процессуального законодательства, в которых находят отражение права и законные интересы осужденных, а также отдельные обязательные императивы по изменению правового положения осужденных. Например, нормы Уголовного кодекса РФ определяют основания и судебный порядок досрочной отмены условного осуждения и снятия с осужденного судимости (ч. 1 ст. 74), принятия решения в период срока исполнения ограничения свободы о частичной отмене, либо о дополнении ранее установленных судом осужденным ограничений (ч. 3 ст. 53), а в случае злостного уклонения осужденных от отбывания исправительных работ предусматривают замену неотбытого наказания принудительными работами или лишением свободы из расчета один день принудительных работ или один день лишения свободы за три дня исправительных работ (ч. 4 ст. 50). Нормативы карательного блока наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с лишением свободы, определены уголовным законодательством. В процедурах исполнения приговоров судов и иных актов, их изменяющих, вопросы освобождения от наказания, его смягчения, замены более строгим видом наказания решаются только в судебном порядке или на основании актов о помиловании и амнистии. УИИ обеспечивают только необходимые для этого процедур-

ные вопросы. Например, по достижении ребенком четырнадцатилетнего возраста или в случае смерти ребенка УИИ по месту жительства осужденного с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления, поведения осужденного, его отношения к воспитанию ребенка, отбытого и неотбытого сроков наказания, направляет в суд представление об освобождении осужденного от отбывания наказания или оставшейся части наказания либо о замене оставшейся неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ч. 4 ст. 178 УИК РФ), в случае соблюдения осужденным условий отсрочки отбывания наказания и его исправления уголовно-исполнительная инспекция вносит в суд представление о сокращении срока отсрочки отбывания наказания и об освобождении осужденного от отбывания наказания или оставшейся части наказания со снятием судимости. При этом указанное представление не может быть внесено ранее истечения срока, равного сроку наказания, отбывание которого было отсрочено (ч. 5 ст. 178 УИК РФ).

Применение к осужденным основных средств исправления сопряжено с соблюдением нормативного регламента исправительного процесса нормами иных отраслей права (гражданского, брачно-семейного, трудового), а также ведомственными нормативными актами. УИИ в интересах исправления осужденных и предупреждения правонарушений с их стороны имеют право контролировать и оценивать поведение осужденных в быту и иных сферах социального участия и проявления, применяя основанные на законе меры реагирования. Сами УИИ не вправе ограничивать права осужденных. Они на основе уголовно-исполнительного законодательства лишь вправе санкционировать отдельные действия осужденных. Например, дать согласие на увольнение с работы, перевод на другую работу, переезд в другую местность, поддерживать ходатайства осужденных при

обращении в суд или давать аргументированное заключение по поводу возражений о применении судом положений уголовного закона о смягчении наказания либо об освобождении от его отбывания.

Императивный формат уголовно-исполнительных правоотношений отражает сущность государственно-властного метода применения уголовно-правового принуждения на принципах: а) судебного порядка применения наказания; б) строгой индивидуализации применения кары и правоограничений в приговоре суда или ином акте правомочного государственного органа; в) обязательности исполнения приговора суда, вступившего в законную силу и, обращенного к исполнению, а также безотлагательного выполнения осужденным его предписаний в части правоограничений и возложения обязанностей; г) неукоснительного соблюдения осужденными порядка и условий исполнения наказания или иных мер уголовно-правового характера; д) учета отношения осужденных к процедурам применения основных средств исправления в целях послабления карательного принуждения либо освобождения от такового.

Процедурный характер уголовно-исполнительных правоотношений является правовой гарантией обеспечений прав и законных интересов осужденных, а также формой воспрепятствования возложения на них обязанностей и запретов, не предусмотренных нормативно-правовыми актами. Сам регламент некоторых разрешительных и дисциплинарных процедур строго определен и он обязателен для персонала УИИ. Например, ответственность за нарушение порядка и условий отбывания наказания в виде ограничения свободы и за уклонение от его отбывания определена в нормах ст. 58 УИК РФ. Более того, порядок применения мер поощрения и взыскания к осужденным к наказанию в виде ограничения свободы регламентирован нормами ст. 59 УИК РФ.

Правовой статус осужденных представляет собой юридическую конструкцию, на основе которой выстраиваются уголовно-исполнительные правоотношения. Правовой статус осужденных – это нормативное отражение сущности и содержания уголовно-исполнительных правоотношений в целом и конкретных их видов с учетом правовой регламентации исполнения видов наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией осужденных.

Уголовно-исполнительный кодекс РФ в Общей части нормативно закрепляет и выражает смысл уголовно-исполнительной правовой материи – основы уголовно-исполнительных правоотношений, начиная с целей и задач уголовно-исполнительного законодательства, закрепления системы норм, принципов, оснований уголовно-исполнительной деятельности, смысла и направленности исправительного воздействия, установления механизмов контроля и гарантий прав и законных интересов осужденных. В Особенной части находят отражение нормы, регламентирующие исполнение конкретных видов наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией осужденных.

Осужденный, как субъект уголовно-исполнительных правоотношений, представляет собой, физическое лицо, которому в силу его виновности в совершении преступления, судом вынесен обвинительный приговор о наказании, либо применении иной меры уголовно-правового характера. Этот статус осужденный имеет на период исполнения и отбывания наказания. Приговор суда, либо изменяющие его определение или постановления суда, вступившие в законную силу, и, обращенные к исполнению, а также акт помилования или амнистии являются основанием для исполнения наказания (ст. 4 УИК РФ). Тем самым, указанные документы порождают возникновение и изменение уголовно-исполнительных

правоотношений.

Осужденные к наказаниям в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательных работ, исправительных работ, условно, в отношении которых отбывание наказания отсрочено, ставятся на учет УИИ на основании копии обвинительного приговора (определения, постановления) суда, вступившего в законную силу и, в отношении них обеспечивается исполнение приговора суда, а также уголовно-исполнительный и исправительный процесс.

Таким образом, деятельность УИИ связана с реализацией уголовно-исполнительных и уголовно-процессуальных отношений, они действуют в открытом социальном пространстве, применяют неординарные виды карательно-исправительного принуждения и

уголовно-процессуального пресечения, взаимодействуя с различными структурами гражданского общества, исполняют судебные решения при участии администрации и трудовых коллективов по месту работы осужденных и руководителей муниципальных образований. Уголовно-исполнительные инспекции представляют собой государственный орган, обеспечивающий политику депениализации в сфере реализации уголовной ответственности. Они также представляют собой реальный фактор, активизирующий институты гражданского общества на участие в проблемах уголовно-исполнительной деятельности с осужденными и другими категориями лиц, являющимися субъектами уголовно-правовых отношений, за которыми судами сохранено право доказывать свое исправление в условиях свободы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маликов Б. З. Теоретические проблемы сущности и содержания лишения свободы и их выражения в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве России : дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань : АПУ Минюста России, 2004. С. 135 – 136.
2. Хуторская Н. Б. Организация и деятельность служб пробации за рубежом. Альтернативы тюремному заключению в Российской Федерации. Материалы международной конференции. PRI. М. 2001. 107 с.; Уткина С. С. Органы «пробации» в контексте международных правовых стандартов. Там же. 107 с.

© Маликов Б. З.

© Николаева Т. В.

УДК 343.982:343.34(470)

С. Л. МИРОЛЮБОВ, доцент кафедры криминалистики Казанского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Казань)

S. L. MIROLYUBOV, Assistant Professor of the Chair of Criminalistics of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor (Kazan)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАЗНАЧЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

TOPICAL ISSUES OF THE APPOINTMENT OF FORENSIC EXAMINATIONS IN THE INVESTIGATION OF CRIMES OF EXTREMIST AND TERRORIST ORIENTATION

***Аннотация.** В статье рассматриваются объекты, вопросы, и особенности назначения криминалистических экспертиз при расследовании преступлений экстремистской и террористической направленности. Приводится статистика количества преступлений террористической направленности за последние пять лет. Уделено внимание баллистической, взрывотехнической, фоноскопической, автороведческой экспертизам, портретной экспертизе. Делается вывод о том, что быстрое безотлагательное назначение вышеуказанных экспертиз, правильный выбор экспертного учреждения, грамотная постановка вопросов являются главными условиями успешного формирования доказательственной базы при расследовании преступлений экстремистской и террористической направленности.*

***Ключевые слова и словосочетания:** криминалистические экспертизы, экстремизм, терроризм, вопросы для экспертизы, постановление.*

***Annotation.** The article discusses the objects, issues, and features of the appointment of forensic examinations in the investigation of crimes of extremist and terrorist orientation. The statistics of the number of terrorist crimes over the past five years are given. Attention is paid to ballistic, explosive, phonoscopic, autographic examinations, portrait examination. It is concluded that the rapid and urgent appointment of the above-mentioned examinations, the correct choice of an expert institution, and competent formulation of questions are the main conditions for the successful formation of an evidence base in the investigation of extremist and terrorist crimes.*

***Keywords and phrases:** forensic examinations, extremism, terrorism, questions for expertise, resolution.*

В наши дни экстремистские и террористические преступления по-прежнему вызывают глубокое беспокойство в обществе и создают угрозу национальной безопасности России, ее территориальной целостности, конституционным правам и свободам граждан, обретая новые

формы (например, распространение через сети Интернет). Правоохранительные органы активно ведут борьбу с данным асоциальным и негативным явлением.

Так количественные показатели за последние годы выглядят следующим образом:

В 2020 году снова наблюдается небольшой всплеск террористических преступлений [1].

При расследовании уголовных дел по данным составам преступлений важнейшее значение приобретает назначение криминалистических экспертиз. Характерными являются такие экспертизы, как фоноскопическая, автороведческая, взрывотехническая, баллистическая и портретная.

В наши дни частый характер имеют ложные сообщения о заложенных взрывных устройствах или готовящихся взрывах, которые поступают в органы полиции, органы ФСБ, государственные структуры через телефонные звонки, записки, электронные письма т. д. В целях конспирации преступники ведут переговоры завуалировано, с использованием заранее разработанной терминологии и понятий, в том числе и на родном языке [7, с. 201]. В этот момент запись телефонных переговоров становится един-

ственным следом ведущим напрямую к преступнику [2, с. 123]. В этом случае назначается фоноскопическая экспертиза.

Данная экспертиза предназначена для идентификации неизвестного лица по голосу и речи, а также для диагностики личных характеристик человека по признакам его голоса и речи. Стоит отметить, что акустическая характеристика голоса имеет относительно устойчивый характер во времени и остается индивидуальной, несмотря на морфологические и патологические изменения органов речи. Речь человека также индивидуальна, имеет свои черты и формируется под влиянием социальных и психических факторов.

Для всестороннего и объективного анализа речи человека как своеобразного «следа» его интеллектуальной деятельности необходимо участие как минимум двух экспертов – с высшим техническим и высшим филологическим образованием. Специалисты определяют индивидуальные признаки речи, даже если пре-

ступник попытался их замаскировать. Телефонные террористы и мошенники часто меняют тембр речи, тип голоса с мужского на женский, имитируют акцент. Эксперты-криминалисты способны идентифицировать преступников по тем признакам голоса, которые они не в состоянии контролировать[3]. При проведении фоноскопической экспертизы ставятся следующие вопросы:

- 1) Сколько лиц участвовало в разговоре на фонограмме?
- 2) Каково содержание текста на фонограмме?
- 3) Каковы источники и характер звуков?
- 4) Каковы пол, возраст, анатомические особенности и психические характеристики лица, слова которого записаны на данной фонограмме?
- 5) Каковы социальные характеристики лица (уровень образования, интеллект и т.п.)?
- 6) Каково эмоциональное состояние лица во время произнесения речи?
- 7) Принадлежит ли записанная на фонограмме речь конкретному лицу?

Криминалистическое исследование материалов фонограммы как вид экспертиз появилось сравнительно недавно [4, с.203], в ходе которого используются кибернетические методы и средства для идентификации источника звука, дешифровки звуковых сигналов и определения различных изменений, таких как перезапись, монтаж и др. Значительно сложнее эксперту будет ответить на поставленные вопросы при использовании злоумышленником популярных программ по изменению голоса (Voxal Voice Changer, Fake Voice и других)

Кроме того высокоинформативным источником доказательств является заключение автороведческой судебной экспертизы. Заключение данной экспертизы приходит на помощь в тех случаях, когда сообщения о заложенных взрывных устройствах или возможных террористических актах поступают в письменном

виде. Это обусловлено тенденцией технического прогресса и популяризацией компьютерной информации, где актуальный характер носят многочисленные тексты. Это и листовки, содержащие идеологию насилия или склоняющие к террористической деятельности, а также призывы и пропаганда превосходства одной социальной группы над другой. Они являются объектом автороведческого исследования. Судебно-автороведческая экспертиза направлена на идентификацию автора и криминалистически значимых сведений, получаемых из исходного текста, и решает как диагностические, так и идентификационные задачи в сфере преступлений экстремистского и террористического характера.

Идентификационные задачи представлены двумя основными группами: 1) является ли лицо автором текста; 2) является ли лицо автором нескольких различных текстов. Диагностические задачи следующие: 1) пол и возраст автора текста; 2) социальные и биографические характеристики автора (профессия, образование и др.); 3) район проживания автора текста; 4) возможность намеренного изменения письменной речи [4, с.200]. Для большей эффективности данного процесса необходимо предоставление нескольких качественных образцов для сравнительного исследования, а также привлечение специалистов других сфер (например, психологов, философов, а также специалистов в сфере религиоведения).

Нередко преступления экстремистского и террористического характера связаны с подготовкой и осуществлением взрыва с помощью различных взрывных устройств, (чаще всего самодельных, например гранаты «хаттабки» массово изготавливаемые банд-формированиями действовавшими на территории Чечни, СВУ «Казанского стрелка» И. Галявиева и т. п.), наличием разрушенных зданий, помещений, поражение людей и т. п. Как следствие возникает необходимость в проведении взрывотехнической экспертизы.

Данный вид исследования предполагает комплекс определенных специальных познаний [5, с.75]. Все это обусловлено рядом причин: специфичность объекта исследования, огромный спектр вопросов, требующих разрешения, особенности тех методов, которые будут использоваться при решении поставленных перед экспертом вопросов. Так, объектами взрывотехнической экспертизы могут стать: взрывные устройства и их составляющие; средства подрыва; взрывчатые вещества и иницирующие составы; следы взрыва; оборудование, использованное для изготовления взрывных устройств и взрывчатых веществ.

На разрешение эксперту могут быть поставлены следующие вопросы:

- 1) Относится ли изъятое вещество к взрывчатому, и если да, то к какому?
- 2) Относится ли изъятый предмет к боеприпасам или взрывным устройствам и какова его мощность в тротиловом эквиваленте?
- 3) Являются ли повреждения объектов результатом взрыва?
- 4) Какова природа взрыва?
- 5) Какова конструкция взрывного устройства?
- 6) Каков способ изготовления взрывного устройства?
- 7) Обладало ли лицо, которое подготовило взрывное устройство, какими-либо специальными знаниями?

На сегодняшний день существуют различные комплексы, предназначенные для осуществления взрывотехнических исследований, в которых возможно проведение многократных испытаний. Благодаря современным взрывотехническим комплексам определяется объем газообразных продуктов взрыва, а также проводится их отбор для изучения на хроматографе или газоанализаторе. Кроме того, имеются новые методики экспертиз взрывчатых веществ, следов взрыва. Таким образом, учитывая уже созданные на данный момент новинки, остается необходимым и актуальным их

дальнейшее развитие в целях эффективного противодействия преступлениям террористической и экстремистской направленности подразделений правоохранительных органов.

Известно, что совершение преступлений террористической и экстремистской направленности часто сопровождается использованием огнестрельного оружия и боеприпасов. Тогда становится необходимым совершенствование методов и средств судебно-баллистической экспертизы.

Баллистическая экспертиза исследует оружие и боеприпасы к нему для установления исправности оружия, его работоспособности, определения его модели и калибра, а также других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Судебно-баллистическая экспертиза необходима в тех случаях, когда требуется установить принадлежность предмета к огнестрельному оружию, способ его изготовления, механизм действия, наличие возможных замен деталей в конструкции и т.п. [4, с. 132].

Как и другие криминалистические экспертизы, баллистическая экспертиза направлена на решение идентификационных и диагностических задач. К идентификационным задачам относятся идентификация огнестрельного оружия по следам на пулях и гильзах, принадлежность каких-либо деталей к определенному виду оружия. Диагностические задачи включают в себя: определение исправности или неисправности оружия, установления возможности работы оружия в определенных условиях, установление вида или модели оружия.

Вопросы, поставленные на разрешение эксперту:

- 1) К какому типу, виду относится данное оружие?
- 2) Исправно ли оно?
- 3) Все ли выстрелы были произведены из одного и того же оружия?
- 4) На какой дистанции был совершен выстрел?
- 5) Каково местоположение стреляв-

шего в момент выстрела?

6) Каков способ изготовления данного оружия?

7) Имеются ли какие-то изменения в конструкции?

Криминалистической практике известны случаи, когда террористы изготавливали огнестрельное оружие для своих нужд в кустарных условиях. Примером может служить пистолет-пулемет «Борз» (в переводе с чеченского языка – «волк») который изготавливали в 1990-е годы сначала на заводе «Красный молот» в г. Грозный, затем самодельным способом в кустарных условиях, для вооружения банд-формирований кавказских сепаратистов.

Экстремисты и террористы все незаконные акции тщательно планируют, используют конспирацию и для этого могут изменять внешность, проводить манипуляции с лицом для затруднения опознания. Для идентификации личности по чертам лица осуществляется производство судебно-портретной экспертизы. По результатам ее проведения возможна идентификация личности.

Данный вид исследования имеет различные классификации, одной из которых является разделение по характеру объектов. В зависимости от этого судебно-портретная экспертиза подразделяется на: 1) экспертизу изображений по фотопортретам (в данном случае, мы узнаем, не изображен ли на двух или более снимках один и тот же человек); 2) экспертизу фотоснимков трупа и живого человека для установления личности трупа; 3) экспертизу изображений без вести пропавшего человека при жизни и черепа трупа (здесь определяется принадлежность или непринадлежность черепа данному лицу); 4) экспертизу посмертной маски неизвестного человека и фотоснимков без вести пропавшего человека при жизни (так же для опознания трупа).

Вопросы, представляемые на разрешение эксперту идентификационного характера:

1) Не изображено ли на снимках одно

и то же лицо?

2) Не принадлежат ли части головы, лица, тела, представленных на снимках, одному лицу?

3) Не изображено ли на снимках неопознанного трупа то же лицо, что и на предоставленном для сравнения фотоснимке?

4) Не принадлежит ли череп неопознанного трупа лицу, чьи изображения были предоставлены с целью сравнения?

Вопросы диагностического характера:

1) Какого пола человек, изображенный на фотоснимке?

2) Каков его антропологический тип?

3) Какова возрастная группа человека, изображенного на снимке?

4) Какое телосложение человека на снимке?

В настоящее время актуальным является повышение эффективности и совершенствование методической базы портретной экспертизы. В случаях использования сведений, предоставленных очевидцами о внешних признаках человека при составлении субъективных портретов.

В последние года развитие криминалистической техники идет семимильными шагами, что ведет к появлению новых перспективных криминалистических разработок. Например, это - революционная платформа «151EYE»[6], позволяющая вычислить преступника по голосу. Во время того, как испытуемый проходит тест, программа со сложным алгоритмом вычисляет не только настроение, но и особенности его характера: энергичность, уверенность, сосредоточенность, взволнованность, тревогу и даже лень. Совсем недавним изобретением так же стал видеополиграф, который по одному ролику с показаниями подозреваемого может распознать микроэмоции на лице, длящиеся 5-7 миллисекунд. С большой долей вероятности данные устройства в скором будущем будут использоваться при проведении экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органах внутренних дел, в

том числе при расследовании экстремизма и терроризма.

Также хотелось бы отметить еще одну существенную проблему при раскрытии и расследовании указанной категории преступлений – это производство судебных экспертиз на платной основе или в частных экспертных учреждениях. Чаще всего речь идет о психолого-лингвистической, религиоведческой, этнологической и других экспертизах. Проведение психолого-лингвистической экспертизы, позволяет установить факты лжи, разжигания ненависти, плагиата, оскорбления. Объектами исследования являются вещественные доказательства в виде текстовых материалов (полиграфической продукции, тиражированной как в печатном, так и в электронном виде, аудио- и видеозаписей, электронной переписки и т.п.) [8 с. 114], различные моменты речи: текст, обозначения товаров, высказывания и т.д. Объектами исследования являются: рекламные объявления, пропагандирующие листовки, текстовые обращения, книжные публикации, разгово-

воры, продукты привлечения внимания в интернет, высказывания в средствах массовой информации и пр. Заключение данного исследования имеет принципиальное значение при рассмотрении вопроса о возбуждении уголовного дела по ст.282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства». Согласно статистике, в 2019 году по России проведено более 1000 данных экспертиз на платной основе. Отсюда напрашивается предложение о вводе в перечень криминалистических экспертиз (утвержден приказом МВД России №511 от 29.06.2005) психолого-лингвистической экспертизы.

Таким образом, быстрое безотлагательное назначение вышеуказанных экспертиз, правильный выбор экспертного учреждения, грамотная постановка вопросов являются главными условиями успешного формирования доказательственной базы при расследовании преступлений экстремистской и террористической направленности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Состояние преступности в России по статистическим данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации. [электронный ресурс] портал правовой статистики Генпрокуратуры РФ. Режим доступа свободный: crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 11.06.2021).
2. Галяшина Е. И. О «болевых точках» лингвистической экспертизы в уголовном судопроизводстве // Воронежские криминалистические чтения. 2017. № 2 (19). С. 123.
3. Интервью начальника ЭКЦ МВД России генерал-лейтенанта полиции А.В. Шишко радиостанции Милицейская волна 1.03.2019. Режим доступа свободный <https://мвд.рф/document/16093018> (дата обращения: 11.06.2021).
4. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М. Теория судебной экспертизы (судебная экспертиология): учебник / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин; под ред. Е. Р. Россинской. – 2-е изд. перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. С.203.
5. Аминев Ф. Г. По вопросу о тактике назначения судебных экспертиз при расследовании преступлений, связанных с экстремизмом и терроризмом // Юрист Правовед. 2017. № 4 (83). С. 74 – 78.
6. Российская газета Режим доступа свободный. <https://rg.ru/2020/03/05/rossijskaia-razrabotka-pomozhet-lovit-prestupnikov-po-golosu-i-video.html> (дата обращения 11.06.2021).
7. Нугаева Э. Д. Особенности расследования мошенничества при оказании оккультных услуг : дис. ... канд. юрид. наук., Уфа, 2018. 269 с.
8. Нугаева Э. Д. Особенности назначения и производства комплексных социально-психолого-лингвистических экспертиз по делам о мошенничестве при оказании оккультных услуг // Право: ретроспектива и перспектива. 2020. № 2 (2). С. 110–115.

© Миролюбов С. Л.

УДК 343.985.7:343.3(470)

А. В. НИКИТИН, доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Иркутск)

A. V. NIKITIN, Assistant Professor of the Chair of Administrative Law and Administrative Activity of the Internal Affairs Bodies of East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law (Irkutsk)

А. Е. СТУПНИЦКИЙ, доцент кафедры государственного-муниципального управления и предпринимательского права Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент (г. Иркутск)

A. E. STUPNITSKI, Assistant Professor of the Chair of State-Municipal Management and Business Law of Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice. Candidate of Law (Irkutsk)

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СПОСОБОВ ФИНАНСИРОВАНИЯ ЭКСТРЕМИСТКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

OPERATIONAL-SEARCH CHARACTERISTICS OF METHODS OF FINANCING OF EXTREMIST ACTIVITIES

Аннотация. В статье рассмотрены отдельные аспекты, касающиеся элементов оперативно-розыскной характеристики такого преступления как финансирование экстремистской деятельности. Авторами рассмотрены способы осуществления финансирования рассматриваемого вида деятельности, а также способы, способствующие сокрытию следов преступлений. Особое внимание уделено способам устранения имеющихся проблем в рассматриваемой сфере. Отмечается, что вопрос выявления и пресечения финансирования экстремизма крайне проблематичен и специфичен с различных точек зрения.

Ключевые слова и словосочетания: финансирование, экстремизм, криптовалюта, экстремистская деятельность, оперативно-розыскная характеристика.

Annotation. This article discusses some aspects related to the elements of the operational-search characteristics of such a crime as the financing of extremist activities. The authors considers the ways of financing the considered type of activity, as well as the ways that contribute to the concealment of traces of crimes. The authors pays special attention to the ways of eliminating the existing problems in

this area. It is noted that the issue of identifying and suppressing the financing of extremism is extremely problematic and specific from various points of view.

Keywords and phrases: *financing, extremism, cryptocurrency, extremist activity, operational-search characteristics.*

Ненависть и неприязнь, вражда, насилие к инакомыслию, иной вере, социальному положению и другим формам общественного бытия жизни продолжают представлять одну из основных угроз правам и свободам граждан, а также безопасности Российской Федерации.

Ежедневно мы сталкиваемся с проявлениями экстремизма, под которым принято понимать деятельность общественных и религиозных объединений, либо иных организаций, либо средств массовой информации, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на: насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности Российской Федерации, захват или присвоение властных полномочий, создание незаконных вооруженных формирований, осуществление террористической деятельности, возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию, унижение национального достоинства, осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы, пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности, а так же финансирование указанной деятельности либо иное содействие ее

осуществлению или совершению указанных действий, в том числе путем предоставления для осуществления указанной деятельности финансовых средств, недвижимости, учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной, факсимильной и иных видов связи, информационных услуг, иных материально-технических средств» [1]. Считаем, что финансирование указанного вида деятельности явно препятствует осуществлению уголовно-правового противодействия данному явлению. Будучи лишенной финансовой «подпитки», экстремистская деятельность однозначно потеряет как минимум свою эффективность и прекратит свое существование, как максимум.

В научной литературе широко освещены различные аспекты борьбы с проявлениями экстремизма, однако особый интерес представляют вопросы противодействия финансированию экстремизма. Эта тема не является новой, но от этого не становится менее актуальной. Более того, в настоящее время феномен экстремистской деятельности имеет даже такое внешнее выражение как экстремистское государство, которым, например, является ИГИЛ¹.

В современных условиях предоставление финансовых средств не только способствует развитию экстремизма, но и выходит на качественно новый уровень. Понятно, что регулярное и достаточное финансирование – это залог стабильности в любом виде деятельности, в которой не без внимания осталась и деятельность деструктивного элемента. В связи с этим, несомненно, одной из основных задач экстремизма является поиск источника финансирования. Соответственно такая

¹ Исламское государство Ирака и Леванта (запрещена на территории Российской Федерации).

задача предопределила противодействие данному явлению как ключевое направление деятельности правоохранительных органов. Вместе с тем в практической реализации данного направления со стороны правоприменителя встречаются объективные сложности, связанные отчасти с цифровизацией и информатизацией общества. Банковские и псевдобанковские операции на сегодняшний день стали гораздо доступнее, чем раньше и зачастую отследить их в короткий срок становится задачей невыполнимой для правоохранительных органов. Но ряд сложностей в связи с новыми экономическими веяниями возник не только перед правоприменителем.

Не оставил без внимания данное негативное явление и законодатель. Однако, несмотря на введенную в июне 2014 года уголовную ответственность за финансирование экстремистской деятельности (ст. 282.3 УК РФ), судебная практика лишена единого подхода к пониманию финансирования экстремизма [2]. Создается впечатление, что не разработан механизм применения данной статьи. На самом деле неоднозначность правоприменения возникает при рассмотрении вопросов о способах финансирования экстремизма.

В связи с этим целью данной статьи является освещение основных современных способов, условно подразделяющихся на легальные и нелегальные. Указанная классификация, безусловно, не является строгой и однозначной, вместе с тем позволит внести некоторую ясность в вопросы появления денежных средств, которые в дальнейшем идут на финансирование экстремистской деятельности.

К легальным способам следует отнести любое получение денежных средств от деятельности, не запрещенной законом, целью которой является финансирование экстремизма. К таким следует отнести: самообеспечение, всевозможные пожертвования, помощь спонсоров, создание различных негосударственных фондов для сбора денежных средств, оказание гуманитарной помощи, сбор средств на реставрацию религиозных сооружений и др. [3].

Нелегальными способами являются различного рода поступления денежных средств, добытых преступным путем: вымогательство, сбыт наркотиков, незаконный оборот оружия, фальшивомонетничество, заказные преступления, преступления против собственности и др. [4].

Таблица 1

Способы финансирования экстремизма

Легальные	Нелегальные
Самообеспечение	Вымогательство
Пожертвования	Сбыт наркотиков
Помощь спонсоров	Незаконный оборот оружия
Создание различных негосударственных фондов для сбора денежных средств	Фальшивомонетничество
Сбор средств на реставрацию религиозных сооружений	Заказные преступления
Иные	Преступления против собственности
	Иные

Правоохранительные органы ведут активную и наступательную борьбу с нелегальными каналами финансирования. Однако выявление источников поступления денежных средств, контроль над их распределением и дальнейшим оборотом вызывает определенные трудности. Основную проблему в настоящее время представляет активное использование инфокоммуникационных технологий, среди которых лидирующее положение занимает сеть Интернет [5]. Виртуальное пространство, лишенное физических границ, открывает неограниченные возможности для такого рода деятельности, в том числе и по вопросам финансирования экстремизма. Приходится констатировать, что многомиллионные обороты денежных средств вышли из-под контроля государственных органов, трансформировавшись в цифровую форму.

Особо следует отметить тот факт, что новая криптоэкономическая система не подчиняется всем общим экономическим законам (в частности, криптовалюта не привязана ни к золоту ни к чему бы то ни было) и поддается прогнозу весьма слабо. Таким образом, ее порой невозможно контролировать.

В современных реалиях анонимность личности пользователя сети Интернет, формируемая посредством интеграции технологий кодирования, шифрования, стеганографии и иных методов, активно и бесконтрольно используется в мессен-

джерах, программном обеспечении. Здесь речь идет о мессенджерах, основанных на технологии сквозного шифрования «END-TO-END» (WhatsApp, Telegram, Signal, Wickr и др.), а также о программном обеспечении типа TOR, VPN, I2P и др. Так, использование подобных технических решений в «глубинном» Интернете (DarkNet) позволяет не только сохранить полную анонимность, но и за счет использования распределенной сети серверов со всего мира заниматься финансированием экстремизма. Здесь на первый план выходит финансирование экстремизма посредством использования виртуальных валют. Одним из распространенных видов криптовалюты является Bitcoin. Использование подобного рода валюты позволяет полностью защититься от контроля со стороны провайдера, владельцев сайтов и служб анализа, программ шпионажа, в том числе полностью скрыть фактическое местоположение, транзакции, адреса получателей и отправителей и др. В результате использования подобного способа финансирования экстремисткой деятельности контроль перемещаемой информации, финансовых средств в виде криптовалюты ничтожен. Это, с одной стороны, характеризует криптовалюту как средство, которое практически невозможно обложить налогом, а с другой – как средство, транзакции которого остаются недоступными по большей части для всех правоохранительных органов.

Таблица 2

Преимущества и недостатки криптовалюты при финансировании экстремизма

Преимущества криптовалюты	Недостатки криптовалюты
Доступность криптовалюты – электронных денег в любое время.	Риск запрета. Государственные структуры с опаской подходят к криптовалюте.
Заморозить счёт или изъять криптовалюту невозможно.	Банки и прочие органы надзора и наблюдения не имеют возможности контролировать операции по выпуску и движению криптовалюты. Многие страны ввели ограничения по ее использованию, а на нарушителей может быть наложен штраф.

В любой момент можно проверить достоверность произведенных операций.	Отсутствует возможность отозвать платёж.
Анонимность. В отличие от классических электронных денег, операции с которыми легко отслеживаются, получить информацию о хозяине криптовалютного кошелька не получится.	Волатильность. Криптовалюта является непредсказуемой, так как зависит от текущего спроса, который, в свою очередь, может меняться в результате изменений в законодательстве и из-за прочих факторов. По этой причине имеют место колебания цены виртуальных денег.
В большинстве случаев комиссия взимается исключительно в добровольном порядке.	Опасность потери. «Ключом» доступа к электронным деньгам является специальный пароль. Если его потерять, находящиеся в кошельке криптовалюты становятся недоступны.
Криптовалюта является независимой денежной единицей. Ее эмиссию никто не регулирует и не контролирует движение средств на счету.	Отсутствует общий организатор торговли, что уменьшает доверие к криптовалюте.

Практика показывает, что, кроме использования криптовалюты, экстремисты осуществляют финансовые операции с применением различных платежных систем, таких как Qiwi-кошелек, PayPal, функциональную основу которых составляет бесконтрольное использование SIM-карт (под бесконтрольностью понимается приобретение в неограниченном количестве SIM-карт на подставных лиц, с нарушениями при заполнении персональных данных в договоре об оказании услуг радиоподвижной связи и мобильного Интернета). Как следствие, правоохранительные органы лишены возможности отслеживать процесс оборота финансовых средств. Это, в свою очередь, обуславливает неэффективность уголовно-правового противодействия рассматриваемому виду деяний.

Резюмируя изложенное, отметим, что вопрос выявления и пресечения финансирования экстремизма крайне проблематичен в решении и специфичен с

различных точек зрения. В связи с этим назрела и не нуждается в обосновании необходимость крайне жесткого контроля и мониторинга сети Интернет до оздоровления сложившейся негативной ситуации. Более того, в кратчайшие сроки важно разрешить вопросы совершенствования механизма правоприменения, в частности разъяснения практики понимания и применения статьи 282.3 УК РФ с точки зрения оперативно-разыскной и уголовно-процессуальной деятельности, целью которого явилось бы устранение коллизий в праве и совершенствование юридической техники изложения нормативных правовых актов, соответственно, устранение неоднозначности толкования норм закона. Отдельно обращаем внимание на профилактическую деятельность, в которой тесная работа с гражданами позволила бы увеличить их бдительность, чувство общественного и гражданского долга, что непременно способствовало бы содействию с их стороны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [Электронный ресурс] URL: <http://base.garant.ru/12127578/> (дата обращения: 05.02.2021).
2. Владимиров В. Ю. Особенности криминологического анализа наркосреды / В. Ю. Владимиров, Е. В. Каймак // Антинаркотическая безопасность. Саратов. № 1(1). 2013. С. 88-93.
3. Иванов П. И. Некоторые вопросы, связанные с подрывом экономических основ организованной преступности и терроризма: вопросы теории и практики / П. И. Иванов, И. А. Королев, Р. Ш. Шегабудинов // Сборник научных статей. М.: МЦНМО, 2010. С. 347-358.
4. Грибунов О. П. К вопросу о противодействии экстремизму на объектах транспорта // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2013. № 3 (66). С. 9-16.
5. Грушихина В. А. О понятии религиозной экспертизы при расследовании преступлений, связанных с распространением материалов экстремистской направленности // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2015. № 1 (72). С. 37-42.

© Никитин А. В.

© Ступницкий А. Е.

УДК 343.985.5:343.352(470)

Э. Д. НУГАЕВА, начальник кафедры криминологии Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)

E. D. NUGAEVA, Head of the Chair of Criminalistics of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law (Ufa)

**ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ТАКТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ
«ЗАДЕРЖАНИЕ С ПОЛИЧНЫМ» ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ
КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

**FEATURES OF CONDUCTING TACTICAL OPERATION
“RED-HANDED DETENTION” IN DETECTING AND INVESTIGATING
CORRUPTION CRIMES**

Аннотация. Коррупционные преступления являются достаточно сложными в плане выявления и доказывания вины лиц, причастных к их совершению. Для решения задач их расследования рекомендуется использовать возможности органов, наделенных правом осуществления оперативно-розыскной деятельности, в рамках тактической операции «задержание с поличным». В статье дан ряд общих рекомендаций по ее планированию и содержанию. Цель исследования – определение содержания подготовительного и рабочего этапов тактической операции «задержание с поличным». При подготовке публикации были использованы диалектический метод научного познания, общенаучные и частнонаучные методы.

Ключевые слова и словосочетания: тактическая операция, задержание с поличным, коррупционные преступления, оперативно-розыскные мероприятия, раскрытие, расследование.

Annotation. *Corruption crimes are quite difficult in terms of identifying and proving the guilt of those involved in their commission. To solve the problems of their investigation, it is recommended to use the capabilities of the bodies vested with the right to carry out operational-search activities, within the framework of the tactical operation "red-handed arrest" The article provides a number of general recommendations for its planning and content. The purpose of the study is to determine the content of the preparatory and working stages of the tactical operation "red-handed arrest". When preparing the publication, the dialectical method of scientific knowledge, general scientific and specific scientific methods were used.*

Keywords and phrases: *tactical operation, red-handed arrest, corruption crimes, operational-search measures, disclosure, investigation.*

Современная коррупция представляет собой одну из серьезных угроз безопасности государства и является значительным препятствием развитию страны в целом и реализации стратегических национальных приоритетов¹.

Анализ официальной статистики МВД России за 2020 г. показал, что в структуре коррупционной преступности основную долю составили: взяточничество – 47,2 %; мошенничества, совершенные с использованием служебного положения, получение взятки – 13,5 %; дача взятки – 11,8 %; мошенничество, совершенное с использованием служебного положения – 23,7 %; присвоение или растрата с использованием служебного положения – 8,8 %; служебный подлог – 6,3 % [1, с. 34].

Однако, как верно замечено многими учеными-криминалистами [2; 3; 4; 5], занимавшимися изучением данной проблемы, для коррупционной преступности характерен высокий уровень латентности. Так, Е. А. Ануфриева отмечает, что «официальные статистические данные представляют собой лишь «верхушку айсберга» – видимую часть всей реально существующей коррупционной преступности в нашей стране. В то время как большая часть таких преступлений остается не выявленными и нераспознанными» [6, с. 84].

Правоохранительными органами чаще всего выявляются коррупционные

преступления в сфере здравоохранения, образования, государственного управления и обеспечения военной безопасности, финансовой деятельности, строительства, жилищно-коммунального хозяйства, сельского хозяйства, имущества и земельных отношений, лицензирования и регистрации предпринимательской деятельности с относительно небольшой суммой взяток, совершенные одним исполнителем или группой лиц по предварительному сговору. Реже выявляются преступления по рассматриваемой категории дел, совершенные организованными группами, связанные с передачей в качестве взяток значительных денежных сумм.

В прошедшем году в условиях пандемии наиболее подвержены коррупционным рискам были такие сферы, как государственные закупки, здравоохранение, страхование. В условиях дефицита медицинских товаров распространенными фактами являлись заключения контрактов с сомнительными компаниями и по завышенным ценам на необходимые лекарственные препараты и медицинское оборудование. Об этом свидетельствуют статистические данные МВД России по 2020 г., указывающие на 46,2 % рост преступлений, предусмотренных ст. 200.5 УК РФ «Подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок». Данным фактам способствова-

1 В опубликованном Автономной некоммерческой организацией «Центр антикоррупционных исследований и инициатив «Transparency International» Индексе восприятия коррупции-2020 Россия занимала 133 место, оказавшись в одной группе с Азербайджаном, Мали, Малави и Габоном (в 2019 г. Россия занимала 138 место в мире).

ли неопределенность критериев отбора предприятий, участвующих в программе государственной поддержки бизнеса в условиях пандемии и по ее окончании.

По-прежнему остается актуальной практика бесконтактных схем дачи и получения взятки с использованием сети Интернет путем перевода денежных средств на обезличенные счета в различных платежных системах, в том числе с использованием криптовалют [7].

Результативность раскрытия и расследования коррупционных преступлений напрямую осложнено рядом факторов. Как нами было отмечено выше, данной категории преступлений свойственна высокая степень латентности. Как правило, данные преступления совершаются в отсутствие очевидцев. Все участники содеянного заинтересованы в наступлении положительного результата от совершенного преступления и осуществляют активную противоправную деятельность по сокрытию ее следов. По сравнению с другими преступлениями при расследовании подкупа сравнительно невелик объем доказательств: в большинстве случаев обвинение строится на косвенных доказательствах, оценка которых представляет значительные трудности.

Основная часть преступлений коррупционной направленности реализуется в соучастии, в том числе, организованными преступными группами. Субъектами коррупционных преступлений зачастую выступают лица, имеющие (или имевшие в прошлом) опыт работы или службы в правоохранительных или военизированных структурах, владеющих профессиональными знаниями и навыками оперативно-розыскной деятельности, а также лица с высшим экономическим или юридическим образованием. В связи с этим они могут оказать и оказывают существенное противодействие сотрудникам правоохранительных органов [8, с. 432].

Так как уголовная ответственность

наступает в отношении всех участников преступления, последние, в большинстве случаев, отказываются давать правдивые показания.

Анализ судебно-следственной практики свидетельствует, что существенная доля преступных деяний – многоэпизодные, соответственно, следователь во взаимодействии с оперативными сотрудниками обязан устанавливать каждый факт совершения преступления, а не только указанные в заявлении или сообщении о преступлении. Верно замечено В. В. Коным и Л. В. Поповой, что «для участников совершенных преступлений коррупционной направленности характерна сплоченность, недоверие по отношению к органам предварительного расследования, надежда на взаимовыручку, поддержку и помощь со стороны сообщников, оставшихся на свободе, а также на помощь со стороны коррумпированных представителей властных структур, в том числе и сотрудников правоохранительных органов. В ряде случаев рассматриваемая категория лиц, причастных к коррупционным преступлениям, связана с лицами, совершающими общественно опасные деяния в сфере экономики. И «разоблачить нередко разветвленную и глубоко законспирированную группу преступников очень сложно» [9, с. 4; 9, с. 219].

Преступления коррупционной направленности сопровождаются активным противодействием со стороны защиты; обжалованием подозреваемым, обвиняемым любых решений следователя, в том числе ходатайств об избрании меры пресечения, о наложении ареста на имущество; затягиванием производства по делу. Такое противодействие требует от следователя более тщательной подготовки к проведению следственных и иных процессуальных действий [11, с. 179].

Зачастую следователю при расследовании коррупционных преступлений противостоят не только достаточно опыт-

ные адвокаты, которые не оставляют без внимания любую ошибку, допущенную следователем при расследовании, но и не выявленные следствием сообщники по преступной деятельности [9, с. 219].

Так, в работе А. А. Черкасовой приводятся следующие данные: «по мнению практических работников (с использованием пятибалльной шкалы оценок), помимо обвиняемого, наиболее активное противодействие расследованию взяточничества оказывают: защитник (3,1 балла), родственники обвиняемого (2,7 балла), руководство следователей (2,4 балла), свидетель (1,6 балла) и их коллеги (1,5 балла). Большинство респондентов (73%) отмечают, что чаще всего противодействие осуществляется организовано. Система организованных, нередко коррупционных связей и их формы могут быть простыми (например, обвиняемый - адвокат - свидетель) и сложными (руководитель организованной преступной группы - адвокат - следователь или прокурор - судья)» [12, с. 8].

Указанные обстоятельства, несомненно, оказывают влияние на тактику проводимых оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, отношения следователя и подозреваемого в процессе предварительного следствия, являются причиной особенностей оказания противодействия расследованию [5, с. 4-5].

Учитывая современный уровень преступлений коррупционной направленности, их высокопоставленность, сращивание с экономическими отношениями, осложнения противодействующими факторами, рекомендуется их расследование поручать опытным следователям, специализирующимся на данной категории дел, обладающих обширными знаниями по другим отраслям права с особым криминалистическим мышлением.

Анализ научных работ по теме исследования позволил сделать вывод, что в 79% случаев поводом для возбуждения уголовных дел о должностных престу-

плениях коррупционной направленности являются заявления граждан [13, с. 105; 14, с. 14; 15, с. 73].

Чаще всего в заявлениях содержится информация, что с заявителя должностное лицо (лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой организации) вымогает вознаграждение, либо заявитель стал очевидцем коррупционного преступления. С криминалистической точки зрения особую важность имеют заявления о намеченной передаче вознаграждения. Если информация, поступившая от заявителя, не вызывает сомнения, следователю во взаимодействии с сотрудниками органа дознания целесообразно разработать и осуществить тактическую операцию «Задержание с поличным». Ей присущи следующие тактико-криминалистические особенности: неотложность планирования и проведения; локальность, означающая планирование и осуществление тактической операции в сравнительно короткие сроки; мобильность; конспиративность проведения; широкое использование оперативных возможностей правоохранительных органов [16, с. 542].

Перед задержанием следует провести серьезную подготовительную работу:

1. Опросить заявителя либо допросить в рамках возбужденного уголовного дела. Необходимо выяснить следующее: в чем именно выразилось вымогательство; за какие действия (бездействия); каковы условия передачи предмета взятки; мотивы, по которым заявитель обратился в органы внутренних дел; производил ли заявитель запись разговора на телефон или диктофон; знает ли заявитель о подобных случаях;

2. Определить количественный и персональный состав группы задержания;

3. Внимательно изучить личность подкупаемого;

4. Тщательно изучить место предполагаемого подкупа, при этом обратить

внимание на пути подхода к названному месту с целью блокировки попытки подкупаемого скрыться после передачи незаконного вознаграждения;

5. Определить структуру и содержание имеющейся обстановки для правильного расположения участников, призванных наблюдать за ходом операции и задерживать подкупаемого. При этом экипировка и поведение участников задержания не должно привлекать внимания;

6. Обсудить условные сигналы обмена между участниками задержания на случай возникновения непредвиденных обстоятельств, перехода к следующему запланированному этапу и т.п.

7. Провести инструктаж сотрудников, задействованных в задержании, в том числе специалистов, осуществляющих аудио-, фото- и видеофиксацию хода операции. Подробно инструктируется о ходе проведения задержания, необходимом поведении и заявитель, что дал согласие на участие в тактической операции.

8. Продумать необходимость проведения на месте задержания следственных действий (личный обыск, осмотр места происшествия, осмотр одежды, осмотр помещений и т.д.).

С точки зрения доказывания вины взяточполучателя или субъекта коммерческого подкупа наиболее оптимальным является использование в процессе задержания средств, имеющих законный источник происхождения. В практике такими средствами являются личные или заемные средства взяткодателя или деньги, получаемые субъектом расследования из кассы правоохранительного органа или организации, с которой достигнута договоренность о финансовой помощи на период задержания [16, с. 542].

Задержание необходимо производить быстро, при этом руки задержанного блокировать для воспрепятствования сброса предмета подкупа или оказания сопротивления. Как правило,

осуществляется задержание при производстве оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент». Здесь возможны случаи, когда: а) орган, осуществляющий ОРД, документирует задержание от начала до конца для последующего направления материалов следователю; б) к процессу сбора доказательств уже на этом этапе подключается следователь, который выезжает на место происшествия [17, с. 269].

Для первого случая характерно изъятие предмета подкупа в рамках проводимого ими ОРМ на основании п.1 ч.1 ст.15 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности». В абзаце втором того же пункта 1 предписано в случае изъятия предметов при проведении гласных ОРМ составлять протокол в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства. Большую часть времени оперативный эксперимент проводится скрытно, однако, на стадии задержания он из негласного мероприятия превращается в гласное [18, с.45].

Следует заметить, что законодательство об ОРД предписывает именовать документ, который фиксирует изъятие, протоколом. Соответственно, если, как это практикуется, о проведении оперативного эксперимента составлен акт, то ему должен сопутствовать протокол, отдельно отражающий изъятия предмета взятки. Мы разделяем мнение М. Р. Глушкова, что допустимо, учитывая, что формальных требований к наименованиям оперативно-служебных документов не имеется, составить один протокол оперативного эксперимента, в котором отразить и факт изъятия предмета подкупа [17, с. 269].

В том случае, когда следователь выезжает и проводит осмотр места происшествия, то изъятие предмета подкупа возможно при проведении данного следствия действия при условии, что этот предмет открыто лежит либо участвующий в ходе осмотра заявитель (подлежащий обязательному занесению в про-

токол) укажет точно, в каком месте он находится.

Если задержанный по предложению следователя добровольно выдает предмет подкупа, то он также изымается осмотром. Противоречия в тактике производства данного следственного действия не повлекут, поскольку осмотр предполагает восприятие следователем обстановки и объектов, имеющих значение для дела, а также их исследование.

Сложнее обстоит ситуация при принудительном изъятии у задержанного предмета подкупа. Учитывая, что следователь не является субъектом оперативно-розыскной деятельности, привлечение его к участию в ОРМ лишено смысла. Необходимо четко отграничить по времени (фактически и в документах) оперативно-розыскное мероприятие «оперативный эксперимент» от следующего за ним процессуального действия.

В научных источниках по криминалистике имеются различные рекомендации по изъятию предмета подкупа в рамках доследственной проверки. Одни рекомендуют оформить это в рамках освидетельствования (ст. 179 УПК РФ), которое может производиться без понятых, без согласия освидетельствуемого, с одновременным осмотром его одежды. Мы же придерживаемся мнения тех ученых, что справедливо указывают на существенные противоречия, имеющиеся в ст. 179 УПК РФ [19, с. 204]. В данной статье указывается, что освидетельствование возможно произвести до возбуждения уголовного дела, но в отношении лишь подозреваемого, обвиняемого и т. п., т. е. тех лиц, которые наделены про-

цессуальным статусом. Изъять предмет в рамках производства личного обыска (ст. 184 УПК РФ) возможно также лишь после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела.

Единственным надежным способом является возбуждение уголовного дела (на месте происшествия, если это не сделано ранее) и проведение в рамках возбужденного дела личного обыска в соответствии со ст. 184 УПК РФ. Законным личным обыск будет и при задержании подозреваемого в контексте ст. 91 УПК РФ. Данный вариант приемлем, так как подключение следователя к сбору доказательств по коррупционному материалу должно быть продуманным заранее, перспектива дела просчитана уже на этом этапе и вопрос по возбуждению дела принципиально решен [19, с. 204].

Предметы, изъятые у подозреваемого, приобщаются к делу в качестве вещественных доказательств. Лица, в присутствии которых проводилась обработка предмета подкупа специальным химическим веществом, допрашиваются в качестве свидетелей. Для установления групповой принадлежности специального химического вещества назначается экспертиза веществ и материалов.

Раскрытие и расследование преступлений коррупционной направленности, успех проведения тактической операции «Задержание с поличным» по делам рассматриваемой категории напрямую зависит от профессионализма следователя и оперативных сотрудников, знания ими специфики совершения противоправного деяния, а также взаимодействия между всеми участниками данной операции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2020 года и тенденции ее развития: аналитический обзор: ВНИИ МВД России. Москва 2021. 72 с.
2. Астанин В. В. Мониторинг диссертаций по антикоррупционной тематике: примеры и проблемы качества // Мониторинг правоприменения. 2015. № 2. С. 32-40.

3. Лашко Н. Н. Криминалистическая характеристика и первоначальный этап расследования взяточничества и коррупции: дис. ...канд. юрид.наук. М. 2001. 168 с.
4. Фролова Е. Ю. Методика расследования коррупционной деятельности в правоохранительных и судебных органах: дис. ...канд. юрид.наук. Краснодар. 2005. 195 с.
5. Халиков А. Н. Особенности расследования получения взяток должностными лицами правоохранительных органов. М.: Юрлитинформ. 2006. 238 с.
6. Ануфриева Е. А. Перспективы развития криминалистических методик расследования коррупционных преступлений // Теоретические и практические проблемы организации раскрытия и расследования преступлений: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Хабаровск, 2016. С. 83-86.
7. Качалов В. В. Получение взятки криптовалютой: вопросы квалификации // Союз криминалистов и криминологов. 2020. № 2. С. 19-25.
8. Криминалистика : учебник /под ред. Е.П. Ищенко. М. изд. Проспект. 2020. 921 с.
9. Бычков В. В. Расследование коррупционных преступлений, связанных с подкупом : учебное пособие. М., 2010. 133 с.
10. Конин В. В., Попова Л. В. Использование технических средств видеофиксации при расследовании коррупционных преступлений как способ изобличения участников, не признающих своей вины // Российский следователь. 2012. № 1. С. 218-224.
11. Черкасова Е. А., Новикова Е. А., Рудов Д. Н. Преступления коррупционной направленности: некоторые проблемы раскрытия и расследования // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 1. С. 177-183.
12. Черкасова А. А. Раскрытие и расследование взяточничества в условиях противодействия: автореф. дис. ... к.ю.н. М. 2007. 21 с.
13. Кушниренко С. П., Пристанков В. Д. Коррупция и ее преступные проявления: особенности уголовного преследования. Криминологический и криминалистический аспекты исследования, обзор судебно-следственной практики. СПб.: Специальная литература, 2004. 167 с.
14. Филатова Т. В. Расследование взяточничества как проявления коррупции: автореф. дис. ...к.ю.н. М., 2008. 23 с.
15. Букаев Н. М., Крюков В.В. Особенности методики расследования должностных преступлений коррупционной направленности. М.: Юрлитинформ. 2012. 171 с.
16. Криминалистика: курс лекций / под ред. А.Ф. Лубина. М. 2019. 876 с.
17. Глушков М. Р. Изъятие предмета взятки при задержании с поличным //Взаимодействие органов государственной власти при расследовании преступлений коррупционной направленности: проблемы и пути их решения : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося российского учёного Н.С. Алексеева (Москва, 23 октября 2014 года). – М.: Академия СК России. 2014. С. 266-271.
18. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в расследовании преступлений: практическое пособие для следователей. Следственный комитет при прокуратуре Российской Федерации. М. 2010. 148 с.
19. Кривошеков Н. В., Краснобородько А. А. Принуждение при производстве освидетельствования на стадии возбуждения уголовного дела // Уголовный процесс: от прошлого к будущему. Материалы Международной научно-практической конференции. Ч.1. - М.: Академия СК России, 2014. С. 202-209.

© Нугаева Э. Д.

УДК 343.132.5:621.395(470)

Ф. Ф. СИБАГАТУЛЛИН, научный сотрудник научно-исследовательского отдела, Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа)

F. F. SIBAGATULLIN, Researcher of the Research Department of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa)

В. С. ЛАТЫПОВ, профессор кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Уфа)

V. S. LATYPOV, Professor of the Chair of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor (Ufa)

И СНОВА К ВОПРОСУ О ПОЛУЧЕНИИ ИНФОРМАЦИИ О СОЕДИНЕНИЯХ МЕЖДУ АБОНЕНТАМИ И (ИЛИ) АБОНЕНТСКИМИ УСТРОЙСТВАМИ

GETTING BACK TO THE ISSUE OF OBTAINING INFORMATION ON CONNECTIONS BETWEEN SUBSCRIBERS AND (OR) SUBSCRIBER DEVICES

Аннотация. Авторами проведен процессуальный анализ процедуры получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, регламентированный ст. 186.1 УПК РФ. Отмечается значимость и необходимость настоящего следственного действия в осуществлении уголовного судопроизводства. На основе анализа действующего уголовно-процессуального законодательства России, зарубежных стран, имеющих в теории уголовного процесса и криминалистики научных исследований сформулирована авторская позиция относительно необходимости внесения соответствующих изменений в норму, регламентирующую производство данного следственного действия. Предложено внесение отдельных изменений в ст. 186.1 УПК РФ, направленных на исключение категоричности признания результатов, полученной информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами вещественными доказательствами. Кроме того, аргументирована позиция авторов о необходимости законодательного установления оснований производства данного следственного действия по аналогии с нормой, регламентирующей случаи обязательного назначения судебной экспертизы.

Ключевые слова и словосочетания: предварительное следствие, следственное действие, информация, абонент, вещественное доказательство, уголовный процесс.

Annotation. The authors carried out a procedural analysis of the procedure for obtaining information about connections between subscribers and (or) subscriber devices, regulated by Art. 186.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The importance and necessity of this investigative action in the implementation of criminal proceedings are noted. Based on the analysis of the current criminal procedural legislation of Russia and foreign countries, available in the theory of criminal procedure and criminology of scientific research, the author's position on the need to make appropriate changes to the norm governing the production of this investigative action is formulated.

Some amendments to Art. 186.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, aimed at eliminating the categorical recognition of the results, the information received about connections between subscribers and (or) subscriber devices as material evidence are proposed. In addition, the authors' viewpoint concerning the need to legislatively establish the grounds for the production of this investigative action by analogy with the rule governing the cases of mandatory appointment of a forensic examination is justified.

Keywords and phrases: preliminary investigation, investigative action, information, subscriber, material evidence, criminal procedure.

В теории уголовный процесс принято рассматривать с различных точек зрения: как науку, как отрасль право, как учебную дисциплину и как самостоятельный вид государственной деятельности. Последний подход имеет практическую составляющую и представляет собой государственную деятельность должностных лиц и государственных органов, направленную на достижения назначения уголовного судопроизводства, предусмотренного ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Уголовно-процессуальная деятельность как государственных органов и должностных лиц, так и лиц и организаций, принимающих участие в уголовном процессе, неразрывно связана с процессом доказывания, включающим в себя собрание, проверку и оценку доказательств по обстоятельствам, имеющим значение по уголовному делу и составляющим предмет доказывания по конкретному составу преступления.

В рамках настоящего исследования наибольший научный интерес представляет сбор доказательств, осуществляемый путем производства следственных и процессуальных действий (ч. 1 ст. 86 УПК РФ).

Процессуальный порядок, тактика и методика производства отдельных процессуальных действий на протяжении различных исторических периодов развития уголовного судопроизводства России являлось предметом научных исследований как специалистов в области уголовного процесса, так и ученых криминалистов. Вместе с тем, следует отметить, что большинство исследований, в

том числе и монографического уровня, направлены на анализ наиболее распространенных следственных действий, таких как допрос, обыск, выемка, осмотр места происшествия.

В свою очередь считаем необходимым отметить, что Федеральный закон от 1 июля 2010 г. № 143-ФЗ ввел в существующую систему следственных действий ранее неизвестную отечественным процессуалистам норму 186.1 УПК РФ, регламентирующую получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (далее по тексту – детализация телефонных переговоров). Подчеркнем, что процессуальный порядок производства данного следственного действия был рассмотрен в диссертационном исследовании В. Ю. Стельмаха (2013 г.), а тактике производства и использования его результатов при расследовании преступления посвящена диссертация Р. А. Дерюгина (2018 г.). Среди монографических исследований следует отметить работы Е. С. Лапина (2014 г.) «Тактика получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами»; В. В. Агафонова, С. А. Вазюлина, В. Ф. Васюкова (2015 г.) «Особенности формирования доказательств с использованием информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами: криминалистические и процессуальные аспекты»; В. Ю. Стельмаха (2016 г.) «Следственные действия, ограничивающие тайну связи».

Вместе с тем, несмотря на имеющиеся диссертационные и монографические исследования, датируемые 5–10-летней давностью в настоящее время практиче-

ски отсутствуют комплексные научные исследования, посвященные данному следственному действию. Актуальность же исследуемой проблематики по-прежнему не вызывает сомнения. Техническое развитие и повсеместное распространение средств сотовой связи, непрерывно набирающее популярность представляет собой одно из наиболее перспективных областей радиосвязи. Отмечается, что российский рынок мобильной связи в 2020 году поднялся на 0,3 % по сравнению с аналогичным показателем прошлого года. К концу декабря 2020 г. в Российской Федерации насчитывалось 257 млн сотовых абонентов. Распространение таких услуг достигло 175 % [1]. Кроме того, по официальным данным, представленным Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации рынок услуг связи по итогам 2020 г. достиг 1,9 трлн рублей, увеличившись на 1,7 % в сравнении с 2019 г. [2].

Важно так же отметить, что в большинстве имеющихся публикаций проводится лишь анализ нормативно-правовой базы регулирующий порядок проведения данного следственного действия, а также связь с другими актами законодательной власти. При этом авторами [3, 4], к сожалению, не подвергается анализу практическая значимость следственного действия. Отчасти это можно объяснить тем, что в ходе оперативно-разыскной деятельности производятся оперативно-разыскные мероприятия предусмотренные ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», а именно «Прослушивание телефонных переговоров» и «Снятие информации с технических каналов связи», порядок проведение которых имеет схожие черты с со следственным действием, но таковыми не являются.

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством России получение информации о соединениях

между абонентами и (или) абонентскими устройствами определено как следственное действие, и позволяет получать информацию ретроспективно о состоявшихся соединениях, а также перспективно о тех соединениях, которые только состоятся.

Не вдаваясь в детальный анализ процессуального порядка производства данного следственного действия рассмотрим отдельные его аспекты.

Итак, законодатель не определил, на какие критерии должен опираться следователь при вынесении процессуального решения о производстве следственного действия. Перед вынесением ходатайства о производстве следственного действия следователь должен провести глубокий анализ имеющейся в его распоряжении информации, соотнести ее с другими доказательствами, приобщенными к материалам уголовного дела, и уже потом, руководствуясь своими внутренним убеждением сформулировать ходатайство перед судом о производстве детализации телефонных переговоров.

Следует отметить, что в соответствии с п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2017 г. № 19 «судья может быть дано разрешение на получение сведений о дате, времени, продолжительности соединений между абонентами и (или) абонентскими устройствами (пользовательским оборудованием), номерах абонентов, других данных, позволяющих идентифицировать абонентов, а также сведений о номерах и месте расположения приемопередающих базовых станций.

К другим данным, позволяющим идентифицировать абонентов, могут относиться, в частности, сведения о IMEI-коде абонентского устройства или о местоположении телефонного аппарата относительно базовой станции» [5].

Отсутствие четко установленных критериев и наличие в ч. 1 ст. 186.1 УПК РФ «размытой» формулировки –

«при наличии достаточных оснований полагать» не позволяют, на наш взгляд, определить случаи обязательного производства данного следственного действия. Ограничение конституционных прав граждан, возникающее в ходе производства детализации телефонных переговоров по сути происходит на неустановленных законом основаниях – предположениях следователя. Представляется необходимым законодательно установить основания производства данного следственного действия, к примеру, по аналогии с нормой, регламентирующей случаи обязательного назначения судебной экспертизы (ст. 196 УПК РФ).

Кроме того, в анализируемой норме не указано, в отношении кого следователь имеет право собирать информацию путем производства данного следственного действия. Законодатель ограничился лишь употреблением емких понятий «абонент» и «абонентское устройство», значение которых раскрыто в постановлении Правительства РФ от 9 декабря 2014 г. № 1342 [6]. Однако с процессуальной точки зрения возникает неоднозначный вопрос, каков уголовно-процессуальный статус этого «абонента»?

Отсутствие конкретики позволяет предположить, что производство данного следственного действия допустимо в отношении любого участника уголовного судопроизводства, и более того, в отношении лица, вовсе не имеющего в рамках уголовного дела процессуального статуса. Как следствие, лицо–абонент не имеет возможности выстроить свою линию защиты, отстоять ограничиваемые в связи с предположением следователя конституционные права. Отметим также, что в рамках уголовного судопроизводства даже у подозреваемого и обвиняемого в совершении преступления есть право обжаловать промежуточные судебные решения о производстве, к примеру обыска, избрании меры пресечения связанные с лишением свободы и т.д. Применительно к данному следственному

действию «абонент» и вовсе не располагает информацией о существующих ограничениях, а, следовательно, и не может отстоять свои права. Характер производства детализации телефонных переговоров, его скрытость от лица, в отношении которого применяется, продолжительность периода производства (до 6 месяцев), действительно позволяет проводить определенные параллели с соответствующими оперативно-разыскными мероприятиями, нежели со следственными действиями, которые как правило, проводятся в соответствии с принципом публичности.

Далее согласно ч. 6 ст. 186.1 УПК РФ, представленные документы, содержащие информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, приобщаются к материалам уголовного дела в полном объеме на основании постановления следователя как вещественное доказательство.

Представляется неуместной категоричность данной нормы, требующей приобщение к материалам уголовного дела всей собранной на протяжении 6 месяцев информации о соединениях интересующего следствие абонента. Подчеркнем, что действующее уголовно-процессуальное законодательство прямо закрепляет то, что может быть отнесено к вещественным доказательствам (ч. 1 ст. 81 УПК РФ). Полагаем, что представленная информация о соединениях может и не представлять интереса для правоохранительных органов. Например, может возникнуть ситуация, когда документы, поступившие из компании – оператора сотовой связи не несут в себе значимой информации, и не позволяют отнести ее к обстоятельствам, подлежащим доказыванию (ст. 73 УПК РФ). К сожалению, данная ситуация законом не регламентирована, соответственно не признавать поступившие документы в качестве вещественных доказательств не представляется возможным, а признание их таковыми противоречит упомянутой

выше ч. 1 ст. 81 УПК РФ.

Сходя из вышеизложенного представляется целесообразным дополнить ч. 6 ст. 186.1 после словосочетания «вещественное доказательство» следующим фрагментом: «в случае соответствия ч. 1 ст. 81 УПК РФ».

В данном ключе видится достаточно прогрессивной разработка, представленная авторским коллективом под руководством А.С. Александрова, которые предлагают по результатам снятия информации с телекоммуникационных и иных технических каналов связи (кстати, отнесенное авторами к негласным следственным действиям), составление следователем соответствующего протокола лишь в той части, которая имеет отношение к уголовному делу и может быть представлена в качестве доказательства в суд [7]. В данной части мы разделяем позицию А.С. Александрова.

Несмотря на существование обозначенных нами процессуальных коллизий, следует отметить и положительные моменты, обнаруженные в ходе проведения сравнительно-правового анализа с уголовно-процессуальном законодательством зарубежных стран. Так, к примеру, в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан (далее – УПК РК) исследуемое следственное действие закреплено в главе, посвященной негласным следственным действиям (глава 30 УПК РК) и представляет собой норму, состоящую из двух небольших частей (ст. 244 УПК РК). Анализ содержания данной нормы позволил установить, что процессуальный порядок производства указанного следственного действия определен лишь в общих чертах и, во всяком случае, не позволяет найти решение обнаруженных нами проблем в российском УПК. Более того, Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь, Азербайджанской Республики, Республики Таджикистан и вовсе не предусматривает производства такого

следственного действия.

Выделим основные результаты проведенного нами исследования процессуального порядка получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Во-первых, российское уголовно-процессуальное законодательство выгодно отличается от ряда зарубежных наличием возможности производства детализации телефонных переговоров. Произошедший за последние годы научно-технический прогресс предопределил повсеместное использование средств сотовой связи, позволяющее моментально обмениваться информацией на больших расстояниях. Зачастую именно эта информация и представляет процессуальный интерес в рамках расследуемых уголовных дел. Во-вторых, диссертационные и монографические исследования, криминалистических и процессуальных вопросов получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами датируются 5–10-летней давностью. В настоящее время отсутствуют комплексные исследования по данной проблематике. В-третьих, введенная в 2010 г. норма, регламентирующая процессуальный порядок производства детализации телефонных переговоров содержит ряд коллизионных моментов, среди которых: отсутствие установленных законом конкретных оснований производства данного следственного действия; отсутствие определенного процессуального статуса лица, в отношении которого может быть применено следствие действие и как следствие невозможность оспорить принятое решение о его производстве; императивность признания результатов о соединениях между абонентами в качестве вещественного доказательства. Указанные обстоятельства требуют дальнейших научных исследований и внесения соответствующих изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Связь (рынок России). URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Связь_\(рынок_России\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Связь_(рынок_России)) (дата обращения: 24.03.2021).
2. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Компания:Министерство_цифрового_развития,_связи_и_массовых_коммуникаций_РФ_\(Минцифры\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Компания:Министерство_цифрового_развития,_связи_и_массовых_коммуникаций_РФ_(Минцифры)) (дата обращения: 24.03.2021).
3. Беляков А. А., Дерюгин Р. А. Некоторые проблемы оценки и использования информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами при расследовании преступлений // Российский юридический журнал. 2017. № 6. С. 146 – 150.
4. Стельмах В. Ю. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами // Lex russica. 2017. № 3. С. 141 – 153.
5. О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19 // Российская газета. 2017. № 125.
6. О порядке оказания услуг телефонной связи» (вместе с «Правилами оказания услуг телефонной связи»): постановление Правительства РФ от 09.12.2014 № 1342 // Собрание законодательства РФ. 2014. № 51. Ст. 7431.
7. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации. URL: <http://www.iaaj.net/node/1766> (дата обращения: 24.03.2021).

© Сибагатуллин Ф. Ф.

© Латыпов В. С.

УДК 343.7:343.341(470)

А. В. ФЕДОТОВА, старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России (г. Хабаровск)

A. V. FEDOTOVA, Senior Instructor at the Department of General Legal Disciplines of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Khabarovsk)

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ Организованной преступности в экономической сфере

CRIMINAL LAW POLICY ON COMBATING ORGANIZED CRIME IN THE ECONOMIC SPHERE

Аннотация. В статье рассматриваются законодательные изменения в части исключения уголовной ответственности по ст. 210 УК РФ для руководителей, учредителей юридических лиц и организаций: предпосылки и последствия данных корректировок. Выделены признаки, по которым возможно отнести то или иное формирование под критерий «преступное». Проанализированы существующие в настоящее время проблемы правоприменительной практики при квалификации действий лица по признакам преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ, одной из которой является отсутствие четких критериев трактования понятия «преступное сообщество» («преступная организация»). Автором предлагается внести изменения в действующую

щее уголовное законодательство, сформулировав понятие «преступное сообщество», с учетом проблемных вопросов, возникающих на теоретическом и практическом уровне при применении данного термина.

Ключевые слова и словосочетания: преступное сообщество, преступная организация, организованная группа, экономическая сфера, борьба с организованной преступностью.

Annotation. The article discusses the legislative changes in the part of excluding criminal liability under Article 210 of the Criminal Code for managers, founders of legal entities and organizations: the prerequisites and consequences of these adjustments. The article analyzes the current problems of law enforcement practice in the qualification of a person's actions under Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation, one of which is the lack of clear criteria for the interpretation of the concept of «criminal community» («criminal organization»). The author proposes to amend the current criminal legislation, formulating the concept of «criminal community», taking into account the problematic issues that arise at the theoretical and practical level when using this term.

Keywords and phrases: criminal community, criminal organization, organized group, economic sphere, fight against organized crime.

Одна из важнейших задач государственной политики в экономической сфере – это противодействие организованной преступности. На основании этого представляется интересным рассмотреть причины, послужившие внесению изменений в уголовное законодательство в части противодействия организованной преступности в экономической сфере, и определить их возможные последствия.

Отметим, что последние несколько лет вектор уголовной политики направлялся на ослабление ответственности предпринимателей и иных участников экономических отношений. Свои действия в данном направлении законодатель, в первую очередь, аргументировал созданием гарантий защиты предпринимателей от необоснованного обвинения и уголовного преследования, и во вторую – созданием благоприятных условий для формирования и развития предпринимательской и экономической сферы общества. Пристальное внимание за экономической сферой и защитой ее интересов осуществлялось и подвергалось обсуждению общественными и профессиональными группами, а также представителями адвокатского, судейского сообщества, государственных органов и иных практических работников.

Противодействие организованной

преступности послужило основой для введения статьи 210 в действующее уголовное законодательство. На первоначальном этапе действия данной нормы участники преступных группировок совершали тяжкие и особо тяжкие преступления, как правило, общеуголовной направленности (убийство, разбой, вымогательство и др.). Со временем изменилось общество, обстановка в стране и мире стала другой, поменялась и организованная преступность. Однако заложенные в законе формальные признаки квалификации преступной деятельности в ее высшей форме остались неизменными. Говоря об экономической сфере (сфере предпринимательской деятельности), представляется возможным сделать следующий вывод: любое хозяйственное объединение, организацию и иное коллективное образование, осуществляющие свою деятельность в экономической сфере, можно причислить к организованным преступным формированиям (при условии совершения их работниками тяжкого или особо тяжкого преступления). Это обусловлено наличием в структуре указанных коллективных образований признаков преступного сообщества (преступной организации): структурированность, иерархическая система, распределение ролей и доходов. Следовательно, уголовно-правовая нор-

ма, применяемая в избыточном количестве, утрачивает свои правовые свойства и признаки, превращаясь в набор правил, применяемых к работникам экономических субъектов.

Анализируя организованную преступную деятельность в экономической сфере, целесообразно обратиться к статистическим данным, характеризующим ее за последние годы. Так, в 2017 г. в суды РФ поступило 150 уголовных дел, возбужденных по признакам преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ, в 2018 г. – 164; в 2019 г. – 162 уголовных дела. Количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 210 УК РФ, и количество поступивших и рассмотренных судами уголовных дел свидетельствуют о том, что основную долю в структуре организованной преступности составляют преступления экономической направленности и преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ и Генеральной прокуратуры РФ из 1 000 человек, обвиненных в преступлениях, предусмотренных ст. 210 УК РФ, в отношении которых уголовные дела направлены в суд, только 150 человек были признаны виновными [1]. Основной причиной неподтверждения в судах обвинения в преступлении, предусмотренном ст. 210 УК РФ, является отсутствие в действиях лица признаков преступного сообщества (преступной организации).

Практическое применение ст. 210 УК РФ в отношении предпринимателей и иных участников экономической сферы деятельности в совокупности с судебной статистикой привели законодателя к объективной возможности внесения изменений в ст. 210 УК РФ, исключив уголовную ответственность для данной категории субъектов. Думается, что такого рода изменения законодательства не позволили решить проблему в корне и обусловили своего рода формальный подход

к ее решению. Проблема применения ст. 210 УК РФ связана с содержанием самой нормы, ее признаками, а не с теми субъектами (группами), в отношении которых она применяется, и решение данной проблемы кроется в коренном изменении ст. 35 УК РФ и пересмотре понятия «преступное сообщество (преступная организация)».

Рассмотрим внесенные в 2020 году изменения в уголовное законодательство. Наибольший интерес для исследования представляет первый из двух пунктов примечания, представленный в новой редакции ст. 210 УК РФ: «Учредители, руководители и работники организации, зарегистрированной в качестве юридического лица и (или) руководители, работники ее структурного подразделения не подлежат уголовной ответственности по настоящей статье только в силу организационно-штатной структуры организации и (или) ее структурного подразделения и совершения какого-либо преступления в связи с осуществлением ими предпринимательской или иной экономической деятельности, за исключением случая, когда эти организация и (или) ее структурное подразделение были заведомо созданы для совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений». По своему содержанию данная новелла свидетельствует о необходимости стороне обвинения доказать, что организатор (лидер) хотел создать преступное сообщество (преступную организацию) и осознавал общественную опасность своих действий. При этом факт совершения или подготовки к совершению преступления работниками юридического лица (структурного подразделения) в связи с осуществлением ими предпринимательской или иной экономической деятельности, вовсе не означает, что эти лица являются членами преступного сообщества (преступной организации) [2, с. 66-67]. Внесенное изменение в примечании данной статьи указывает, что для квалификации деяния лица, являю-

щегося, к примеру, руководителем организации, зарегистрированной в качестве юридического лица, за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, связанного с экономической деятельностью, необходимо установить, была ли данная организация (ее структурное подразделение) создана для использования при совершении данных преступлений. Если же указанные факты не будут установлены, то никакой речи о привлечении лица к уголовной ответственности по ст. 210 УК РФ быть не может. Думается, что установить и доказать данное обстоятельство представится сложным, если не сказать – невозможным, для практических работников.

Отметим, что организационно-правовая форма коммерческой или иной организации может использоваться для «прикрытия» преступной деятельности, представители организации юридического лица способны вовлекать других работников, руководителей подразделений в деятельность преступного сообщества (преступной организации), при этом на первоначальном этапе деятельность организации может носить легальный характер. Кроме того, сфера экономики всегда была и будет наиболее привлекательной для преступного элемента в силу своего масштаба и разнообразия направлений деятельности. Преступные сообщества (преступные организации), взяв под контроль уже существующие на законных основаниях коммерческие организации, могут вовлекать их представителей в свою преступную деятельность. В первую очередь, для легализации преступных доходов с целью их последующего приумножения и свободного беспрепятственного распоряжения во благо преступной организации и как следствие этого – получение возможного доступа к государственным ресурсам и лидирующих позиций среди конкурентов (хозяйствующих субъектов). Во вторую очередь, для реализации желания лидеров и членов преступного сообще-

ства (преступной организации) легализоваться в обществе с целью придания видимости законного приобретения личных богатств. Оба выше обозначенных фактора могут реализовываться преступными сообществами (преступными организациями) через сферы экономики, коммерческие организации, как легальным способом (путем приобретения контрольного пакета акций), так и нелегальным (запугивания, угрозы и т. д.) [3, с. 4-5].

По мнению Т.В. Якушевой, проблемы толкования и квалификации по ст. 210 УК РФ, возникающие на практике, вызваны изначальными юридико-техническими ошибками законодателя при создании нормы о преступном сообществе (преступной организации) [4, с. 729].

Представленная в редакции ч. 4 ст. 35 УК РФ и ст. 210 УК РФ формулировка «преступное сообщество» («преступная организация»), представляет собой производную от формулировки смежной формы соучастия – «организованная группа». Снижение правильности квалификации деяний лица по данному признаку обусловлено отсутствием четких критериев разграничения двух форм соучастия, одна из которых является квалифицирующим признаком, а вторая представляет собой самостоятельный состав преступления. Первоначально преступное сообщество (преступная организация), задуманное как особая разновидность организованной группы или объединения таких групп, обладало двумя отличительными свойствами, дополняющими общие с организованной группой признаки, – сплоченностью и специальной целью. Оценочный признак сплоченности оказался на практике трудно отделим от схожего оценочного признака устойчивости у организованной группы, да и цели (совершение преступлений у организованной группы и совершение тяжких и особо тяжких преступлений у преступного сообщества) также не являлись четко разграничива-

ющими критериями данных преступных объединений.

На протяжении нескольких лет законодателем вносились изменения в ст. 210 УК РФ (часть первая нормы дополнена альтернативными действиями, квалифицированные составы – новымиотягчающими признаками – совершение преступлений лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии). Многие из корректировок подвергаются обоснованной критике учеными, в связи с неудачностью, использованных законодательных формулировок [5, с. 6–11]. Это привело к невозможности судебных и следственных органов ограничить организованную группу от преступного сообщества (преступной организации) и фактически квалифицировать действия лица по ст. 210 УК РФ, используя признак «сплоченность». Оценочный признак структурированности обозначен в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)», что влечет за собой как неверную квалификацию действий лица, так и следствие этого – оправдательные приговоры.

Справедливо предположить, что недостаточная определенность формулировок критериев преступного сообщества (преступной организации) в указанном постановлении Пленума Верховного Суда РФ начинает утрачивать свою актуальность и требует существенных изменений и дополнений. Четкое разграничение понятий организованная группа и преступное сообщество (преступная организация) позволит исключить их двойной учет и правильно разграничивать действия участников преступных формирований.

Считаем обоснованным поддержать идеи ряда ученых, высказывавшихся о разработке и принятии федерального закона о противодействии организован-

ной преступности. Изложение в одном нормативном правовом акте понятий и признаков организованной группы, преступного сообщества (преступной организации), основных целей и обязательных условий существования данной формы преступной деятельности позволит на практическом уровне разрешить многие проблемные вопросы.

С одной стороны, раскрыть понятие преступного сообщества (преступной организации) можно с акцентом на неформальность и нетрадиционность связей в этом сообществе (группе, организации), которые могут выражаться в наличии традиций криминального характера: клички, татуировки, ритуалы и служить показателем преступной деятельности. С другой стороны, преступные организации могут осуществлять свою деятельность под прикрытием официально зарегистрированных экономических формирований, а их руководители на законных основаниях занимать должности в крупных коммерческих организациях, имея мощный финансовый и силовой ресурс, который, как правило, свидетельствует о наличии коррупционных связей в органах государственной власти. В данном крайнем случае наличие неформальных связей между членами сообщества сводится к минимуму, при этом четко наблюдается иерархия, сплоченность и организованность преступных действий.

Согласимся с мнением П.А. Скобликова, утверждающего, что преступные сообщества могут состоять из действующих сотрудников правоохранительных органов, представляющих одно или несколько ведомств, а также руководителей региональных органов исполнительной или законодательной власти, и в силу имеющегося у них административного и легального силового ресурса способны при необходимости диктовать свою волю иным преступным сообществам, устраняя конкуренцию эффективно, радикально и с внешней стороны – законно [6, с. 105]. Несомненно, такой признак, как

коррупцированность (коррупционная составляющая), также должен учитываться и прорабатываться при определении критериев преступного сообщества (преступной организации).

На наш взгляд, понятие «преступное сообщество (преступная организация)» можно представить в таком содержании: «Структурированное объединение лиц в целях совершения тяжких или особо тяжких преступлений, получения финансовой или иной материальной выгоды, действующих под единым руководством, при наличии устойчивых (в том числе, коррупционных) связей в различных сферах общества и (или) обладающих неформальными признаками, деятельность которых сопряжена с консолидацией преступной среды, осуществлением контроля за различными группами (объектами), территориями с непосредственным развитием и внедрением связей в криминальной среде».

Ни одно из самых либеральных изменений уголовного законодательства не срабатывало на практике так, как это задумывалось авторами. Свидетельством этого является практическое применение ст. 210 УК РФ и внесенные за прошедшие несколько лет изменения в содержание данной нормы. Законодательные коррективы, касающиеся исключения уголовной ответственности в сфере экономической деятельности, существенно оградили бизнес и предпринимательскую деятельность от возможной наказуемости за факт взаимосвязи с преступными элементами в составе преступного сообщества (преступной организации), что может в дальнейшем негативно сказаться в борьбе с экономической организованной преступностью, оставляя ее участников безнаказанными, а права и интересы граждан, организаций и государства – не защищенными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259> (дата обращения: 16.02.2021).
2. Скобликов П. А. Исключение ответственности по ст. 210 УК РФ для учредителей, руководителей и работников организации, зарегистрированной в качестве юридического лица: обновление законодательства, его основания и последствия // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 4 (55). С. 66-67.
3. Скобликов П. А. Высшее положение в преступной иерархии: проблемы толкования и применения ч. 4 ст. 210 УК РФ // Закон. 2019. № 7. С. 105-108.
4. Скобликов П. А. Смягчение ответственности за организованную преступную деятельность в экономической сфере: предпосылки, изменения законодательства и возможные последствия // Мировой судья. 2020. № 6. С. 3-10.
5. Антонова Е. Ю. Лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, как специальный субъект преступления // Актуальные вопросы рассмотрения уголовных дел в суде присяжных: сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции (19 мая 2017 г., г. Хабаровск) / под ред. С.С. Безрукова, К.А. Волкова; Хабаровский краевой суд, Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия. Хабаровск: ООО «Издательство «Юрист», 2017. С. 6-11.
6. Якушева Т. В. Противодействие преступным сообществам (преступным организациям) и лидерам криминальной среды: деструктивные тенденции, поиск новых законодательных решений // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 5. С. 727-732.

© Федотова А. В.

УДК 343.982.9:811.161.1'276.3-056.83(470)

Г. Р. ШАГИЕВА, старший преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа)

G. R. SHAGIEVA, Senior Instructor of the Chair of Professional Training of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa)

ЛИНГВОКРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СЛЕНГА НАРКОМАНОВ

LINGUOCRIMINALISTIC STUDIES OF DRUG ADDICTS' SLANG

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые лингвистические особенности сленга, используемого наркоманами. Знание и понимание сленга способствует выявлению преступников, причастных к злоупотреблению наркотиками, и содействует его профилактике. Автор уделяет внимание преступлениям, связанным со злоупотреблением наркотиками, учитывая их место в криминологии и криминалистике; обсуждает вопросы судебной лингвистики, касающиеся изучения специфических слов и новых значений общеизвестных слов, употребляемых наркоманами, приводит примеры таких слов. В статье раскрывается понятие сленга наркоманов, а также подчеркивается значимость судебной лингвистики в расследовании преступлений, акцентируется внимание на деятельности экспертов-лингвистов, которые помогают сотрудникам правоохранительных органов выявлять сложные виды преступлений. Автор делает вывод о том, что заключение эксперта, обладающего необходимыми профессиональными знаниями и навыками в этой области, необходимо для установления или оценки соответствующих фактов.

Ключевые слова и словосочетания: судебная лингвистика, криминальная лингвистика, сленг, жаргон, экспертиза, пенология, субкультура, наркоман, наркотики.

Annotation. The article discusses some of the linguistic features of the slang used by drug addicts. Knowledge and understanding of the slang can help to identify criminals involved in drug abuse and prevent it. The author pays attention to the crimes related to drug abuse, taking into account their place in criminalistics and criminology, discusses issues of forensic linguistics concerning the study of specific words and the new meanings of the widely-known words used by drug addicts, gives examples of such words. The article reveals the concept of drug addicts' slang, and emphasizes the importance of forensic linguistics in the investigation of crimes. Attention is focused on the activities of expert linguists who help law enforcement officers to identify complicated types of crimes. The author concludes that the opinion of an expert with the necessary professional knowledge and skills in this field is necessary to establish or evaluate the relevant facts.

Keywords and phrases: forensic linguistics, criminal linguistics, slang, jargon, expertise, penology, subculture, drug addict, drugs.

Судебная лингвистика – это раздел прикладной лингвистики, который занимается анализом лингвистических вопросов, имеющих отношение к судебному разбирательству.

Судебная лингвистика включает в себя специальную дисциплину криминальной лингвистики, которая изуча-

ет язык преступных групп и отдельных лиц, демонстрирующих различные формы преступного поведения, с целью содействия раскрытию преступлений и их исполнителей. Криминальная лингвистика – это отдельная криминологическая дисциплина, направленная на выявление, изучение и интерпретация языка и

письменности, используемых уголовными преступниками. Основное внимание уделяется толкованию конкретных лингвистических терминов и выражений с целью обеспечения более эффективного выявления преднамеренно планируемых уголовных преступлений и (или) предоставления доказательств совершенных уголовных преступлений. Иначе говоря, судебная лингвистика предполагает применение лингвистических знаний, методов и приемов для раскрытия тех преступных деяний, которые совершаются исключительно с использованием языка. Лингвисты-криминалисты могут помочь в решении дел, связанных со спорным значением слов, предложений или текста или идентификацией автора, независимо от типа спора (уголовного или гражданского), судебной процедуры (досудебное, уголовное или апелляционное производство).

Изучение сленга наркоманов и заключенных очень важно в процессе изучения причин преступлений. Это связующее звено между лингвистикой, криминологией и психологией. Наркоманы используют особый язык, который значительно отличается от обычного языка. Из-за незаконной деятельности, связанной с наркотиками, в которую они вовлечены, наркоманы должны держаться подальше от глаз общественности, что, безусловно, способствует необходимости разработки специального языка, который могут понять только члены этой социальной группы.

Сленг – это разговорное отклонение от стандартного лингвистического употребления, которое часто отличается богатым воображением, живостью и изобретательностью в своем построении.

Во всех этих областях работа судебных лингвистов имеет важное значение, поскольку они помогают полиции, прокуратуре и судам в борьбе со все более сложными видами преступлений, таких как различные формы организованной преступности и киберпреступности.

Сленг рассматривается как совокупность разных жаргонов и просторечий без соотнесённости с определённым социумом, объединённым одним видом деятельности. [1, с. 58].

В англосаксонской правовой системе лингвистика занимает видное место в расследовании преступлений по уголовным делам, а знания судебной лингвистики являются ценным инструментом установления истины. Об этом свидетельствует следующий пример.

Тимоти Эванс был признан виновным в убийстве своей жены и ребенка и приговорен к смертной казни в 1950 году. Наказанием была смерть через повешение. Главным доказательством против Эванса были его показания, данные для Лондонской полиции 2 декабря 1949 года, в которых он признался в убийстве своего ребенка и жены. Поскольку Эванс был почти неграмотен, заявление было сделано устно и записано полицейскими.

Во время суда защита основывалась на его утверждениях, что он не имеет никакого отношения к убийствам, что он не осознавал, что говорит, и что он боялся подвергнуться полицейским пыткам, если не признается в убийстве. Это дело вызвало общественное обсуждение и последующее расследование. Лингвистический анализ показал, что часть заявления, относящаяся к признанию в убийстве, значительно отличалась как лингвистически, так и стилистически от других частей показаний Эванса. Поскольку результаты судебной экспертизы подтвердили утверждения защиты, Эванс был посмертно помилован в 1966 году.

Насколько известно, это первое дело, которое было раскрыто с использованием знаний судебной лингвистики, как научной дисциплины.

Важной задачей криминальной лингвистики является изучение сленга, используемого уголовными преступниками. Как таковой, он имеет свои собственные лингвистические особенности,

которые отличают его от стандартного языка. С точки зрения уголовного судопроизводства анализ уголовного сленга в каждом конкретном уголовном деле предполагает экспертизу специалиста по криминальной лингвистике. Экспертиза подразумевает процессуальную деятельность по сбору доказательств, регулируемую уголовно-процессуальным законодательством, результаты которой могут стать фактическими основаниями для осуждения правонарушителя. Экспертиза необходима, когда установление или оценка соответствующих фактов требуют получения экспертного заключения от компетентного лица, обладающего необходимыми профессиональными знаниями или навыками в этой области.

В развитых странах, таких как Соединенные Штаты, знания в области криминальной лингвистики широко используются в процессе раскрытия преступлений и судебного преследования уголовных преступников, причастных к совершению различных уголовных преступлений. В России криминальная лингвистика находится на пути развития и практического применения.

Сленг на самом деле является особенностью специфической криминальной субкультуры. Это означает, что идентичность выражается через определенную субкультуру, характеризующуюся определенным языковым стилем, который становится внешним проявлением идентичности. Таким образом, взаимодействие этих двух факторов способствует развитию субкультуры, характеризующейся рядом отличительных черт и характеристик, вытекающие из культурных моделей групп меньшинств: менталитет, точки зрения, ценности, убеждения, нормы, правила поведения, склонности, чувствительность, предпочтения, символизм, темперамент, специфическая чувствительность и языковые особенности.

Понимание этих терминов может фактически способствовать раскрытию

преступлений против здравоохранения, связанных со злоупотреблением наркотиками, а также судебному преследованию этих преступников. Общий обзор полученных данных и научный анализ результатов требуют дальнейшего изучения синтаксических и морфологических характеристик этих терминов. Изучение криминального сленга, в том числе сленг, используемый наркоманами, является весьма значимым предметом в области криминалистики, криминологии и уголовно-правовой политики.

Примером сленга может служить сленг, относящийся к немедицинскому употреблению наркотиков, который сложился в СССР в начале 1980-х годов в результате распространения употребления наркотиков и психоактивных веществ. Основными создателями и пользователями сленга были молодые люди, заинтересованные в использовании этих незаконных веществ. Значительная часть этих нестандартных терминов была связана с покупкой и дешевыми методами синтеза лекарства и токсичных веществ в аптеках или магазинах, торгующих бытовой химией.

Учитывая тот факт, что сленг распространен среди самых молодых наркоманов, понимание его лингвистических характеристик является важным инструментом в борьбе со злоупотреблением наркотиками среди несовершеннолетних. Сленг наркоманов играет важную роль в процессе идентификации с субкультурой наркоманов; это своего рода «паспорт» в эту социальную группу или «отличительный знак» для отличия членов группы от посторонних. Таким образом, будучи посвященным в мир наркомании, будущий наркоман постепенно приобретает сленг наркоманов, который в конечном счете становится их коммуникационным «убежищем», потому что он удобно обеспечивает секретность и конфиденциальность во всех видах общения перед другими людьми, особенно в телефонных разговорах, которые могут

прослушиваться.

В. Е. Пелипас оценивает сленг наркоманов как примитивную и грубую разновидность шифрованного языка, «не требующую особого образования, тонкости владения языком, вкуса и других признаков интеллектуальности» [2, с. 75], и наиболее близкую к уголовному аргю. Примитивность наркоманского и уголовного языков с точки зрения автора, проявляется в следующем: «В обоих случаях формобразование новояза идет с помощью словотворчества – довольно прямолинейного, спонтанного, бессистемного (внесистемного) и неэкономного, о чем свидетельствуют многочисленные синонимы. При этом игнорируются более тонкие способы шифровки, – например, вербигерация, специальные синтаксические и грамматические искажения, языковые вставки, подмены и т. д.» [2, с. 75].

Сленг наркоманов основан на общих правилах сленга, некоторые из которых: секретные коды (например, «белый» – это жаргонное слово для кокаина, «красное вино» – сильный опиум; «встань-трава», «жмых» [3, с. 360], «кокнар» – сленговые названия опия-сырца маковой соломки или опийного мака; «импорт», «калики», «килики», «колеса» – сленговые названия таблетированных наркотиков и др). По сравнению со стандартным языком, жаргонные слова часто имеют совершенно другое значение. Наркоманы часто общаются с помощью очень коротких эллиптических предложений с целью быстрой передачи сообщения и снижения вероятности обнаружения полицией. Жаргон на одном языке часто сменяется жаргоном на других иностранных языках. Сленг наркоманов широко используется в быту, при общении на форумах, где в завуалированной форме предлагают приобрести товар, употребляя сленг, наркозависимые легко узнают друг друга. Члены субкультуры используют сленговые слова, принятые в их кругу. Например, для обозначения психостимуляторов, таких как эфедрон

и первитин» используются такие слова, как «варево», «масло», «шуруп», «мулька», «кристалл», «бодяга» и др. При употреблении очередной дозы используются такие слова, как «шмыгать», «шпигать», «ушибиться» и др.

Лингвисты-эксперты, изучающие сленг наркоманов пришли к выводу, что у героина имеется более десятка различных названий – «султан», «хмурый», «слон», «мультишка» и т.д.

Окружающие вряд ли поймут, что речь зашла о наркотиках, когда при разговоре употребляются слова белый, перец, черный и др.

Знание сленга может помочь как детям, так и родителям, а также другим сторонам, заинтересованным в раскрытии преступления и выявлении наркоманов или наркоторговцев, поскольку оно дает представление о поведении наркомана. Как неформальная и нестандартная лингвистическая разновидность, сленг подвержен быстрым изменениям, как и все другие формы нестандартного языка.

Борьба с преступностью – одна из важнейших задач в любом обществе. В связи с этим работа криминалистов и следователей по уголовным делам подкрепляется экспертизой, предоставляемой судебными лингвистами. Одним из важнейших направлений судебной лингвистики, безусловно, является криминальная лингвистика. Изучение сленга, используемого потребителями наркотиков, имеет большое значение в процессе выявления преступлений, связанных со злоупотреблением наркотиками. Основная цель сленга наркоманов – обеспечить секретность и, таким образом, исключить преследование преступников, причастных к злоупотреблению наркотиками. Для этой цели, наркоманы и наркоторговцы развивают криминальный жаргон, обладающий целым рядом отличительных лингвистических свойств: более широкое использование звукоподражания и резонанса; изменение первоначального значения слов; использование контраст-

ных, бессмысленных и сюрреалистических соединений; различная структура предложений и т. д.

Обширные научные исследования в области уголовного сленга или жаргона в целом или сленга наркоманов в частно-

сти вносят значительный вклад не только в более успешный процесс борьбы с преступностью, как социально опасным явлением, но и развивают криминальную лингвистику как новую научную дисциплину.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петрова Е. А. К вопросу о выделении сленга в отдельный вид социолекта / Е. А. Петрова // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2008. № 4. С. 58-60.
2. Пелипас В. Е. О сленге наркоманов // Вопросы наркологии. 1999. № 2. С. 74-76.
3. Справочник полиграфолога. М.: Перо, 2015. 392 с.

© Шагиева Г. Р.

УДК 343.972:316.485(470)

Р. М. ЯНБУХТИН, доцент кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат социологических наук, доцент (г. Уфа)

R. M. YANBUKHTIN, Assistant Professor of the Chair of Social, Humanitarian and Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Sociology, Associate Professor (Ufa)

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ: ПРАВОВОЙ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

RELIGIOUS EXTREMISM: LEGAL AND SOCIOLOGICAL ASPECTS

Аннотация. Статья посвящена проблеме религиозного экстремизма. В статье анализируется российское законодательство в части определения понятий «экстремистская деятельность», «экстремистская идеология», уточняется понятие «религиозный экстремизм». Проблема экстремистской деятельности, связанной с религией, рассматривается с методологической позиции, в соответствии с которой анализ и исследование деструктивности такой формы поведения и коммуникационного общения предполагает осмысление не только мировоззренческих идей или теоретических программных построений экстремистской деятельности, но и выявление их потребностей, мотивов, интересов и целей, а главное, в чьих интересах они выступают в качестве средства решения социально-экономических и политических вопросов. С позиции междисциплинарного подхода раскрывается суть религиозного экстремизма, его содержание, основные элементы, а также определяются основные социально-психологические и социокуль-

турные условия его возникновения и выделяются приоритетные направления противодействия данному деструктивному социально-психологическому явлению.

Ключевые слова и словосочетания: религиозный экстремизм, экстремистская деятельность, экстремистская идеология, радикализм, идеология коррупции, деструктивная модель поведения, личность, традиционные ценности, культура.

Annotation. The article is devoted to the problem of religious extremism. The article analyzes the Russian legislation in terms of defining the concepts of "extremist activity", "extremist ideology", and clarifies the concept of "religious extremism". The problem of extremist activity related to religion is considered from a methodological point of view, according to which the analysis and study of the destructiveness of this form of behavior and communication involves understanding not only the ideological ideas or theoretical program constructions of extremist activity, but also identifying their needs, motives, interests and goals, and most importantly, in whose interests they act as a means of solving socio-economic and political issues. From the point of view of the interdisciplinary approach, the essence of religious extremism, its content, main elements are revealed, as well as the main socio-psychological and socio-cultural conditions of its occurrence are determined, and priority directions of countering this destructive socio-psychological phenomenon are identified.

Keywords and phrases: religious extremism, extremist activity, extremist ideology, radicalism, corruption ideology, destructive behavior model, personality, traditional values, culture.

Одной из основных угроз национальной безопасности Российской Федерации является экстремистская деятельность радикальных религиозных и иных организаций, представляющих опасность для внутривнутриполитической и социально-политической обстановки в обществе. В настоящее время насчитывается более 250 крупных религиозно-экстремистских организаций, число которых не уменьшается. Среди наиболее известных – «Аль-Каида», «Талибан», «Хазболла», «Братья мусульмане», «Исламское государство Ирака и Леванта», «Хисб-ут-Тахрир».

Религиозный экстремизм, представляя большую угрозу в современном мире, проявляется в форме масштабной войны, совершаемой на территории государств Сирии, Ирака с целью установления нового исламского государства, чиня насилие и террор в отношении местного населения и людей. Радикальные религиозные организации и новые религиозные движения и деструктивные культы, придерживаясь иных религиозных верований, используются в политике в качестве провокаторов, чьи действия направлены на дестабилизацию обстановки. В этом случае важной задачей государственных

органов и всего общества должно выступать активное противодействие данному деструктивному явлению.

О понимании важности противодействия религиозному экстремизму и его проявлениям в общественной жизни в деле обеспечения законности и правопорядка, национальной безопасности свидетельствует серьезность и последовательность мер, предпринимаемых Правительством и МВД Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 года № 537 «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.; Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»; Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35 ФЗ «О противодействии терроризму»; Постановление Правительства РФ от 25.08.2001 № 629 «О федеральной целевой программе «Формирование установок толерантного сознания и профилактики экстремизма в российском обществе (2001 2005 годы)».

Анализ литературы, посвященной проблеме религиозного экстремизма, свидетельствует о том, что здесь имеется немало проблем теоретического и практического характера, связанные с

определением понятия «религиозный экстремизм», вопросами проявления религиозного экстремизма, выявления, предупреждения и пресечения религиозной экстремистской деятельности (Л. А. Баширов, В. А. Бурковская, В. И. Власов, А. В. Дмитриев, А. В. Журавский, А. Г. Залужный, А. И. Кудрявцев, Е. Н. Плужников).

Несмотря на многообразие научных исследований, посвященных различным аспектам религиозного экстремизма, отсутствует единый подход к определению понятия «религиозный экстремизм», определяя наличие различных взглядов в понимании данного феномена, практику противодействия религиозной экстремистской деятельности со стороны государственных, правоохранительных органов.

В связи с этим требуется вновь поднять вопросы, связанные с пониманием сути религиозного экстремизма, раскрытием его содержания, элементов, определением условий возникновения и выделением приоритетных направлений противодействия данному деструктивному социально-психологическому явлению в Российской Федерации.

В действующем российском законодательстве отсутствует дефиниция понятия «религиозный экстремизм». В частности, в Федеральном законе от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и Федеральном законе от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» имеются определения понятий «экстремистская деятельность» и «экстремистская идеология». Так, согласно Федеральному закону от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», экстремистская деятельность (экстремизм) понимается как насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; возбуж-

дение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения; воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения; пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций; публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения; публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением; организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению; финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке

и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг [4].

В Указе Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» экстремистская идеология понимается как система взглядов и идей, представляющих насильственные и иные противоправные действия как основное средство разрешения социальных, расовых, национальных, религиозных и политических конфликтов [5].

Вместе с тем выделение основных признаков экстремистской деятельности и экстремистской идеологии не позволяет четко и определенно выразить суть и содержание такого социокультурного феномена, как религиозный экстремизм, что, конечно, создает определенные сложности и трудности в практике определения, выявления, пресечения и предупреждения экстремистской деятельности, связанной с религией.

В литературе, посвященной вопросам экстремистской деятельности, существуют различные подходы к определению понятия «религиозный экстремизм». Среди ученых и экспертов, занимающихся рассмотрением данного феномена с позиции политологического, социологического, культурологического знаний, отсутствует четкое представление о том, что из себя представляет религиозный экстремизм и можно ли считать, что экстремизм может быть связан с религией, которая не может быть угрозой для общественных отношений. Поэтому есть мнение, что не существует такого явления, как религиозный экстремизм, и нет необходимости в употреблении самого термина.

Отсутствие единства в понимании проблемы религиозного экстремизма связано во многом с тем, что ученые и специалисты, занимаясь вопросами

определения, выявления, пресечения и предупреждения экстремистской деятельности, рассматривают данный вопрос с различных методологических позиций, предлагая свои методы в исследовании данного негативного явления, его определения.

В целях всестороннего рассмотрения религиозного экстремизма необходимо, прежде всего, раскрыть его сущность и природу. Для четкого и ясного представления религиозного экстремизма требуется уточнить определение «религиозного экстремизма».

Ясное и четкое понимание религиозного экстремизма становится возможным на основании уточнения содержания понятия «религиозный экстремизм», выделения его структурных компонентов, осмысления сути идеологии экстремизма, понимания смысла действий экстремистов, а также определения ключевых механизмов противодействия данной негативной формы отклоняющегося поведения и средства социального взаимодействия людей.

Существуют различные мнения исследователей о том, какое понятие наиболее удачно раскрывают феномен религиозного экстремизма. В энциклопедическом словаре А.П. Забияко представляет достаточно широкую трактовку этому явлению, определяя религиозный экстремизм как «тип религиозной идеологии и деятельности, который отличается крайним радикализмом, ориентированным на бескомпромиссную конфронтацию со сложившимися традициями, резкий рост напряженности внутри религиозной группы и в социальном окружении» [1, с. 1220-1221].

Следует заметить, что в литературе, посвященной проблеме понимания религиозного экстремизма, отмечаются известные трудности в его осмыслении. По мнению исследователей, все больше проявляются экстремистские явления в политической сфере общества, связанные с религиозными идеями, и потому данные

явления «не могут быть охвачены понятием «религиозный экстремизм [3, с. 84].

Исследователи считают, что для более четкого уяснения сути религиозной экстремистской деятельности необходимо использовать понятия «экстремизм в религии», «религиозно-политический экстремизм».

Вместе с тем нельзя упускать из виду, что любая экстремистская деятельность, в каких бы она сферах не проявлялась, всегда будет отличаться крайними взглядами, радикальными позициями и призывами. Вот почему религиозный экстремизм может быть тесно связан политическим и националистическим экстремизмом, выступая в качестве идеологической и организационной поддержки [6, с. 73].

Анализ и исследование деструктивности такой формы поведения и коммуникационного общения предполагает осмысление не только мировоззренческих идей или теоретических программных построений экстремистской деятельности, но и выявление их потребностей, мотивов, интересов и целей, а главное, в чьих интересах они выступают в качестве средства решения социально-экономических и политических вопросов.

Важно ответить на вопросы, почему находятся последователи радикальных взглядов, особенно молодые люди, придерживаются идеологии экстремизма, прибегают к террору, используют насильственные средства и крайние меры, стремятся шантажом, угрозой и силой навязать свои представления и идеи? В чем причина экстремистских действий и поступков?

Самый простой ответ на эти вопросы связан с рассмотрением экстремизма и терроризма в качестве феноменов, связанных с насилием и запугиванием населения, созданием атмосферы страха, паники. И если исследовать данные формы девиантного поведения только с этой позиции, то остается непонятным вопрос о самом главном механизме, де-

терминирующем поведение экстремиста и террориста.

Мы рассматриваем религиозный экстремизм как негативное социально-психологическое явление, в основе которого лежит непримиримая позиция, пропаганда радикальных идей. Религиозный экстремизм может быть связан с такими социально-психологическими явлениями, как недовольство, ненависть, агрессия.

Причем не менее важное значение в социальных отношениях принадлежит идеологии, тем смыслам, идеям, ценностям, которыми руководствуются люди в своих поступках, действиях. Поэтому экстремизм и терроризм всегда имеют идеологическую основу. Экстремист выражает свое отношение к обществу в виде недовольства, ненависти, агрессии на окружающих. Вот почему действия экстремистов не имеют смысла без разработки и пропаганды экстремистской идеологии.

По мнению специалистов, «экстремистская религиозная идеология отличается от нормальной, не радикальной ее формы не содержанием религиозной догматики и не обрядностью, а специфическими акцентами религиозного сознания, которые актуализируют лишь некоторые стороны религиозной идеологии, переводя на задний план другие ее стороны» [2, с. 12].

На примере религиозно-политического движения «Хизб ут-Тахрир» можно видеть, что экстремистская идеология включает в себя ряд характерных признаков: основывается на «правильном» понимании проблем и противоречий современного общества, верном толковании религиозной доктрины или догматов веры, владении «истинным знанием», представлении об «идеальном государстве», исключительных путях и средствах его построения и воплощения в настоящее время. На основе таких элементов идеологии экстремизма строится непримиримая в социальной жизни позиция, исключая размышления, диа-

лог, всестороннее обсуждение имеющихся проблем и противоречий.

Итак, религиозный экстремизм можно определить как непримиримую конфронтационную позицию, приверженность к крайним и нетерпимым взглядам, отрицание системы традиционных культурных и цивилизационных ценностей, моральных и религиозных норм, правил, агрессивная пропаганда своих «истинных» постулатов, ценностей, нацеленность на разрушение общепризнанных конституционных норм, препятствие для духовного совершенствования личности, сдерживание позитивных изменений и тенденций в общественной и государственной жизни.

Осмысление сути религиозного экстремизма, раскрытие не только мировоззренческих идей или теоретических программных построений экстремистской деятельности, но и выявление потребностей, мотивов, интересов и целей экстремистов вновь поднимает вопросы разработки четкой и ясной концепции национальной идеологии, развития системы моральных и правовых ценностей, вовлечения общественности к управлению государством, привлечения населения к диалогу, сотрудничеству, чтобы они могли активно участвовать в общественной и государственной жизни, вносить свой вклад в развитие общества и государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. О противодействии экстремистской деятельности [Текст]: Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3032. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 02.06.2021).
2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года : Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 20. – Ст. 244. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 26.08.2019).
3. Забияко А.П. Экстремизм религиозный // Религиоведение: энциклопедический словарь / под ред. А. П. Забияко, А. Н. Красникова, Е. С. Элбакян. М.: Академический проект, 2006. С. 1220-1221.
4. Нуруллаев А. А., Нуруллаев Ал. А. Проблемы политического экстремизма в современном мире. / Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Политология. 2003. №4. С. 83–92.
5. Плужников Е. Н. Понятие религиозного экстремизма и его проявления в современной России / Вестник РУДН, серия политология, 2010, №1. С.71 – 77.
6. Кадиева А.М. Религиозный экстремизм: сущность, причины, пути преодоления : автореф. канд. филос. наук, 2008. – 22 с.

© Янбухтин Р. М.

Трибуна молодого ученого

УДК [378.6:351.74]:001.81(470):002.61:004.77

А. А. РЕДЬКО, начальник научно-исследовательского отдела Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук (г. Волгоград)

A. A. REDKO, Head of the Scientific-Research Department, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law (Volgograd)

Т. В. ЯЛОВЕНКО, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Волгоград)

T. V. IALOVENKO, Assistant Professor of the Department of Theory and History of Law and State, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Law, Associate Professor (Volgograd)

**ОСОБЕННОСТИ ОПУБЛИКОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
МВД РОССИИ В БАЗАХ ДАННЫХ SKOPUS И WOS**

**FEATURES OF SCIENTIFIC ARTICLES PUBLICATION OF THE TEACHING
STAFF OF THE EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE MINISTRY OF
INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA IN THE DATABASES OF SKOPUS AND WOS**

Аннотация. Публикации в международных базах цитирования являются необходимым условием для участия во многих международных научных программах, получения грантов в России и за рубежом. Наличие статей в международных журналах важно для формирования серьезной репутации в научном сообществе. В настоящее время приоритетной задачей у руководителей образовательных и научных организаций является изменение подхода профессионального сообщества к алгоритмам опубликования научных статей педагогических работников в базах данных Skopus и Wos, чтобы сделать этическое поведение целесообразным и научить тех, кто способен учиться, как выходить в мировое научное пространство, чтобы в дальнейшем не возникало сомнений за качество своих публикаций. Статья посвящена рассмотрению специфики опубликования научных статей педагогических работников образовательных организаций МВД России в базах данных Skopus и Wos.

Ключевые слова и словосочетания: публикации, образовательные организации, Skopus, педагогические работники, научная работа, алгоритм написания статьи.

Annotation. Publications in international citation databases are a prerequisite for participating in many international scientific programs, receiving grants in Russia and abroad. Availability of articles in international journals is important for the formation of serious reputation in the scientific community.

Currently, the priority task for the leaders of educational and scientific organizations is to change the approach of the professional community to the algorithms for publishing scientific articles of teachers in the Skopus and Wos databases in order to make ethical behavior expedient and teach those who are able to learn how to enter the world scientific space. so that in the future there will be no doubts about the quality of their publications. The article is devoted to the consideration of the specifics of publishing scientific articles of pedagogical workers of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Skopus and Wos databases.

Keywords and phrases: *publications, educational organizations, Scopus, teaching staff, scientific work, writing algorithm articles.*

Научно-исследовательская работа в МВД России осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации о науке и государственной научно-технической политике [1], нормативными требованиями Министерства внутренних дел Российской Федерации [2], Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, учитываются основные положения доктрины развития российской науки, концепции реформирования Министерства внутренних дел Российской Федерации, концепции инновационной политики Российской Федерации, концепции национальной безопасности Российской Федерации и Федеральной программы развития образования.

В соответствии с требованиями Дорожной карты по оптимизации сети советов по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденной Министерством науки и высшего образования Российской Федерации 23 августа 2016 г. с изменениями, внесенными 25 июня 2018 г. в Перечень мероприятий, подлежащих реализации включено обязательное достижение 90% членов диссертационных советов индикатора показателей по наличию не менее 1-й публикации за последние 5 лет в базе данных Scopus или Web of Science.

В этом свете возникает серьезная проблема у всех образовательных организаций, где функционируют диссертационные советы в рамках выполнений требований по количеству публикаций в изданиях, индексируемых в международных цитатно-аналитических базах

данных Web of Science и Scopus, а также в специализированных профессиональных базах данных Astrophysics, PubMed, Mathematics, Chemical Abstracts, Springer и т.п. в части наличия не менее 5 научных статей для диссертационного совета по гуманитарным специальностям, а это около 0,3 научной статьи в расчете на каждого члена диссертационного совета в год.

Тем, кто заинтересован опубликовать свою статью единолично или в соавторстве необходимо осознавать несколько аспектов, связанных с этой формой научно-исследовательской деятельности.

В основе успешного итога в первую очередь лежит качество научной продукции. Статьи для Web of Science и Scopus должны представлять из себя завершенное научное исследование с целями, задачами, методикой, различными видами апробаций и конкретными выводами. Авторский текст должен нести в себе инновации. Алгоритм написания по принципу сравнения различных мнений российских авторов с пограничными выводами и компилированным текстом заведомо обречен на провал.

Автор должен понимать, что в системе Scopus имеются журналы с различным статусом, в частности, это Open Access Journals или материалы конференций, заявленных под эгидой Web of Science и Scopus, они наиболее распространены, их представители заявляют, что для поддержания журнала в статусе «Scopus» необходимо пролонгировать договор с целью административного доступа в указанную базу для обслуживания журнала по аналогии с РИНЦ «Elibrary». Вторая

категория это Closed Access Journals – журналы, которые функционируют при образовательных организациях, они автономны и финансируются либо за счет грантовой поддержки, либо за счет бюджетных ассигнований вуза. Стоимость опубликования в Open Access Journals варьируется от 400 до 1000 долларов США, промежуток времени для опубликования очень заманчив [3]. Так, некоторые издания уверяют, что от момента направления текста статьи с заявкой до ее опубликования пройдет всего 2 месяца. Среди Open Access Journals очень много коммерческих проектов, цель которых не распространение научных знаний, а зарабатывание денежных средств. То огромное количество спам-рассылок и информационных писем, которое приходит на адрес электронной почты каждому педагогическому работнику, по своей сути ориентировано именно на такие журналы. Достаточно знать английский язык на средне-продвинутом уровне, чтобы зарабатывать в качестве ретейла любого журнала, разница между стоимостью опубликования и заявленной стоимости в рассылках остается у администратора рассылки. Как правило, администраторы стараются сделать картинку информационного письма максимально «красочной» и представляются как, например, «Глобальные мировые проблемы», «Мировой кризис в науке», «Масштабные преобразования на рубеже XXI века» и т. д.

Плохие журналы можно условно разделить на три типа:

1. «Хищные» или «всеядные», для которых издание статей низкого качества – просто бизнес. Как правило эти журналы зарегистрированы в развивающихся странах (Индия, Пакистан, Чили и др.). С целью индексирования в базе данных Scopus первые 4 – 5 номеров таких журналов выходят в свет в объеме 5 – 10 авторских листов и только с качественными статьями, авторы – известные ученые в области физики, математики, астроно-

мии, которым выплачиваются авторские гонорары. Как только журнал проходит экспертизу и попадает в перечень Scopus редакция журнала принимает к опубликованию абсолютно любую статью за вознаграждение в 400 – 800 долларов США, объем одного выпуска увеличивается в разы и может представлять из себя несколько томов. Срок следующей экспертизы на соответствие требованиям Scopus составляет 2 года, за это время администрация журнала успевает вернуть свои инвестиции, затраченные в первые номера и еще прилично заработать на авторах.

2. «Мусорные» журналы с низкой востребованностью в научной среде и со слабыми редакциями, уровень специальных знаний и научных связей которых не позволяют им выйти на должный уровень, в таких журналах часто встречаются статьи, переведенные на английский язык с помощью Google переводчика и ранее опубликованные в России в журналах, входящих в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук [4].

3. «Замаскированные» журналы. Ряд коммерчески настроенных редакций осознали, что менее затратные инвестиции требуются при формировании сборников статей или опубликовании электронных монографий под эгидой Scopus. В этом случае нет необходимости проходить этапы Web of Science с последующей экспертизой. Алгоритм намного проще – проводится международная конференция, заключается договор на размещение в базе данных Scopus, язык конференции объявляется английский, в президиум, в организационный комитет и в планарные выступления заявляются несколько лиц с ученой степенью PhD, после чего сборник такой конференции индексируется в Scopus. При этом российский ретейл таких услуг пользуется

невнимательностью или недостаточным знанием английского языка контрагентов, а также субъектов, которые проверяют данные (секретари ученых советов; лица инспектирующие образовательные организации и др.) и в информационных письмах приглашают к опубликованию научных статей в журналах.

Об указанных проблемах хорошо известно в научном мире и в административно-управленческом аппарате Scopus. Изначально все журналы варьировались по индексу Q (аналог импакт-фактора) от 1 до 4, где 1 – востребованный журнал (зеленый индекс), 4 – невостребованный журнал (красный индекс).

Еще одним способом борьбы за научную порядочность является ежегодное формирование «black list» Scopus – это те журналы, которые формально-юридически находятся в перечне иностранных баз данных, а по сути, никаким научным авторитетом не обладают. В этой связи прежде чем направлять заявку в тот или иной журнал необходимо удостовериться, что он не входит в «black list».

В настоящее время активным образом внедряются специальные компьютерные программы и приложения такие как Scopus Radar, выявляющие журналы и сборники конференций, обладающие признаками некорректной редакционной политики и взимающие с авторов денежные средства за опубликование.

Вместе с тем представляется возможным разъяснить порядок опубликования своих научных изысканий в базе данных Scopus педагогическими работниками образовательных организаций МВД России. Подробные презентации и алгоритмы действий имеются на сайте Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ). Президент Ассоциации Кириллова Ольга Владимировна – член Экспертного совета по отбору журналов в БД Scopus (Content Selection Advisory Board — CSAB). Авторизованный консультант-эксперт Scopus с 2018 года, размещает доступный каждому видео кон-

тент, а также консультирует журналы на возможность включения их в базы данных Scopus [5].

Свой самостоятельный путь по интеграции научных достижений в мировое сообщество необходимо начинать с сайта www.scimagojr.com. На этом ресурсе размещен актуальный перечень всех журналов БД Scopus с удобными, дополнительными гиперссылками, позволяющими отфильтровать журналы по сфере интересов, странам, типу и т.д. Кроме того, сайт имеет несколько визуальных инструментов, позволяющих определить, будет ли взиматься с автора плата или нет – ярлык в форме навесного замка. Открытый замок – Open Access Journals (плата взимается), закрытый замок Closed Access Journals (публикации безвозмездны). Также журналы можно градировать по Q индексу с дополнительным графиком востребованности, который позволяет понять попал журнал в низкий Q индекс случайно или это его закономерное положение на протяжении нескольких лет.

Необходимо отобрать от 3 до 7 журналов, которые удовлетворяют требованиям по паспорту научной специальности, стоимости или безвозмездности опубликования, Q индексу. Ученому без мирового статуса затруднительно опубликоваться в Q1, при этом нет видимой необходимости (если это не формальные требования для защиты диссертационного исследования) для опубликования своих достижений в журналах с индексом Q4. В этой связи начинающему ученому на поприще Scopus лучше вступить в диалог с редакцией журналов с индексом Q2 – Q3. После чего на том же ресурсе www.scimagojr.com необходимо зайти в личный кабинет каждого журнала и скопировать ссылку на официальный сайт журнала. Далее действия повторяют алгоритмы опубликования в российских журналах, входящих в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы

основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук. На сайтах журналов необходимо найти вкладку «For authors» скачать требования и шаблоны для статей «Manuscript», скорректировать свою статью под требования и направить во все журналы. Особенное внимание необходимо уделить переводу статьи, так как даже лицо со специальным образованием далеко не всегда в состоянии перевести на английский язык научную статью корректно [6]. Через 1 – 2 месяца

поступят ответы из редакций 2 журналов из 7, таков коэффициент полезного действия, с конкретными замечаниями, возможно даже с рецензиями и с заключением: «Статья отклонена», «Статья нуждается в доработке», «Статья принята к публикации». Необходимо иметь в виду, что большинство журналов требует регистрации на своем сайте, а процедура направления манускрипта (статьи) осуществляется либо через специальное приложение либо через внешний инструмент подгрузки данных.

ЛИТЕРАТУРА

1. О науке и государственной научно-технической политике [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 23 августа 1996 № 127-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
2. Об организации научного обеспечения и применении положительного опыта в органах внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 18 марта 2013 № 150. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Как написать статью Scopus и Web of Science? URL: https://vk.com/centerofscience?z=video-38470991_456239020%2Fvideos-38470991%2Fpl_-38470991_-2 (дата обращения: 25.05.2021).
4. Scopus Only Days 2021. Критерии отбора журналов и рабочий процесс (Ольга Кириллова, ECSAC Russia). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jc843HfyFvo&feature=youtu.be> (дата обращения: 25.05.2021).
5. Кириллова Ольга Владимировна – президент Ассоциации научных редакторов и издателей. URL: <https://rasep.ru/struktura/prezident-assotsiatsii>. (дата обращения: 25.05.2021)
6. Научные переводы. Блог для ученых, аспирантов и преподавателей. URL: <https://научные-переводы.рф>. (дата обращения: 25.05.2021).

© Редько А. А.

© Яловенко Т. В.

ОТЗЫВЫ. РЕЦЕНЗИИ. ПЕРСОНАЛИИ

УДК 343.143-049.5(470)(049.3::043.3)

М. Э. КААЦ, доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент (г. Уфа)

М. Е. КААТЗ, Assistant Professor of the Chair of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor (Ufa)

**ОТЗЫВ
ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
НА ДИССЕРТАЦИЮ СВЕЧНИКОВОЙ ЕЛЕНА ИВАНОВНЫ
«ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ СВИДЕТЕЛЕЙ: УГОЛОВНО-
ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ», ПРЕДСТАВЛЕННУЮ НА СОИСКАНИЕ
УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК
ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ: 12.00.09 – УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС**

**REVIEW
BY THE OFFICIAL OPPONENT
OF THE DISSERTATION “ENSURING THE SAFETY OF WITNESSES:
CRIMINAL PROCEDURE ASPECT”, SUBMITTED FOR THE DEGREE
OF CANDIDATE OF LAW, SPECIALTY: 12.00.09 - CRIMINAL PROCEDURE
BY ELENA IVANOVNA SVECHNIKOVA**

Актуальность темы диссертационного исследования Е.И. Свечниковой не вызывает сомнений и обуславливается важнейшим направлением деятельности государства – обеспечением безопасности тех, кто способствует раскрытию и расследованию преступлений. В большинстве своем таковыми являются свидетели по уголовным делам, которые нередко подвергаются серьезной опасности при осуществлении вербального содействия правоохранным органам. В связи с этим особое значение в сфере уголовного судопроизводства приобретает деятельность правоохранительных органов по защите граждан, которые чаще всего и передают доказательственную информацию лицу, ведущему производство по уголовному делу. Несомнен-

но, обеспечение безопасности данных участников уголовного судопроизводства является основной гарантией осуществления правосудия в современных условиях. В свою очередь, грамотный и умелый подход законодателя к формированию системы обеспечения безопасности свидетельствующих субъектов от посткриминального воздействия, а также своевременная и эффективная реализация правоприменителями механизмов, входящих в данную систему, будет способствовать повышению уровня доверия граждан к государственной системе правосудия, должному обеспечению гарантированных конституционных прав и свобод личности.

Однако на сегодняшний момент отечественное законодательство, регули-

рующее государственную защиту участников уголовного судопроизводства, далеко не в полной мере обеспечивает безопасные условия вовлечения в производство по уголовному делу лиц, обладающих доказательственной информацией и дающих показания в процессе расследования, раскрытия преступлений и привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших преступные действия. Оставляет желать лучшего и практика деятельности профессиональных субъектов уголовного судопроизводства, реализующих публично-значимые государственные функции, в части заинтересованности и реального применения ими имеющихся средств обеспечения безопасности участников уголовного процесса. Прав в этой связи диссертант, констатирующий, что «система обеспечения безопасности свидетелей – скорее декларация, чем реальность» (с. 4) и что для достижения безопасного состояния личности, попавшей в орбиту уголовно-процессуальных отношений «требуется активная деятельность уполномоченных субъектов, направленная на снижение риска причинения вреда жизни, здоровью, имущественным и иным правам участвующих в уголовном судопроизводстве лиц до минимальных значений» (с. 11). Только при таких условиях функционирования уголовно-процессуальной деятельности будет отвечать своему истинному предназначению.

Таким образом, есть основания исследовать обозначенную в работе проблематику с целью дальнейшего развития уголовно-процессуальной доктрины в заданном направлении, совершенствования законодательных механизмов и практики применения мер безопасности, а также создания на этой основе наиболее оптимальной и эффективной концепции защиты свидетельствующих субъектов уголовного процесса.

Индивидуальность проведенного исследования заключается, прежде всего, в обозначенной в ней цели и реализован-

ных автором задачах, в пределах объекта и предмета исследования, которые определили весьма разумную, последовательную и логически связанную структуру диссертационной работы.

Представленная для оппонирования диссертация состоит из введения, четырех глав, включающих 10 параграфов, заключения, списка источников и литературы, приложений. Главы и параграфы диссертации взаимосвязаны, каждая из них носит заверченный характер, содержит самостоятельные предложения и выводы.

Первая глава «Общие положения о безопасности личности в уголовном судопроизводстве» состоит из трех параграфов и посвящена анализу сущности многовекторной категории «безопасность» применительно к сфере уголовного судопроизводства. В первом параграфе «Уголовный процесс как фактор риска для участвующих в нем лиц» комплексно исследуется природа безопасности как социально-правового явления с позиции концепции «приемлемого (допустимого) риска» (с. 19), «триады объектов безопасности» (с. 21) и выделения в ней основного объекта – личности (с. 23), защищенность которой, по мнению диссертанта, не является тождественной исследуемому явлению (с. 28). Под безопасностью Е.И. Свечникова предлагает понимать «состояние, при котором риск для жизни, здоровья, имущественных и иных прав участвующих в уголовном судопроизводстве лиц минимален (пренебрежимо мал)» (положение № 2, с. 28, 32). Делаются выводы относительно имманентно присущей потенциальной опасности уголовного процесса для лиц, вовлеченных в данную сферу деятельности, обусловленной ее высококонфликтной природой (с. 30-31), наличием посткриминального воздействия (с. 20) и профессиональным риском (с. 29). Во втором параграфе «Уровни и средства обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства» дает-

ся понятие обеспечения безопасности личности в уголовном судопроизводстве, определяется ее цель и результат (с. 32-34). Автором описывается предложенная им двухуровневая система обеспечения безопасности, состоящая из общего и частного уровней. Каждый уровень опасности выстроен и детально проанализирован диссертантом с учетом: 1) источника (носителя) опасности; 2) непосредственной опасности; 3) адресата опасности (положение № 3, с. 34-39). Соискатель приводит результаты проведенного опроса следователей, судей и адвокатов относительно содержания посткриминального воздействия, с которым им приходилось сталкиваться в процессе профессиональной деятельности (с. 38-41). В ходе осуществления научно-правового анализа автор приходит к мысли о целесообразности обособления принципа обеспечения безопасности личности в уголовном судопроизводстве в отдельной норме гл. 2 УПК РФ (положение № 5, с. 42). В третьем параграфе «Право на безопасность в структуре процессуального статуса свидетеля» обстоятельно рассматривается вопрос определения места данного права личности в ее общеправовом статусе в целом, и специальном статусе свидетеля, в частности. Следует согласиться с диссертантом, приходящим в этой связи к выводу о том, что «создание государством в лице уполномоченных субъектов процесса безопасных условий участия в производстве по уголовному делу является гарантией реализации права на жизнь. Если государство под угрозой применения уголовной ответственности обязывает свидетеля давать показания и выполнять иные предусмотренные нормами УПК РФ требования, не гарантируя при этом права на жизнь, то отказ свидетеля от исполнения этих обязанностей представляется правомерным» (с. 50). Заслуживает одобрения высказанное предложение автора о необходимости криминализации действий угрозоносителей, выражающихся

в преследовании (сталкинге) свидетеля, дополнив, таким образом, гл. 31 УК РФ соответствующей нормой (положение № 6, с. 55).

Вторая глава исследования «Защита сведений о личности свидетеля как основа и гарантия его права на безопасность» представлена тремя параграфами. В первом параграфе «Конфиденциальность сведений о личности как объект правовой защиты и основа безопасности свидетеля» совершенно верно выявляется основная опасность, угрожающая свидетелям по уголовным делам, – распространение (утечка) данных о них. Из этого следует, что основным средством, способным защитить свидетелей, является обеспечение конфиденциальности сведений о них (деперсонификация свидетеля), которое достигается через комплексное применение процессуальных средств, предусмотренных ч. 3 ст. 11 УПК РФ (положение № 7, с. 56, 58, 62). Дается авторская классификация групп свидетелей, подлежащих «засекречиванию» (с. 59-60). Во втором параграфе «Концепция единой меры обеспечения безопасности свидетеля в уголовном процессе» содержатся авторские определения меры обеспечения безопасности (с. 66), а также единой меры обеспечения безопасности, используемой в случае обережения свидетелей, неизвестных подозреваемым (обвиняемым); раскрывается сущность и особенности применения последней (с. 67, 71, 82-83). Положительным моментом данной части работы видится то, что в ней рассмотрена возможность использования единой меры обеспечения безопасности в отношении участника уголовного судопроизводства, предусмотренного ст. 56.1 УПК РФ. В третьем параграфе «Поводы и основания применения единой меры обеспечения безопасности свидетеля» раскрыты фактические и юридические основания использования предложенной автором системы мер безопасности, поименованной «единой мерой обеспечения безопасности». Совершенно верно

дается дифференциация потенциальной угрозы как обстоятельства объективной действительности, и мнимой угрозы как опасности, существующей лишь в сознании свидетеля или другого участника уголовного судопроизводства (с. 87). Следует согласиться с Е.И. Свечниковой отмечающей императивный характер принятия решения о применении единой меры обеспечения безопасности при необходимости защиты свидетелей, появляющихся в уголовном процессе в результате реализации оперативно-розыскной информации. К ним относятся лица, внедренные в организованные преступные группы, штатные негласные сотрудники органов, осуществляющих ОРД, лица, оказывавшие содействие на конфиденциальной основе (с. 94). Решение о применении единой меры обеспечения безопасности совершенно справедливо предложено отражать в соответствующем постановлении (с. 96).

Третья глава диссертационной работы «Уголовно-процессуальные средства обеспечения конфиденциальности свидетеля» состоит из двух параграфов. В первом параграфе «Изъятие подлинных данных о личности свидетеля из материалов уголовного дела» автор продолжает научную дискуссию о единой мере обеспечения безопасности свидетеля, раскрывая содержание ее основной составляющей. Анализируя проблемы получения анонимных свидетельских показаний в процессе допроса, Е.И. Свечникова верно указывает на необходимость использования нестандартной тактики проведения данного следственного действия, детально раскрывая признаки, по которым лица, привлекаемые к уголовной ответственности, могут узнать оберегаемого субъекта, ознакомившись с протоколом его допроса. Диссертант раскрывает ряд практических рекомендаций по деперсонификации текста показаний анонимного свидетеля, в контексте чего предлагает новую редакцию ст. 190 УПК РФ (с. 101-103, 295). Кроме того,

анализируется проблема сохранения в тайне данных о личности на этапе возбуждения уголовного дела (с. 111-113), предлагается введение нормативного понятие «псевдоним» в примечании к ст. 166 УПК РФ (с. 105, 295). В рамках второго параграфа «Производство следственных и судебных действий в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля» исследуется вторая составляющая предложенной автором единой меры обеспечения безопасности, включающая в себя следующие мероприятия:

1) предъявление для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего свидетеля опознаваемым (ч. 8 ст. 193 УПК РФ);

2) очную ставку, проводимую вне визуального контакта свидетеля и другого ее участника;

3) допрос в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства (ч. 5 ст. 278 УПК РФ);

4) иные судебные действия, проводимые вне визуального контакта свидетеля с другими их участниками (например, предъявление для опознания в суде, проводимое по правилам ч. 8 ст. 193 УПК РФ).

Следуя выдвинутой концепции, диссертант проводит детальный научно-правовой анализ каждого процессуального действия, вносит предложения по совершенствованию правоприменительной практики и изменению действующего уголовно-процессуального законодательства.

Четвертая глава диссертации «Иные средства обеспечения безопасности свидетеля» включает в себя два параграфа. В первом параграфе «Меры пресечения как средства обеспечения безопасности» исследуются вопросы использования данных принудительных превентивных мер уголовно-процессуального характера в качестве механизмов обережения свидетельствующих субъектов. В этой связи

видится верным утверждение диссертанта о том, что «результатом применения мер пресечения является лишение обвиняемого, подозреваемого возможности оказывать противоправное воздействие на участников процесса, что влечет за собой снижение риска причинения вреда этим участникам, а значит, и достижение ими состояния безопасности» (с. 170). Автором, применительно к объекту исследования, проводится сравнительно-правовой анализ оснований применения мер пресечения (п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ) и оснований применения «мер безопасности», в результате чего делается вывод о том, что «единая мера обеспечения безопасности и меры процессуального принуждения образуют комплекс процессуальных средств обеспечения безопасности» (с. 170-171). При этом меры пресечения, характеризующиеся наибольшей степенью ограничения права личности на неприкосновенность (запрет определенных действий, домашний арест, заключение под стражу), справедливо позиционируются как наиболее эффективные средства обеспечения безопасности свидетелей из числа мер процессуального принуждения (с. 171). Далее последовательно подвергаются рассмотрению нормативные и практические проблемы применения каждой из мер пресечения, вносятся предложения по совершенствованию действующего уголовно-процессуального законодательства. Интересными в этой связи видятся размышления автора о нецелесообразности самостоятельного существования в отечественном законодательстве меры пресечения, предусмотренной ст. 105.1 УПК РФ (Запрет определенных действий). Высказана идея и обоснован соответствующий вывод о необходимости отражения ключевых элементов данной меры пресечения – запретов, установленных ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ в отдельной норме закона – новой статье 99.1 УПК РФ (положение № 11, с. 180-185) с возможностью их использования в ка-

честве дополнительных элементов других мер пресечения (с. 187-188, 194). Во втором параграфе «Задержание и иные меры процессуального принуждения как средства обеспечения безопасности» предметом научной дискуссии являются вопросы использования данных принудительных действий в целях ограждения свидетелей и других участников уголовного судопроизводства от посткриминального воздействия. Справедливо указывается, что возможность оказания такого воздействия следует закрепить в ст. 91 УПК РФ не как основание или одно из условий задержания, а как мотив производства данного процессуально-принудительного действия, выступающий в качестве обязательного элемента обоснования задержания в соответствии с ч. 2 ст. 92 УПК РФ (с. 199, 203); подробно рассматривается категория «мотив задержания» (с. 200-204). Далее исследуются отдельные иные меры процессуального принуждения в аспекте их возможного применения в качестве охранительных механизмов добросовестных участников уголовного процесса. В результате делаются выводы о необходимости включения меры процессуального принуждения, предусмотренной ст. 114 УПК РФ (Временное отстранение от должности) в перспективную систему запретов (ст. 99.1 УПК РФ), применяемых по решению суда в качестве дополнительного элемента мер пресечения (с. 208-209), анализируются возможности ее избрания для обеспечения безопасности свидетелей по уголовным делам (с. 206). Аналогичный вывод делается относительно такой меры принуждения, как наложение ареста на имущество (с. 211). Данные предложения представляются вполне разумными и необходимыми.

В заключении диссертационной работы подводятся основные итоги исследования, формулируются выводы и предложения, нашедшие свое отражение в положениях, выносимых на защиту.

Приложения содержат обобщенные

сведения о результатах опроса следователей, судей, адвокатов, обычных граждан, данные изучения материалов архивных уголовных дел и опубликованной судебной практики, обширные предложения о внесении изменений в УПК РФ.

Таким образом, диссертация Е. И. Свечниковой характеризуется обстоятельностью, объективным и системным подходом к рассматриваемым проблемам, добросовестным соблюдением автором правила научной преемственности. Проявленная диссертантом самостоятельность оценок и суждений о научно-теоретическом и нормативном материале, критическое его осмысление позволили сформулировать и обосновать ряд интересных и полезных выводов, содержащих научную новизну и способствующих развитию теории и практики уголовного судопроизводства.

Новизна проведенных исследований и полученных результатов диссертационной работы определяется избранным авторским подходом к научно-теоретическому толкованию понятия безопасности личности в уголовном судопроизводстве, под которым предложено понимать «состояние, при котором риск для жизни, здоровья, имущественных и иных прав участвующих в уголовном судопроизводстве лиц минимален (пренебрежимо мал)», то есть состояние минимального риска для лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства (положение № 2, с. 11, 28, 29, 32). Поэтому система обеспечения безопасности личности в уголовном судопроизводстве представлена в виде деятельности уполномоченных субъектов, направленной на снижение риска причинения вреда жизни, здоровью, имущественным и иным правам участвующих в уголовном судопроизводстве лиц до минимальных значений (с. 32-33). Аналогичный подход используется для определения цели и результата данного вида деятельности (с. 33-34).

Научная новизна диссертационного исследования заключаются также

в следующем:

- диссертантом разработана авторская структура обеспечения безопасности, представленная в виде двухуровневой системы, выстроенной с учетом: 1) источника (носителя) опасности; 2) непосредственной опасности;

- 3) адресата опасности. На первом (общем) уровне: 1) непосредственным источником (носителем) опасности являются лица, обладающие властными полномочиями при производстве по уголовному делу; 2) непосредственная опасность – конкретное процессуальное действие или процессуальное решение;

- 3) адресат опасности – лицо, в отношении которого осуществляется процессуальное действие или принимается процессуальное решение. На втором (частном) уровне: 1) непосредственным источником (носителем) опасности являются лица, осуществляющие посткриминальное воздействие;

- 2) непосредственная опасность – угроза посткриминального воздействия;

- 3) адресат опасности – лица, в отношении которых осуществляется такое воздействие (положение № 3, с. 11, с. 34-39);

- предложено авторское определение меры обеспечения безопасности, под которой понимается «такое количество действий (мероприятий), которое необходимо и достаточно для поддержания риска для жизни, здоровья, имущественных и иных прав участвующих в уголовном судопроизводстве лиц на минимальном уровне или для его снижения в тех случаях, когда показатели допустимого риска превышены» (с. 66);

- в случае обеспечения безопасности свидетелей, неизвестных подозреваемым (обвиняемым), вполне обоснованно предложено использовать единую меру обеспечения безопасности (положение № 8), предполагающую распространять режим конфиденциальности на любые персональные данные о личности свидетеля и ограничивающую права обвиняе-

мого (подозреваемого) на ознакомление с ними на протяжении всего производства по уголовному делу. Указанный режим достигается за счет комплексного применения отдельных взаимосвязанных мер безопасности, предусмотренных ч. 3 ст. 11 УПК РФ (с. 67, 71, 83). Решение о их применении должно быть оформлено в виде отдельного постановления, распространяющего свое действие на все стадии уголовного судопроизводства (положение № 9, с. 96-97);

- предложена авторская нормативная концепция системы запретов, возложение которых на подозреваемого, обвиняемого будет способствовать достижению цели обеспечения безопасности свидетелей при их совместном применении с мерами пресечения (положение № 11, с. 180-185, 187-188, 194, 208-209, 211). Указанные новеллы представляются позитивными и необходимыми.

Обоснованность научных достижений и выводов диссертанта подтверждается солидным эмпирическим материалом. В ходе исследования автором использованы результаты изучения 227 материалов уголовных дел, содержащих данные о применении к свидетелям отдельных мер безопасности (ч. 9 ст. 166, ч. 8 ст. 193, ч. 5 ст. 278 УПК РФ); опубликованная практика Верховного Суда РФ, федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей различных субъектов РФ, размещенная в системах ГАС «Правосудие» и «Судебные и нормативные акты РФ»; данные социологического опроса 449 респондентов: 215 практических сотрудников (128 следователей, 41 судья судов общей юрисдикции, 46 адвокатов) и 234 граждан.

Высоко теоретическое и практическое значение диссертационного исследования, определяющее значимость результатов, полученных в диссертации для науки и практики.

Теоретическое значение исследова-

ния состоит в том, что положения и выводы, сформулированные в диссертации, будут способствовать дальнейшему развитию уголовно-процессуальной науки в части объекта и предмета исследования. Результаты исследования расширяют сложившиеся представления о системе обеспечения безопасности свидетелей в уголовном процессе и могут способствовать развитию общей теории государственной защиты участников уголовного судопроизводства. Теоретические положения, разработанные автором, способны послужить опорой для конструктивной научной дискуссии по данной теме и смежными с ней. Предложения по совершенствованию норм, регламентирующих обеспечение безопасности свидетельствующих участников уголовного судопроизводства, позволят повысить эффективность указанной деятельности.

Практическое значение диссертационного исследования заключается в том, что полученные результаты могут послужить основой для совершенствования уголовно-процессуального законодательства, быть использованы лицами, производящими расследование, и судом для повышения эффективности обеспечения безопасности свидетелей по уголовным делам. Кроме того, содержащиеся в диссертационном исследовании положения могут применяться в процессе профессиональной подготовки обучающихся образовательных организаций высшего образования и сотрудников правоохранительных органов.

Основные результаты исследования, выводы и рекомендации получили апробацию в выступлениях и тезисах докладов на международных, всероссийских научно-практических конференциях и других мероприятиях различного уровня, а также в опубликованных автором научных статьях, в том числе в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации. К тому же, результаты исследования ис-

пользуются при проведении разного рода учебных занятий, учтены в программе курса «Уголовный процесс», изучаемого студентами юридического института ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева».

При подготовке диссертационного исследования автор использовал внушительный арсенал общенаучных и специальных методов.

Вышеизложенное в совокупности позволяет утверждать о степени обоснованности и достоверности полученных положений, выводов и заключений, содержащихся в диссертации, обусловленных репрезентативностью исследования, совокупностью примененных в его процессе методов, результатами апробации, а также внедрением результатов в образовательный процесс.

В автореферате диссертации в достаточной степени представлено ее содержание, отражены основные положения, изложенные в проведенном исследовании, показан вклад соискателя в разработку избранной темы, степень новизны и значимости результатов исследования, а также обоснована структура диссертационной работы.

Основные положения работы нашли отражение в публикациях автора.

Достоинством работы является то, что она написана хорошим научным языком, характеризуется смысловой законченностью и целостностью.

Отдавая дань уважения результатам научного поиска соискателя и высоко оценивая представленное диссертационное исследование, все же нельзя не отметить следующие дискуссионные и спорные положения, содержащиеся в нем:

1. Рассуждая об уровнях и средствах обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства во втором параграфе первой главы диссертационного исследования, автор предполагает наличие источника опасности и объекта, подвергающегося опасности. При этом

под объектом (адресатом опасности) диссертант понимает участника уголовного судопроизводства (с. 34, 39). По мнению оппонента, объектом, подвергающимся опасности, могут выступать лишь жизнь, здоровье, телесная неприкосновенность, имущество, честь и достоинство участников уголовного судопроизводства, но не сами оберегаемые субъекты – участники уголовно-процессуальных отношений.

2. Описывая первый общий уровень обеспечения безопасности, входящий в предложенную автором двухуровневую систему, диссертант упоминает о том, что непосредственным источником (носителем) опасности являются должностные лица, обладающие властными полномочиями на осуществление процессуальных действий и принятие процессуальных решений – следователь, дознаватель, прокурор, судья и т. д. (положение № 3, с. 11, 34). Согласиться с данной позицией достаточно трудно. Не является ли данный подход следствием недоверия и предубеждения автора о потенциальной неправомерности действий соответствующих профессиональных субъектов уголовного судопроизводства? Представляется, что соискателю целесообразно будет уточнить свою позицию по данному вопросу в ходе публичной защиты диссертации. В связи с этим хотелось бы услышать мнение диссертанта о том, допускает ли он существование уголовно-процессуальных отношений, в которых отсутствует фактор риска для участвующих в них лиц?

3. В целом положительно оценивая предложение автора о нормативном закреплении возможности проведения очной ставки в условиях, исключающих визуальное наблюдение, в том числе, с использованием систем видео-конференц-связи, а также с целью обеспечения безопасности лица под псевдонимом (положение № 8, с. 134-145, 295), хотелось бы услышать более подробные разъяснения диссертанта о том, каким образом

для участия в данном следственном действии будет привлекаться второй следователь? Необходимо ли будет оформлять данное решение в виде отдельного поручения, постановления о создании следственной группы или постановления о привлечении к участию в следственном действии конкретного следователя, учитывая одну из ведущих позиций второго следователя в его проведении?

В качестве рекомендации хотелось бы отметить, что термин «засекречивание», неоднократно употребляемый автором на страницах диссертационной работы (с. 58, 59, 69, 70, 82, 84, 102 и др.), по мнению оппонента, необходимо выделять кавычками, так как в контексте исследуемой проблематики он используется в условном своем значении, – при отсутствии действительной процедуры, приводящей к присвоению соответствующего «грифа секретности» материалам, содержащим конфиденциальную информацию об оберегаемом участнике уголовного судопроизводства. Кроме того, и сам автор в отдельных случаях все же использует кавычки для его выделения (с. 75, 92).

Однако отмеченные выше вопросы, рекомендации и спорные положения ни в коем случае не умаляют достоинства проведенного исследования, являются

частными и в большей степени дискуссионными.

Диссертация соответствует паспорту специальности 12.00.09 – Уголовный процесс, охватывая своим содержанием вопросы о современном состоянии и тенденциях развития науки уголовного процесса.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Диссертационное исследование Свечниковой Елены Ивановны «Обеспечение безопасности свидетелей: уголовно-процессуальный аспект» представляет собой самостоятельную завершенную научно-квалификационную работу, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для науки уголовного процесса.

2. Диссертация соответствует критериям, установленным ч. 2 п. 9, пп. 10–14 раздела II Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 года № 842 (в ред. от 1 октября 2018 г., с изм. от 26 мая 2020 г.).

3. Автор диссертации Свечникова Елена Ивановна заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.09 – Уголовный процесс.

ПАМЯТКА
АВТОРАМ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ
«ПРАВО: РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА»

Редакционная коллегия принимает для рассмотрения и публикации научные статьи, по своему содержанию отражающие наиболее важные проблемы права и государства в современном и историко-правовом ракурсе, актуальные вопросы юриспруденции, правоохранительной деятельности Российской Федерации и зарубежных стран, тенденции развития и совершенствования высшего юридического образования в образовательных организациях МВД России, особенности интеграции юридической науки и практики, а также обзоры и комментарии законодательства.

Группы научных специальностей, по которым могут публиковаться материалы:

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право.

12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

12.00.09 – Уголовный процесс.

12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность.

12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

12.00.14 – Административное право; административный процесс.

Заявки и рукописи представляются в Уфимский ЮИ МВД России с приложением электронного варианта на электронном носителе, либо по электронной почте: vestnik_uyi@mvd.ru, gio_uyi@mvd.gov.ru (с пометкой: «Право: ретроспектива и перспектива»).

Структура статьи

Название на русском и английском языках (печатается прописными буквами с соблюдением симметрии, размер шрифта – 14).

Сведения об авторе на русском и английском языках (над заглавием справа должны быть указаны инициалы, фамилия автора (авторов) – печатаются прописными буквами, размер шрифта – 14; занимаемая должность, полное название места работы, ученая степень и ученое звание – строчными буквами, размер шрифта – 12, курсивом; номер телефона (служебный или домашний), факс, адрес электронной почты (не для печати).

Аннотация (100–150 слов) и ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3) на русском и английском языках – печатаются курсивом, размер шрифта – 12.

Рукопись статьи должна представлять собой распечатку текста на одной стороне листа формата А 4 (210 x 297 мм) в текстовом редакторе Microsoft Word с использованием шрифта Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – одинарный. Страницы рукописи должны иметь строго выдержанные поля: по 2,5 см каждое. По объему текст не должен превышать 27 000 знаков с пробелами машинописного текста через одинарный интервал. С учетом данных об авторе, используемого библиографического списка ссылок на использованные источники, аннотации и ключевых слов объем текста должен быть в пределах от 7 до 10 страниц, т. е. от 17 000 знаков на 7 страницах до 27 000 знаков на 10 страницах с учетом пробелов, библиографических ссылок, включая таблицы, графики, рисунки, фотографии, другие нетекстовые элементы, которые группируются отдельными файлами в формате TIFF, JPEG, разрешение – не менее 300 dpi.

Оригинальность статьи должна составлять не менее 60 %.

Пристатейный затекстовый библиографический список ссылок, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», размещается конце текста, размер шрифта – 12, Times New Roman. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница.

Индекс Универсальной десятичной классификации (УДК), который располагается слева перед сведениями об авторе (авторах) отдельной строкой.

При использовании в тексте различных аббревиатур необходимо приводить их расшифровку, а в скобках – аббревиатуру с последующим использованием ее без расшифровки. Например, уголовно-исполнительная система (далее – УИС).

Статья должна быть подписана автором (авторами) на последней странице второго экземпляра следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Сведений, составляющих государственную и служебную тайну, не имеется».

Публикуемые статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Авторы несут ответственность за недостоверные сведения, содержащиеся в их материалах.

К рассмотрению не принимаются рукописи, опубликованные в других изданиях.

Соискатели, адъюнкты, аспиранты предоставляют отзыв научного руководителя.

Предоставляя статью для публикации, автор выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в справочно-правовых системах, базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет).

К направляемым в редакцию научным статьям обязательно прилагается заполненная и подписанная заявка по следующей форме:

<p>Заявка на опубликование научной статьи (рецензии/обзора) в научном журнале «Право: ретроспектива и перспектива»</p> <p>Прошу Вас рассмотреть вопрос об опубликовании подготовленной мной статьи _____ _____ (название статьи) в рубрике _____</p> <p>Передаю на неограниченный срок учредителю журнала неисключительные права на использование научной статьи путем ее воспроизведения и размещения на официальном сайте института в сети Интернет.</p> <p>Подтверждаю, что в направляемой научной статье не нарушаются авторские и смежные права, направляемый материал ранее опубликован не был, не направлялся и не будет направляться для опубликования в другие научные издания без уведомления об этом редакции журнала. При подготовке материалов к публикации не использовались литературные источники и документы, имеющие гриф ДСП, «секретно», а также служебные материалы других организаций.</p> <p>Согласен на обработку своих персональных данных в соответствии со ст. 6 Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ.</p> <p>Ознакомлен и согласен с требованиями и условиями публикации в журнале, утвержденными редакцией.</p> <p style="text-align: center;">О себе сообщаю следующую информацию:</p> <p>ФИО (полностью): _____ Должность: _____ Место работы: _____ Ученая степень: _____ Ученое звание: _____ Адрес: _____ Телефон для связи: _____ E-mail: _____</p> <p>Электронный вариант статьи на _____ страницах прилагается. Дата, подпись, расшифровка подписи.</p>
--